

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФА

Новые исследования
по этнологии и антропологии

Б.В. ГОРБУНОВ

**ТРАДИЦИОННЫЕ РУКОПАШНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ
В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН
XIX – НАЧАЛА XX В.**

Историко-этнографическое исследование

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Б.В. ГОРБУНОВ

**ТРАДИЦИОННЫЕ РУКОПАШНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ
В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН
XIX – НАЧАЛА XX В.**

Историко-этнографическое исследование

Москва - 1997

Ответственные редакторы серии:

В.А. Тишков, С.В. Чешко

Ответственный редактор выпуска: М.Г. Рабинович

Рецензенты: Р.Ш. Джарылгасинова, М.Н. Шмелева, В.М. Григорьев

Редакционно-издательская группа:

С.С. Крюкова, Г.А. Носова, Е.А. Пивнева

СЕРИЯ “НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ”

Издается при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (97-01-00227)

Работа посвящена широко бытовавшей у русских, украинцев и белорусов, но малоизученной традиции устраивать состязания в рукопашном противоборстве без оружия - борьбе и кулачном бою. Исследованы древние корни, прослежены пути эволюции этого явления культуры, различные стороны его социального функционирования, распространение в XIX - начале XX в.

© Координационно-методический центр прикладной этнографии Института
этнологии и антропологии РАН, 1997

© Б.В. Горбунов, 1997

Введение

Основу предметной области этнографии составляет народная культура, особенно ее массовые и устойчивые компоненты [665. С.9]. Очевидно, что историко-этнографическое изучение любого этноса может быть признано достаточно полным, если ни один из таких компонентов не останется вне поля зрения исследователей. Более того, полагают, что всесторонняя характеристика отдельного народа-этноса возможна “лишь на основе специального исследования” составляющих его традиционной культуры [70. С.6].

При большом внимании к традиционной культуре восточных славян и значительных достижениях отечественной этнографии в ее изучении, здесь еще имеются пробелы. Например, это относится к требующим междисциплинарного подхода областям (народные медицина, музыка, ботаника, метеорология, спорт и т.п.), исследование которых признается сегодня одной из актуальных задач этнографии [483. С.56]. В частности, малоизученными остаются традиционные состязательные (спортивные) игры, зародившиеся в глубокой древности и длительное время отвечавшие насущным потребностям человека. И современные спортивные состязания, в основе большей части которых лежат народные игры, занимают сегодня в обществе заметное место.

Среди многообразия народных спортивных игр с древнейших времен широко известны рукопашные состязания без применения оружия, где соблюдались неписанные правила, обусловленные культурно-бытовой традицией и определявшие круг разрешенных действий, посредством которых могла быть достигнута цель противоборства – победа над соперником.

Привлекает внимание то, что такие состязания представляют собой не изолированное явление, бытующее (или бытовавшее) только у отдельных народов; в той или иной мере они известны повсеместно [10. С.16; 443. С.317,324; 451. С.169; 580. С.639; 673; 674; 677] и в каждом случае обладают этническим своеобразием. Последнее неизбежно следует уже из известных исследователям этнических различий в элементарных двигательных действиях людей – способах ходьбы, прыжков, толкания, сжимания кулаков и т.п. [589. С.221]. Очевидно, однако, что вместе с тем этническое своеобразие подобных состязаний обусловлено и другими традиционными факторами. Это представляет большой интерес для этнографов, в связи с чем некоторыми исследователями поставлена задача “всестороннего сравнительного изучения” таких игр “в различных европейских странах” [144. С.80].

Вызывает интерес и то, что обычай традиционных рукопашных состязаний, как правило, длительное время сохраняет архаичные эле-

менты. Известно, что исследование таких явлений – одна из важнейших задач этнографии [665. С.10].

Актуальность этнографического изучения этих народных игр определяется и тем, что они принадлежат (по крайней мере у большинства европейских народов) к числу исчезающих элементов традиционной культуры или к таким, которые сохраняются лишь в памяти старших поколений [79. С.58].

Общеизвестно, что в недалеком прошлом у русских, украинцев и белорусов существовал обычай соревноваться в кулачном бою – рукопашном состязании, определяемом как “бой кулаками, без применения оружия” [534. Т.1. Стб.538]; “драка кулаками, для забавы, из молодчества”, где соблюдались определенные правила [153. С.215; 540. С.152]. Наряду с ним у восточных славян существовал (а кое-где и сегодня известен) другой тип такого состязания – борьба, основное содержание которого, в отличие от кулачного боя, составляло “единоборство без оружия и без побоев и драки, где противники только стараются побороть друг друга, свалить с ног наземь” [152. С.117; 541. Т.1. С.220]. Суть обоих типов традиционного соревнования состоит, как видно, в прямом противоборстве соперников посредством ударов или захватов без применения оружия. Это, как представляется, дает основание объединить их под общим названием традиционные рукопашные состязания или народные виды спортивной борьбы.

В Древней Руси они были, по-видимому, широко известны. По мнению Б.А.Рыбакова, упоминаемые в “Повести временных лет” “игрища межю селы” включали в себя кулачные бои [500. С.134]. С.М.Соловьев полагал, что один из фрагментов “Повести” (“видим бо игрища утолочена и людий множество на них, яко упихати начнут друг друга, позоры деюще от беса замышленаго дела”; 1068 г.) сообщает о состязаниях в борьбе или кулачном бою [437. С.114; 561. С.70]. Эта точка зрения принята и рядом других исследователей [305. С.107; 505. С.52; 550. С.369-370]. Согласно летописному преданию о поединке Кожемяки с печенегом (992 г.), такие единоборства могли вестись и без оружия (“не оружьемь ся бьеве, но борьбою” [437. С.84]. По данным И.В.Беляева, “в самые первые века нашей истории” состязания борцов были широко известны [53. С.57-71]. Наиболее древнее на Руси из известных нам изображений кулачных бойцов находится на фреске Киевского Софийского собора (XI в.) [13. С.2,109,110], а борцов – на рельефах Дмитровского собора во Владимире (XII в.) [499. С.397]. Исследователи указывают, что такие изображения часто встречаются в стенной живописи, каменной резьбе, миниатюрах летописей [426. С.151; 392. С.219]. Описания состязаний в борьбе и кулачном бою нередки в древнерусских былинах [171. С.67-69, 84,89-

90,103,143,146,149; 402. С.7,64-68,90]. Имеются они в русских [496. С.68], украинских [650. С.285], белорусских [517. С.88] сказках.

Многочисленные сведения о бытовании традиционных рукопашных состязаний нередко привлекали внимание этнографов, рассматривавших это явление в ряду других устойчивых элементов народной культуры русских [204. С.104,109, 244,251,258; 462. С.124; 476. С.162-166; 554. С.126; 585. С.80-82; 637. С.166], украинцев [299. С.116-118; 344. С.76-77; 455. С.122-123; 580. С.637-639; 613. С.513], белорусов [55. С.117,125,126-127; 241. С.138-139; 393. С.29,39,43,63; 664. С.24, 100]. Исследователи зафиксировали приурочивание этих игр к некоторым традиционным праздникам, в самых общих чертах описали отдельные виды состязаний, высказали предположения об их происхождении. Вместе в тем в конце XIX – начале XX в. предпринимались попытки специального этнографического изучения кулачных боев. Прежде всего отметим здесь работу А.А.Лебедева, неоднократно наблюдавшего бои в Москве в середине XIX в. [305; 306]. Она представляет очерк истории кулачных боев у русских в средневековье и новое время. Более половины объема ее хронологически охватывает XVIII в. и здесь доминирует тема увлечения боями А.Г. и Г.Г.Орловых. Автор рассматривает государственное законодательство о боях, отношение к ним церкви, использование приемов противоборства в качестве средства разрешения судебных споров в Древней Руси. Приведены отдельные правила игры, отмечено возрастное деление в бою “стенка на стенку”. В работе справедливо, на наш взгляд, обращено внимание на то, что жестокость кулачных боев в большинстве случаев преувеличена, что в действительности это было “грандиозное народное гуляние с турниром”, состязание в силе, мужестве, ловкости, соответствовавшее традиционному укладу жизни того времени. А.А.Лебедев указал на генетическую общность обоих типов рукопашного противоборства – борьбы и кулачного боя. В то же время в работе лишь бегло отмечены военно-прикладное значение игры, приурочивание ее к некоторым праздникам, различные виды этого состязания. Бытование этой игры у украинцев и белорусов только упоминается. Многие важные вопросы, – приемы, терминология и тактика боя, географическое распространение и местные особенности боев, их общественные функции, генезис и ряд других, – не затронуты автором. Некоторые положения работы, на наш взгляд, неверны, например, утверждение о бытовании коллективных кулачных боев только у восточных славян. Объективным данным противоречит и то, что “кулачки”, как указывает автор, устраивались “почти исключительно зимой”. Достоинством труда А.А.Лебедева является привлечение большого фактического материала, однако неравномерно распреде-

ленного при освещении разных вопросов. В целом работа имеет описательный характер, в ней не прослеживается целостная концепция исследования. По характеру к ней близка публикация И.Боричевского – предельно сжатый очерк истории боев у русских в XIX в. [63].

Существует ряд исследований по отдельным регионам. Работа Г.И.Фомина [616. №№ 3,5,6] посвящена изучению бытования кулачных боев в Воронежской губ. в начале XX в. В основе ее – полевые наблюдения автора. Им выяснено, что к середине 1920-х г. состязания были широко известны практически во всех уездах губернии и на окраинах Воронежа. Исследовано приурочивание боев к календарным и престольным праздникам в различных местах губернии. Рассмотрены отдельные правила игры, некоторые приемы и их местные названия. Автор пришел к выводу, что это явление надо рассматривать как “деревенский праздник, турнир” с большим числом участников и зрителей, народное спортивное состязание, упражнение военно-прикладного характера. Справедливо отмечено отсутствие (к 1926 г.) серьезных научных исследований обычая устраивать кулачные бои, что, по мнению автора, обусловило отношение к этой народной игре “как к явлению, созданному исключительно некультурностью русской деревни”, и необходимость в данной связи изучения этого этнографического явления.

Н.Я.Никифоровский [398. С.128-137] рассмотрел характерные черты традиционных боев в Витебске во второй половине XIX в. Им выявлены сроки состязаний – зимних и летних, приурочивание их к народным праздникам, установлены места городских кулачных боев. Исследованы принципы деления играющих на партии – по месту жительства и профессиям, система боевых кличей и сигналов, употреблявшихся в разных ситуациях, некоторые приемы и правила боя. Автор отмечает, что состязания имели “общественный” характер, были “необходимым элементом” городской жизни.

Д.И.Багалея [39. С.954-956] собрал и опубликовал без комментариев подробные воспоминания современников о кулачных боях в Харькове в первой половине XIX в.

В ряде публикаций кратко рассмотрены сведения о бытовании изучаемого явления в Москве [251. №№ 1,2-3], Саратове [24], Казани [436], Томске [416], Суздальском уезде [32. №№ 4,7].

Интересно рассмотрение обычая традиционных кулачных боев в Казанской губ. во второй половине XIX в. в труде Е.П.Бусыгина, Н.В.Зорина, Е.В.Михайличенко [72. С.78,90, карта-схема в приложении]. Привлекает внимание осуществленное авторами картографирование народных игр. В то же время в работе, по нашему мнению, допущены некоторые неточности. Так, недостаточно обоснован, на наш

взгляд, вывод о том, что “к концу XIX в. повсеместно были забыты кулачные бои”. Противоречит объективным данным [447. Ст.180] утверждение об официальном запрете боев в 1861 г. В работе Т.А.Бернштам [54. С.93-96] отмечено повсеместное распространение боев в России в XIX – начале XX в. Анализ структуры состязаний дает основание, по мнению автора, рассматривать организацию кулачных бойцов как вид мужского союза “с некоторыми архаичными формами ритуализованного военно-борцовского поведения в мирной бытовой ситуации”.

Н.П.Новоселов в диссертации “Военные игры русского народа и их отношение к эпохе военной демократии” [773] предпринял, в частности, попытку комплексного исследования военно-прикладной и некоторых других функций кулачного боя “стенка на стенку”. Историко-этнографический анализ этих состязаний позволил ему обнаружить в них следы военного искусства, организации, тактики вооруженных формирований славян древности и средневековья. В этой же связи рассмотрен комплекс традиционных правил боя “стеною”, выявлено приурочивание состязаний к некоторым народным праздникам. Исследована связь кулачных боев “с древнейшими военно-погребальными обычаями”. Именно в них автор видит исторические корни этой игры и ее основное ритуально-обрядовое назначение. Возрастное деление в “стенках” поставлено во взаимосвязь с военной организацией древнерусского войска. В числе источников использованы произведения русского фольклора и художественная литература. Ряд положений работы, на наш взгляд, необоснован. Так, возникновение возрастного деления автор генетически связывает с началом разложения родового общества и возрастным делением в дружинах воинов, тогда как известно, что оно появляется задолго до разложения семейных связей в трудовой деятельности. Справедливо полагая, что основанием для широкого распространения игры послужила военная необходимость, автор выдвигает тезис о самом возникновении обычая кулачных боев “не ранее становления классового общества”, что, по нашему мнению, неверно. Неполно объяснены причины многовекового бытования игры лишь выполнением ею функции военной тренировки, что не учитывает ее значение как средства воспитания, развлечения, зрелищно-эмоциональное воздействие игры и другие факторы. Автор не был прав, утверждая, что “в послеоктябрьский период” кулачные бои встречаются редко и к концу 1920-х г. полностью исчезают. Результаты проведенного нами анкетирования и интервьюирования участников и свидетелей этих традиционных мужских игр говорят о том, что вплоть до начала 1940-х г. они имели значительное распространение в сельской местности Европейской России и Сибири, а в

ряде районов бои бытовали и позднее. Наши данные подтверждаются и из других источников [22. С.15; 510. С.106; 571]. Нельзя согласиться с автором и в том, что кулачные бои у украинцев значительно отличались от таких состязаний у русских. Противоречит объективным данным его утверждение о том, что о боях на Украине в конце XIX в. “почти ничего не известно”. Это опровергается целым рядом свидетельств [217; 266. С.86-87; 267]. То же справедливо и в отношении Белоруссии, где, по данным Н.П.Новоселова, к началу 1920-х г. бои были известны только в одном из районов Могилевщины. Из сообщений наших информаторов, например, из Витебской обл., следует, что такие состязания были известны там вплоть до начала войны [741]. Могла бы, на наш взгляд, быть значительно шире источниковедческая база работы. В частности, не привлечены материалы архивов, что снижает ее ценность.

Среди попыток историко-этнографического изучения состязаний в борьбе почти единственной является работа Б.М.Чеснокова [632] – очень краткий очерк истории этой игры у русских. Им отмечено военно-прикладное назначение борьбы, употребление ее приемов в судебных поединках в средневековой Руси, зарождение института борцов-профессионалов. В работе, на наш взгляд, слабо аргументирована трактовка сущности отдельных видов борьбы – “в схватку”, “не в схватку”, “за вороток” и определение “основным видом самобытной русской борьбы” состязания “на поясах”. Без достаточных оснований, по нашему мнению, автор полагает, что борьба как средство физической подготовки известна только в позднее время. Очевидно выполнение такими состязаниями этой функции с древнейших времен.

Работа И.В.Беляева [53] посвящена изучению обычая состязаний в борьбе в Древней Руси. В ней убедительно показано, что в средневековье борьба была одной из наиболее широко известных народных игр. Рассмотрены общественные функции состязаний: воспитания, развлечения, зрелищно-эмоциональная, обычного права. Отмечено зарождение обычая материального вознаграждения атлетов. Приведены фольклорные описания отдельных приемов борьбы. Автор, к сожалению, ограничил круг источников исключительно былинным фольклором и различными вариантами песни о Кострюке.

Историографический обзор дает основание заключить, что к настоящему времени историко-этнографическое изучение древнего народного обычая состязаний в борьбе и кулачном бою у восточных славян находится на начальной стадии.

Между тем существует обширный круг источников, в той или иной мере отражающих бытование такого обычая у русских, украинцев, белорусов. Прежде всего это письменные источники. В их числе

опубликованные материалы географических и этнографических экспедиций XVIII – XX в., где можно найти обширные описания исследуемых игр, особенно кулачных боев. Различные, – от подробных свидетельств до простых упоминаний, – данные об этих традиционных мужских состязаниях имеются в мемуарах, дневниках и переписке современников, относящихся к XVIII – началу XX в. Периодическая печать этого времени дает в основном оперативную информацию о бытовании таких игр. Значительно реже там встречаются их этнографические описания. Место, смысл и значение исследуемого явления не могут быть выяснены достаточно полно без рассмотрения его истоков и эволюции, что обусловило привлечение в круг источников фрагментов летописей, государственных и церковных актов средневековья и нового времени, известий иностранцев о России XV – XVIII в. Интересные, но большей частью фрагментарные сведения содержатся в некоторых этнографических работах и трудах ряда историков (С.М.Соловьев, Н.И.Костомаров, И.Е.Забелин, Б.А.Рыбаков и другие).

Большой интерес представляют неопубликованные материалы архивов. В архиве Российского этнографического музея (особенно среди документов Этнографического бюро В.Н.Тенишева из губерний Европейской России, датируемых в основном концом XIX в.) обнаружено значительное число сообщений, подробно освещающих разные стороны изучаемого явления, в том числе развернутые описания состязаний борцов. Материалы архива Русского Географического общества относятся большей частью к середине XIX в. и также содержат разнообразные сведения о бытовании таких игр в Европейской России и Сибири. В архивах историко-краеведческих музеев и областных архивах удалось найти лишь единичные, однако интересные данные по теме исследования. В фондах Государственного архива Российской Федерации имеются материалы об использовании народных видов спортивной борьбы для военно-физической подготовки бойцов Красной Армии и в системе Всевобуча в первые годы Советской власти.

Как источник, особенно при рассмотрении терминов традиционных рукопашных состязаний, использованы работы по лексике, диалектологии и словари восточнославянских языков и диалектов. Привлечены в качестве источника произведения фольклора восточных славян, где исследуемое явление нашло свое отражение. Признание художественного творчества как специфического способа духовно-практического освоения, познания действительности дает основание использовать и такой источник, как произведения классиков восточнославянских литератур XIX – XX в., правдиво отобразивших традиционный быт русских, украинцев, белорусов, в том числе обычай состязаний в кулачных боях и борьбе.

Важны как источник, хотя и немногочисленны, фотоматериалы, документально зафиксировавшие изучаемые народные игры, и другие их изображения – в произведениях традиционного и профессионального изобразительного искусства.

Незаменимым источником являются сообщения непосредственных участников и свидетелей традиционных рукопашных состязаний, собранные нами большей частью в 1978 – 1988 г. (есть и несколько более ранних свидетельств) путем интервьюирования и анкетирования. Корпус таких сообщений составляет 734 единицы и хронологически охватывает в основном 20 – 40-е гг. XX в. Небольшая часть их датируется началом XX в. Большинство этих материалов географически привязано к областям Центральной России, хотя есть и ряд свидетельств из других регионов. Среди анкет и интервью выделяются по значимости несколько очень подробных сообщений от бывших кулачных бойцов и борцов.

При обобщении и теоретическом осмыслении собранного материала использованы труды этнографов, педагогов и психологов по проблемам игровой деятельности.

Часть названных источников содержит подробные описания состязаний, правил, приемов; сведения о терминах, приурочивании игр к народным праздникам, времени, месте и обстоятельствах их проведения, местных особенностях; данные об участниках и зрителях, сильнейших бойцах и борцах. В ряде из них довольно полно отражены общественные функции состязаний. Зачастую, однако, источники сообщают лишь некоторые из таких сведений. Нередко исследуемое явление только упоминается как бытующее в той или иной местности на народных праздниках. Это обусловило длительное и кропотливое собирание необходимых материалов. Всего в течение ряда лет нами найдено 4470 свидетельств об обычае традиционных кулачных боев и борьбы в XIX – начале XX в.

Выбор указанных хронологических пределов, – XIX – начало XX в., – обусловлен прежде всего тем, что они охватывают время, когда традиционный уклад сохранялся еще достаточно полно (первая половина XIX в.), и период (вторая половина XIX в.), когда народные обычаи, по данным ряда авторов, начинают стремительно исчезать [300. С.5; 475. С.450-451; 501. С.499]. Предмет изучения можно рассмотреть, следовательно, в фазе расцвета и проследить, в какой мере его эволюция следует общей тенденции, сформулированной исследователями. Этот период лучше других (и качественно, и количественно) обеспечен письменными и изобразительными источниками, что дает возможность провести исследование всесторонне и достаточно полно. В то же время не исключаются, при необходимости, экскурсии в отда-

ленные прошлое и в более позднее время, поскольку смысл, место и значение изучаемого явления не могут быть поняты без познания его истоков, предшествующей и последующей эволюции.

Условие полноты, целостности и законченности исследования обусловили выбор географических рамок работы в пределах расселения восточных славян в XIX – начале XX в.

В настоящей работе мы попытаемся дать научное описание изучаемого элемента народной культуры, осуществить теоретическое осмысление собранного этнографического материала, исследовать общественные функции традиционных рукопашных состязаний в XIX – начале XX в., выяснить его исторические истоки. В этом плане представляется необходимым рассмотреть следующие вопросы:

- традиционные правила борьбы и кулачного боя, организация и общий ход состязаний, подготовка к ним, деление на партии, приемы, тактика, термины, локальные особенности;

- типологизация народных видов спортивной борьбы;

- ареалы выявленных типов и видов состязаний;

- состав участников соревнований и зрителей;

- общее, особенное и единичное в содержании традиционных кулачных боев и борьбы у русских, украинцев, белорусов;

- географическое распространение обычая таких состязаний в XIX – начале XX в. в целом, его динамика под воздействием социально-экономических процессов, в том числе отдельно в сельской местности и в городах;

- традиционные сроки состязаний, их приурочивание к народным праздникам, региональные и местные особенности;

- картографирование исследуемого обычая;

- социальные функции изучаемого явления в XIX – начале XX в., сохранявшиеся в это время архаичные функциональные реликты состязаний, их этнографическая трактовка;

- генезис, формирование и эволюция традиционных рукопашных состязаний, причины их длительного устойчивого бытования и последующего отмирания;

- оценка возможностей современного практического использования народных видов спортивной борьбы.

Результатом исследования будет комплексное, всестороннее историко-этнографическое изучение заметного явления народной культуры восточных славян и тем самым восполнение существующего пробела. В этом основная задача работы. Вместе с тем будет выявлена одна из устойчивых на протяжении многих столетий сторон жизни народных масс, что само по себе очень важно. Значимость этого определяется и тем, что «именно бытовая культура чаще всего сохраняет не-

которые весьма показательные в этническом отношении черты” [69. С.138,139]. В то же время работа внесет вклад в изучение генезиса, развития и распространения народных традиций, обычаев и обрядов, их связей и соотношений и, возможно, позволит дополнить и уточнить данные по этнической истории восточных славян или обнаружить связи, не отраженные в других компонентах традиционной культуры. Все это в целом определяет ее значение для этнографической науки. В чисто практическом плане в работе будет дана оценка возможности использования сегодня этих игр в качестве элемента народных праздников и для физической подготовки молодежи.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБЫЧАЯ СОСТЯЗАНИЙ В НАРОДНЫХ ВИДАХ СПОРТИВНОЙ БОРЬБЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Пути исследования, подходы к разным сторонам проблемы, рассмотрение отдельных ее аспектов во многом определяются тем, было ли изучаемое этнографическое явление массовым, широко известным у восточных славян, или же оно имело в XIX – начале XX в. ограниченное распространение. Выяснить этот вопрос необходимо поэтому в первую очередь.

Известно мнение целого ряда этнографов, подкрепляемое обычно отдельными примерами, согласно которому традиционные рукопашные состязания широко бытовали у русских [193. С.35,43; 259. С.161,300; 466. С.75; 493. С.416], украинцев [580. С.637-638; 613. С.513; 614. С.711], белорусов [55. С.125-127; 295. С.4-6; 664. С.100]. Однако, никто не приводит сведений о том, на каком количестве сообщений основывается это утверждение, каково их географическое и хронологическое распределение в продолжение XIX – начала XX в., что не может нас удовлетворить. Поэтому мы предприняли поиск материалов, необходимых и достаточных в количественном (и качественном) отношении для выявления объективной картины. Собранные нами свидетельства неравномерно распределились по обширной территории восточнославянской ойкумены. В одних случаях на достаточно небольшой регион пришлось несколько десятков сообщений, в других же – лишь единицы. Это может отражать как действительное положение, так и степень этнографической изученности отдельных районов. Очевидно также, что при сквозном историко-этнографическом исследовании того или иного традиционного явления на огромной территории неизбежно, вследствие объективных причин, изучение отдельных регионов с разной степенью полноты. Прежде всего выделим территориальную единицу, посредством которой можно объективно отразить действительную картину и, вместе с тем, удобно оперировать имеющимися материалами. Таковой, на наш взгляд, может служить административно-территориальная единица второго порядка дореволюционной России – уезд. Если при разном числе сообщений в отдельных уездах исследуемое явление обнаружится в большинстве их, то вывод о широком в целом распространении традиционных мужских состязаний будет очевиден. Аргументом в

пользу нашего выбора является и то, что сообщения этнографов прошлого о тех или иных обычаях нередко указывают лишь уезд, где они бытовали. Примем также во внимание, что в дореволюционной России статистические и иные материалы фиксировались большей частью по уездам [475. С.454]. Выбор уезда удобен и при картографировании народных видов спортивной борьбы. Сошлемся на опыт составителей историко-этнографического атласа “Русские”, по мнению которых уезд наиболее подходит для картографирования этнографических явлений XIX – начала XX в. [475. С.454]. В соответствии со сказанным имеющиеся у нас материалы о традиционных кулачных боях и борьбе сведены в таблицу 1. Из нее следует, что в XIX – начале XX в. обычай таких состязаний бытовал по крайней мере в 324 уездах (отделах, округах) 62 губерний (областей). В том числе он отмечен в 39 губернских городах, включая обе столицы, в 60 уездных и 16 заштатных городах. Приведенные в таблице 1 сведения убедительно говорят о чрезвычайно широком, – от западных уездов Белоруссии и Украины до Амурской и Приморской областей на востоке и от Архангельской губ., Обдорска, села Маркова (Анадырский у.) на севере до Терской обл. и русских в Тифлисе на юге, – бытовании обычая устраивать состязания в кулачном бою и борьбе у восточных славян в XIX – начале XX в. “У нас любят силу, атлетов, борьбу, – писал журнал начала XX в., – почти каждый здоровый мужчина считает себя силачом, не откажется побороться. Словом, так или иначе проявить свою силу” [87].

Важно сделать замечание по поводу точки зрения украинских этнографов, согласно которой традиционные кулачные бои известны лишь на Левобережье Украины и не прослеживаются на правом берегу Днепра [299. С.116; 613. С.513]. Основную причину такой локализации они видят в исторических и культурных связях Левобережной Украины с Россией [299. С.118], подразумевая заимствование боев украинцами у русских. Наши материалы показывают, что эти состязания бытовали и на правом берегу Днепра, хотя и в меньшей мере, чем на Левобережье. Так, они отмечены в селах Полонное Новоград-Волынского у. [350. С.3-4] и Ольшанка Васильковского у. [380. С.58], в Подольской губ. [305. С.104], в Херсоне [63. С.6], Николаеве [584. С.5-6], Елисаветграде [625], Белой Церкви [380. С.58] и других местах. По нашему мнению, кулачные бои не заимствованы украинцами у русских, а являются древней, общей для восточных славян формой традиционных мужских состязаний (вспомним изображение кулачных бойцов на фреске XI в. в Киевском Софийском соборе).

В целом исследуемые традиционные игры были менее распространены в городах (известия о них имеются из 115 городов), чем в сельской местности. В числе 324 уездов кулачные бои зафиксированы

в 151, борьба – в 53, оба типа состязаний – в 120 уездах. Следовательно, борьба определенно была менее популярна, чем бои (известия о ней в 173 уездах против 271). Это подтверждает и соотношение общего числа сообщений о борьбе – 1041, против 3429 – о боях. В то же время, как видно из таблицы 1, в ряде уездов (Холмогорский, Яренский, Вытегорский, 2-й Донской, Мариупольский, Томский и др.) количество свидетельств о борьбе превосходит число известий о кулачных боях.

Характер географического распространения изучаемых состязаний в середине XIX в. показан на составленной нами карте-схеме рис.1. Здесь и далее при картографировании использованы общие принципы и методы, положенные в основу историко-этнографического атласа “Русские” [475]: сгруппированы сходные и выделены типичные черты тех или иных видов (типов) состязаний, их приурочивания к календарным праздникам; бытование исследуемых игр показано с учетом значимости, количественной характеристики каждого типа и вида, причем последние в этом плане разбиты на три категории – преобладающие по численности, бытующие наряду с ними и встречающиеся редко; при нанесении сведений на карты использован метод значков, причем все три упомянутые категории отличаются по величине значка. Отсутствие значков указывает, что данных о бытовании боев или борьбы в этих уездах у нас нет. На всех картах-схемах административно-территориальное деление Российской империи дано на 1914 г.

Таблица 1.

Распределение сообщений о народных рукопашных состязаниях по губерниям и уездам в XIX – начале XX в.									
Губернии (области)	В том числе уезды (отделы, округа)	Количество сообщений							
		Всего в XIX – начале XX в.		Начало XIX в. – 1850-е г.		1860-е – 1880-е г.		1890-е г. – начало XX в.	
		Бои	Борьба	Бои	Борьба	Бои	Борьба	Бои	Борьба
1. Архангельская	1. Печерский	8	9	3	3	3	4	2	2
	2. Пинежский	–	7	–	3	–	3	–	1
	3. Холмогорский	2	14	2	7	–	4	–	3
	4. Кемский	5	–	3	–	1	–	1	–
	5. Онежский	7	–	3	–	3	–	1	–
	6. Архангельский	6	3	2	2	2	1	2	–
	7. Мезенский	–	8	–	3	–	3	–	2
	8. Шенкурский	–	7	–	3	–	3	–	1
2. Вологодская	1. Вологодский	30	–	13	–	10	–	7	–
	2. Вельский	–	5	–	2	–	2	–	1
	3. Никольский	7	4	3	2	2	1	2	1
	4. Сольвычегодский	5	5	2	2	2	2	1	1

**Распределение сообщений о народных рукопашных состязаниях
по губерниям и уездам в XIX – начале XX в.**

Губернии (области)	В том числе уезды (отделы, округа)	Количество сообщений							
		Всего в XIX – на- чале XX в.		Начало XIX в. – 1850-е г.		1860-е – 1880-е г.		1890-е г. – начало XX в.	
		Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба
	5. Усть-Сысольский	6	–	2	–	2	–	2	–
	6. Устюжский	–	5	–	2	–	2	–	1
	7. Яренский	18	45	6	18	7	15	5	12
3. Вятская	1. Вятский	12	3	10	–	2	–	–	3
	2. Глазовский	5	–	1	–	2	–	2	–
	3. Орловский	7	–	2	–	3	–	2	–
	4. Слободской	–	3	1	1	–	1	–	1
4. Олонецкая	1. Вытегорский	7	17	3	8	4	7	–	2
	2. Каргопольский	7	4	2	1	3	1	2	2
	3. Лодейнопольский	18	5	7	1	5	2	6	2
	4. Олонецкий	8	–	4	–	2	–	2	–
	5. Петрозаводский	6	–	3	–	1	–	2	–
	6. Пудожский	–	3	–	2	–	1	–	–
5. Новгород- ская	1. Белоозерский	5	–	2	–	2	–	1	–
	2. Новгородский	8	–	4	–	2	–	2	–
	3. Череповецкий	13	9	6	3	7	4	–	2
6. Псковская	1. Великолуцкий	16	2	9	2	4	–	3	–
	2. Островский	–	8	–	3	–	3	–	2
	3. Порховский	–	13	–	4	–	5	–	4
	4. Псковский	–	5	–	2	–	2	–	1
	5. Торопецкий	4	–	2	–	1	–	1	–
7. Петербург- ская	1. Гдовский	–	4	–	1	–	1	–	2
	2. Лужский	–	3	–	2	–	1	–	–
	3. Новолодожский	4	–	1	–	2	–	1	–
	4. Петербургский	132	34	50	6	24	3	58	25
	5. Ямбургский	2	–	1	–	1	–	–	–
8. Эстляндская	1. Вайсенбергский	–	3	–	–	–	2	–	1
9. Владимир- ская	1. Александровский	4	3	4	3	–	–	–	–
	2. Владимирский	13	–	6	–	4	–	3	–
	3. Вязниковский	18	10	9	5	7	5	2	–
	4. Гороховецкий	7	–	3	–	2	–	2	–
	5. Ковровский	11	–	4	–	4	–	3	–
	6. Меленковский	12	–	4	–	3	–	5	–
	7. Муромский	13	–	5	–	4	–	4	–
	8. Переславский	–	5	–	2	–	2	–	1
	9. Покровский	10	–	3	–	4	–	3	–
	10. Суздальский	11	–	5	–	3	–	3	–
	11. Судогский	12	–	4	–	4	–	4	–
	12. Шуйский	35	–	14	–	11	–	10	–
	13. Юрьевский	6	–	2	–	2	–	2	–
10. Воронеж- ская	1. Бобровский	5	–	2	–	2	–	1	–
	2. Богучарский	19	5	7	1	8	2	4	1

**Распределение сообщений о народных рукопашных состязаниях
по губерниям и уездам в XIX – начале XX в.**

Губернии (области)	В том числе уезды (отделы, округа)	Количество сообщений							
		Всего в XIX – на- чале XX в.		Начало XIX в. – 1850-е г.		1860-е – 1880-е г.		1890-е г. – начало XX в.	
		Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба
	3. Валуйский	2	–	–	–	1	–	1	–
	4. Воронежский	84	16	32	5	30	6	22	5
	5. Землянский	6	4	1	1	3	1	2	2
	6. Нижнедевицкий	25	–	8	–	10	–	7	–
	7. Новохоперский	34	7	9	2	12	3	13	2
	8. Коротоякский	6	–	1	–	3	–	2	–
	9. Острогожский	34	–	10	–	13	–	11	–
11. Калужская	1. Калужский	7	–	2	–	3	–	2	–
	2. Медынский	11	–	4	–	4	–	3	–
	3. Мещовский	18	8	7	2	6	3	5	3
	4. Мосальский	4	–	2	–	2	–	–	–
12. Костром- ская	1. Ветлужский	5	–	2	–	1	–	2	–
	2. Галичский	9	–	4	–	3	–	2	–
	3. Кинешемский	3	–	3	–	–	–	–	–
	4. Костромской	3	–	3	–	–	–	–	–
13. Курская	1. Курский	16	–	8	–	5	–	3	–
	2. Обоянский	2	4	2	2	–	1	–	1
	3. Старооскольский	6	–	5	–	1	–	–	–
	4. Суджанский	2	–	2	–	–	–	–	–
14. Московская	1. Богородский	75	5	24	2	28	2	23	1
	2. Бронницкий	69	4	25	2	24	1	20	1
	3. Верейский	6	4	3	2	2	1	1	1
	4. Волоколамский	10	4	4	2	4	1	2	1
	5. Дмитровский	6	5	3	3	2	1	1	1
	6. Звенигородский	7	5	3	2	2	2	2	1
	7. Клинский	11	4	4	2	4	1	3	1
	8. Коломенский	36	8	14	2	11	3	11	3
	9. Московский	146	18	60	4	32	3	54	11
	10. Можайский	7	4	3	2	2	1	2	1
	11. Подольский	5	9	2	3	2	4	1	2
	12. Рузский	10	5	4	2	4	1	2	2
	13. Серпуховский	6	5	2	2	2	1	2	2
15. Орловская	1. Болховский	6	4	2	2	2	1	2	1
	2. Брянский	7	4	2	1	3	1	2	2
	3. Дмитровский	5	6	2	3	2	3	1	–
	4. Елецкий	10	–	4	–	4	–	2	–
	5. Ливенский	5	2	3	2	2	–	–	–
	6. Орловский	31	4	13	2	10	1	8	1
	7. Севский	9	5	5	2	2	2	2	1
	8. Трубачевский	4	7	1	3	1	2	2	2
16. Рязанская	1. Данковский	12	5	3	2	5	2	4	1
	2. Егорьевский	30	–	8	–	12	–	10	–
	3. Зарайский	11	–	4	–	5	–	2	–

**Распределение сообщений о народных рукопашных состязаниях
по губерниям и уездам в XIX – начале XX в.**

Губернии (области)	В том числе уезды (отделы, округа)	Количество сообщений								
		Всего в XIX – на- чале XX в.		Начало XIX в. – 1850-е г.		1860-е – 1880-е г.		1890-е г. – начало XX в.		
		Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	
	4. Касимовский	5	2	2	–	2	–	1	2	
	5. Михайловский	6	7	2	3	2	3	2	1	
	6. Пронский	36	–	10	–	14	–	12	–	
	7. Рязский	6	–	2	–	3	–	1	–	
	8. Рязанский	31	9	14	3	9	4	8	2	
	9. Спасский	45	4	13	2	15	1	17	1	
	10. Скопинский	16	7	4	1	6	3	6	3	
	11. Сапожковский	17	4	5	2	6	1	6	1	
	17. Смоленская	1. Вяземский	6	4	2	2	2	1	2	1
		2. Бельский	6	5	3	3	2	1	1	1
		3. Гжатский	12	5	5	2	4	2	3	1
4. Дорогобычский		11	9	3	4	4	3	4	2	
5. Духовшинский		8	5	2	2	3	2	2	1	
6. Ельнинский		4	4	2	2	1	1	1	1	
7. Красневский		7	8	2	3	2	3	3	2	
8. Поречский		14	5	6	2	6	2	2	1	
9. Рославльский		6	4	2	1	3	1	1	2	
10. Смоленский		16	5	6	3	6	1	4	1	
11. Сычевский		6	5	2	2	2	1	2	2	
12. Юхновский		5	4	3	2	1	1	1	1	
18. Тамбовская	1. Борисоглебский	5	–	2	–	2	–	1	–	
	2. Елатомский	6	–	2	–	2	–	2	–	
	3. Кирсановский	6	–	2	–	3	–	1	–	
	4. Козловский	6	–	3	–	2	–	1	–	
	5. Лебедянский	13	–	4	–	5	–	4	–	
	6. Липецкий	9	–	4	–	2	–	3	–	
	7. Моршанский	12	–	5	–	3	–	4	–	
	8. Спасский	5	–	2	–	2	–	1	–	
	9. Тамбовский	8	–	3	–	3	–	2	–	
	10. Темниковский	6	–	3	–	2	–	1	–	
	11. Усманский	7	–	2	–	3	–	2	–	
	12. Шацкий	18	9	8	2	4	3	6	4	
19. Тверская	1. Бежецкий	5	–	2	–	2	–	1	–	
	2. Осташковский	–	2	–	2	–	–	–	–	
	3. Ржевский	6	–	2	–	2	–	2	–	
	4. Тверской	4	8	4	3	–	3	–	2	
20. Тульская	1. Богородицкий	87	–	31	–	29	–	27	–	
	2. Епифанский	12	4	7	2	5	1	–	1	
	3. Ефремовский	25	–	11	–	8	–	6	–	
	4. Тульский	19	–	16	–	3	–	–	–	
	5. Алексинский	11	–	8	–	3	–	–	–	
	6. Белевский	9	–	7	–	2	–	–	–	
	7. Веневский	12	–	8	–	4	–	–	–	

**Распределение сообщений о народных рукопашных состязаниях
по губерниям и уездам в XIX – начале XX в.**

Губернии (области)	В том числе уезды (отделы, округа)	Количество сообщений							
		Всего в XIX – на- чале XX в.		Начало XIX в. – 1850-е г.		1860-е – 1880-е г.		1890-е г. – начало XX в.	
		Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба
	8. Каширский	8	–	7	–	1	–	–	–
	9. Крапивенский	9	–	8	–	1	–	–	–
	10. Новосильский	10	–	8	–	2	–	–	–
	11. Одоевский	12	–	8	–	4	–	–	–
	12. Чернский	9	–	7	–	2	–	–	–
21. Ярослав- ская	1. Мологский	4	2	2	2	1	–	1	–
	2. Пошехонский	–	1	–	1	–	–	–	–
	3. Ростовский	6	–	2	–	2	–	2	–
	4. Рыбинский	12	2	8	2	2	–	2	–
	5. Угличский	5	–	2	–	2	–	1	–
	6. Ярославский	36	–	15	–	11	–	10	–
22. Астрахан- ская	1. Астраханский	8	6	2	1	4	4	2	1
23. Область войска Дон- ского	1. Донецкий	6	9	3	3	2	4	1	2
	2. 1-й Донской	7	5	3	3	3	1	1	1
	3. 2-й Донской	5	31	2	11	2	12	1	8
	4. Ростовский	24	22	10	9	8	8	6	5
	5. Сальский	6	5	2	2	2	2	2	1
	6. Таганрогский	5	3	2	1	2	1	1	1
	7. Усть-Медведицкий	8	4	4	2	3	1	1	1
	8. Хоперский	20	14	10	5	6	5	4	4
	9. Черкасский	9	5	4	2	3	1	2	2
24. Кубанская область	1. Ейский	–	4	–	2	–	1	–	1
	2. Екатеринодарский	4	3	–	–	2	2	2	1
	3. Кавказский	4	–	2	–	2	–	–	–
	4. Лабинский	5	–	2	–	2	–	1	–
	5. Майкопский	5	–	–	–	3	–	2	–
	6. Темрюкский	2	–	1	–	1	–	–	–
25. Ставро- польская	1. Ставропольский	8	–	2	–	5	–	1	–
	2. Новогригорьев- ский	4	–	2	–	1	–	1	–
26. Терская область	1. Владикавказский	2	–	–	–	1	–	1	–
	2. Грозненский	–	4	–	1	–	2	–	1
	3. Сунженский	4	–	2	–	2	–	–	–
27. Тифлис- ская	1. Тифлиссский	2	–	2	–	–	–	–	–
28. Казанская	1. Козмодемьянский	9	–	5	–	2	–	2	–
	2. Казанский	38	5	20	2	12	2	6	1
	3. Лаишевский	6	–	2	–	3	–	1	–
	4. Спасский	5	5	2	1	2	2	1	2
	5. Тетюшский	12	–	6	–	4	–	2	–
	6. Чистопольский	11	–	4	–	4	–	3	–

**Распределение сообщений о народных рукопашных состязаниях
по губерниям и уездам в XIX – начале XX в.**

Губернии (области)	В том числе уезды (отделы, округа)	Количество сообщений							
		Всего в XIX – на- чалѣ XX в.		Начало XIX в. – 1850-е г.		1860-е – 1880-е г.		1890-е г. – начало XX в.	
		Бои	Бо- рь- ба	Бои	Бо- рь- ба	Бои	Бо- рь- ба	Бои	Бо- рь- ба
	7. Царевококшайский	7	–	3	–	3	–	1	–
29. Нижегородская	1. Ардатовский	2	–	2	–	–	–	–	–
	2. Арзамасский	9	–	8	–	1	–	–	–
	3. Балахнинский	1	–	1	–	–	–	–	–
	4. Васильсурский	4	–	2	–	2	–	–	–
	5. Горбатовский	7	–	4	–	3	–	–	–
	6. Княгининский	42	–	29	–	13	–	–	–
	7. Лукояновский	2	–	2	–	–	–	–	–
	8. Макарьевский	2	1	2	1	–	–	–	–
	9. Нижегородский	58	10	26	5	22	4	10	1
	10. Семеновский	7	5	7	5	–	–	–	–
	11. Сергачский	40	–	24	–	10	–	6	–
30. Пензенская	1. Инсарский	6	–	2	–	3	–	1	–
	2. Краснослободский	36	–	15	–	10	–	11	–
	3. Наровчатский	30	–	12	–	13	–	5	–
	4. Пензенский	11	3	11	3	–	–	–	–
	5. Саранский	6	–	2	–	2	–	2	–
	6. Чембарский	14	–	10	–	2	–	2	–
31. Саратовская	1. Камышинский	5	–	2	–	2	–	1	–
	2. Саратовский	8	4	4	2	2	1	2	1
	3. Хвалынский	31	–	13	–	12	–	6	–
	4. Царицынский	7	5	3	2	2	1	2	2
32. Самарская	1. Бузулукский	23	4	9	2	8	1	6	1
	2. Самарский	7	5	2	2	3	2	2	1
33. Симбирская	1. Ардатовский	8	–	3	–	3	–	2	–
	2. Курмышский	5	–	5	–	–	–	–	–
	3. Сенгилевский	5	–	3	–	2	–	–	–
	4. Симбирский	9	–	3	–	4	–	2	–
34. Оренбургская	1. Оренбургский	7	3	2	2	3	1	2	–
	2. Орский	–	3	–	1	–	2	–	–
35. Пермская	1. Верхотурский	18	5	6	2	7	1	5	2
	2. Екатеринбургский	17	9	6	4	8	5	3	–
	3. Красноуфимский	11	4	4	2	4	1	3	1
	4. Пермский	6	3	2	1	2	2	2	–
	5. Шадринский	10	10	4	4	4	4	2	2
36. Уральская область	1. Гурьевский	7	–	3	–	3	–	1	–
	2. Бищенский	4	–	2	–	1	–	1	–
	3. Уральский	6	3	3	–	2	2	1	1
37. Уфимская	1. Белебевский	2	2	2	2	–	–	–	–
	2. Златоустовский	–	3	–	2	–	1	–	–
	3. Уфимский	–	2	–	2	–	–	–	–
38. Семипала-	1. Павлодарский	–	3	–	–	–	2	–	1

**Распределение сообщений о народных рукопашных состязаниях
по губерниям и уездам в XIX – начале XX в.**

Губернии (области)	В том числе уезды (отделы, округа)	Количество сообщений							
		Всего в XIX – на- чале XX в.		Начало XIX в. – 1850-е г.		1860-е – 1880-е г.		1890-е г. – начало XX в.	
		Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба
тинская об- ласть	2. Усть-Каменогор- ский	2	1	-	-	2	1	-	-
39. Семирчен- ская область	1. Лепсинский	-	3	-	-	-	2	-	1
40. Енисейская	1. Енисейский	7	-	2	-	3	-	2	-
	2. Канский	-	5	-	2	-	2	-	2
	3. Красноярский	2	1	2	1	-	-	-	-
41. Забайкаль- ская область	1. Баргузинский	6	-	1	-	4	-	4	-
	2. Верхнеудинский	11	-	3	-	2	-	3	-
	3. Троицкосавский	-	4	-	1	-	2	-	1
	4. Читинский	18	5	3	-	8	2	7	3
42. Иркутская	1. Балаганский	2	1	2	1	-	-	-	-
	2. Верхоленский	2	2	2	2	-	-	-	-
	3. Иркутский	7	5	4	1	2	2	1	2
	4. Киренский	-	3	-	-	-	2	-	1
	5. Нижнеудинский	7	4	2	1	4	2	2	1
43. Тобольская	1. Березовский	4	-	-	-	2	-	2	-
	2. Тарский	-	3	-	-	-	2	-	1
	3. Тобольский	22	15	9	6	11	7	2	2
	4. Тюменский	25	42	10	23	9	10	6	9
	5. Ялуторовский	-	4	-	4	-	-	-	-
44. Томская	1. Барнаульский	11	-	4	-	4	-	3	-
	2. Бийский	39	14	11	5	13	5	15	4
	3. Змеиногорский	4	-	2	-	2	-	-	-
	4. Кузнецкий	4	-	1	-	3	-	-	-
	5. Каинский	18	-	6	-	7	-	5	-
	6. Маринский	6	-	2	-	2	-	2	-
	7. Томский	16	9	8	3	5	4	3	2
45. Якутская область	1. Колымский	-	4	-	1	-	1	-	2
46. Амурская область	1. Амурский	4	-	-	-	2	-	2	-
47. Камчатская	1. Анадырский	-	3	-	1	-	2	-	-
48. Примор- ская область	-	2	-	-	-	2	-	-	-
49. Волынская	1. Новоградволын- ский	4	4	2	2	2	2	-	-
	2. Ровенский	2	-	1	-	1	-	-	-
50. Киевская	1. Васильковский	4	-	2	-	2	-	-	-
	2. Звенигородский	2	-	2	-	-	-	-	-
	3. Киевский	8	4	4	2	2	1	2	1
	4. Сквирский	4	-	2	-	1	-	-	-

**Распределение сообщений о народных рукопашных состязаниях
по губерниям и уездам в XIX – начале XX в.**

Губернии (области)	В том числе уезды (отделы, округа)	Количество сообщений							
		Всего в XIX – на- чале XX в.		Начало XIX в. – 1850-е г.		1860-е – 1880-е г.		1890-е г. – начало XX в.	
		Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба
51. Екатерино- славская	1. Бахмутский	4	–	1	–	3	–	–	–
	2. Екатеринослав- ский	31	4	12	2	13	1	6	1
	3. Мариупольский	6	13	1	4	3	4	2	5
	4. Новомосковский	15	–	3	–	7	–	5	–
	5. Славяносербский	5	–	2	–	2	–	1	–
52. Подольская	1. Винницкий	7	5	2	1	3	2	2	2
53. Полтавская	1. Гадячский	1	–	1	–	–	–	–	–
	2. Золотоношский	12	11	3	3	4	4	5	4
	3. Кобеляцкий	25	–	12	–	11	–	2	–
	4. Кременчугский	2	–	2	–	–	–	–	–
	5. Миргородский	1	–	1	–	–	–	–	–
	6. Пирятинский	3	–	3	–	–	–	–	–
	7. Полтавский	5	–	3	–	2	–	–	–
	8. Лубенский	8	3	8	3	–	–	–	–
	9. Лохвицкий	–	5	–	1	–	2	–	2
	10. Переяславский	6	–	4	–	2	–	–	–
	11. Прилуцкий	6	–	6	–	–	–	–	–
54. Тавриче- ская	1. Феодосийский	11	3	–	–	6	1	5	2
	2. Симферопольский	–	3	–	–	–	1	–	2
55. Харьков- ская	1. Ахтырский	7	–	2	–	3	–	2	–
	2. Богодуховский	6	–	2	–	2	–	2	–
	3. Валковский	11	–	3	–	4	–	4	–
	4. Волчанский	7	–	2	–	3	–	2	–
	5. Змиевский	5	–	1	–	2	–	2	–
	6. Изюмский	5	–	2	–	1	–	2	–
	7. Кулянский	5	–	2	–	1	–	2	–
	8. Лебединский	6	–	2	–	3	–	1	–
	9. Старобельский	25	–	8	–	10	–	7	–
	10. Сумской	8	–	2	–	3	–	3	–
	11. Харьковский	15	–	12	–	3	–	–	–
56. Херсонская	1. Елисаветградский	5	4	2	1	2	1	1	2
	2. Херсонский	9	–	5	–	2	–	2	–
57. Чернигов- ская	1. Борзнянский	9	5	4	2	3	2	2	1
	2. Глуховский	9	–	4	–	5	–	–	–
	3. Конотопский	–	3	–	2	–	1	–	–
	4. Мглинский	–	7	–	2	–	3	–	2
	5. Новгород-Север- ский	–	6	–	3	–	2	–	1
	6. Новозыбковский	5	7	2	2	2	3	1	2
	7. Остерский	–	5	–	2	–	2	–	1
	8. Стародубский	6	5	2	1	2	2	2	2
	9. Суражский	5	4	2	2	2	1	1	1

**Распределение сообщений о народных рукопашных состязаниях
по губерниям и уездам в XIX – начале XX в.**

Губернии (области)	В том числе уезды (отделы, округа)	Количество сообщений							
		Всего в XIX – на- чале XX в.		Начало XIX в. – 1850-е г.		1860-е – 1880-е г.		1890-е г. – начало XX в.	
		Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба	Бои	Борь- ба
	10. Черниговский	2	–	2	–	–	–	–	–
58. Минская	1. Борисовский	4	1	–	–	1	–	3	1
	2. Минский	4	1	–	–	2	–	2	1
	3. Новогрудский	–	4	–	1	–	1	–	2
	4. Пинский	–	4	–	1	–	1	–	2
	5. Слуцкий	–	5	–	1	–	3	–	1
59. Могилев- ская	1. Быховский	4	–	–	–	2	–	2	–
	2. Гомельский	4	–	–	–	2	–	2	–
	3. Могилевский	3	–	–	–	2	–	1	–
	4. Оршанский	–	5	–	1	–	1	–	3
	5. Сенненский	–	4	–	1	–	1	–	2
60. Витебская	1. Велижский	6	4	2	1	3	2	1	1
	2. Витебский	160	8	18	2	72	3	70	3
	3. Городокский	4	–	–	–	2	–	2	–
	4. Невельский	–	4	–	1	–	1	–	2
	5. Себежский	–	3	–	1	–	1	–	1
61. Гроднен- ская	1. Брест-Литовский	–	2	–	–	–	1	–	1
	2. Волковысский	–	2	–	–	–	1	–	1
	3. Гродненский	–	2	–	–	–	1	–	1
	4. Кобринский	–	2	–	–	–	1	–	1
	5. Пружанский	–	2	–	–	–	1	–	1
	6. Слонимский	–	3	–	–	–	1	–	2
62. Виленская	1. Вилейский	–	5	–	1	–	3	–	1
	2. Виленский	–	4	–	1	–	2	–	1
	3. Лидский	–	2	–	–	–	1	–	1
	4. Ошмянский	–	2	–	–	–	1	–	1

По имеющимся сведениям, в середине XIX в. обычай учтраивать традиционные рукопашные состязания имел большое распространение в центральных губерниях России, в Верхневолжье, на севере Средней Волги, в Витебской Белоруссии. Большая часть имеющихся материалов об исследуемых играх – из названного региона. Свидетельства об их бытовании здесь имеются из подавляющего числа уездов. Тут же находится большинство уездов с числом сообщений от 10 до 20 и свыше 20. Это можно объяснить, по нашему мнению, тем, что в условиях сохранившегося в середине XIX в. традиционного уклада в этом регионе проживала основная масса восточнославянского населения. Следует принять во внимание и то, что центральные губернии были хорошо изучены в этнографическом отношении. Областью ши-

рокого бытования рассматриваемого явления следует считать также черноземные губернии, север Нижневолжья, Юг России и Левобережную Украину (с учетом несколько меньшей, чем в центральных губерниях, плотности населения в этом регионе). Данные о традиционных кулачных боях и борьбе имеются здесь из большинства уездов и нередко количество сообщений составляет от 10 до 20. На Севере, Северо-Западе, Северо-Востоке Европейской России (за исключением Петербурга) распределение сообщений имеет, в соответствии с низкой плотностью населения в этой обширной области, рассредоточенный характер. Однако и здесь известия о такого рода состязаниях имеем из большей части уездов (за исключением Новгородской губ.), притом есть такие, где число их составляет от 10 до 20. Эти данные говорят о широком (соотносительно с численностью населения) распространении здесь традиционных кулачных боев и борьбы. Примерно такой же характер распределения сообщений на юге Нижнего Поволжья, на Среднем и Южном Урале. Тут, на наш взгляд, сказалось то, что в ряде уездов преобладало или было значительным неславянское население, которое к тому же более других привлекало внимание исследователей этого региона. Довольно редки сообщения о кулачных боях и борьбе из Западной Белоруссии. Принимая во внимание рассредоточенность населения в Сибири, следует, согласно с имеющимися сведениями, признать относительно широким бытование этих состязаний на западе Тобольской губ. и на Юге Сибири. Как видно, обычай устраивать традиционные рукопашные состязания составлял устойчивый элемент народной культуры восточных славян при освоении ими обширных территорий.

Интересен вопрос о динамике изменения предмета нашего исследования под воздействием социально-экономических факторов. Выше приводилось мнение исследователей о том, что со второй половины XIX в. народные традиции начинают стремительно отмирать. Имеется в этом плане ряд точек зрения и в отношении обычая устраивать рукопашные состязания. Согласно одной из них, в последней трети XIX в. обычай состязаться в кулачных боях еще бытовал, но встречался уже очень редко [98. С.6; 211. С.80; 259. С.161; 335. С.286; 637. С.166]. Е.П.Бусыгин, Е.В.Михайличенко, Н.В.Зорин полагают, что “к концу XIX в. повсеместно были забыты кулачные бои”, причиной чему явилось “преобразование быта русского крестьянства, обусловленное развитием в деревне капиталистических отношений” [72. С.90]. По данным А.А.Лебедева (1913 г.), бои к началу XX в. бытовали “во многих местах обширного отечества нашего” [305. С.104]. Так же считает Т.А.Бернштам [54. С.93,96]. Какие-либо

суждения на этот счет в отношении традиционных состязаний борцов нам неизвестны.

Приводя эти точки зрения, исследователи не указывают на какое количество свидетельств опирались они в своих разысканиях. Не рассматривается ими географическое распределение предполагаемой совокупности материалов. Исключение составляет С.В.Максимов, по данным которого кулачные бои в последней трети XIX в. бытовали лишь во Владимирской губ., “в медвежьих углах далекого севера, а также кое-где в Сибири” [335. С.286]. Чтобы выяснить действительную картину, мы распределили имеющиеся материалы по отдельным периодам в пределах XIX – начала XX в., для каждого из которых характерно преобладание определенных социально-экономических процессов. В качестве рубежей здесь выделены середина XIX в. (до конца 1850-х г.) и начало 1890-х г., отделяющие соответственно время кризиса феодально-крепостнических отношений и этапы бурного капиталистического развития. Итоги отражены в таблице 1. На первый период приходится 1393 свидетельства о боях и 394 – о борьбе, которые распределяются на 54 губернии, в том числе на 294 входящих в них уезда, при следующем соотношении типов состязаний: бои – в 143 уездах, борьба – в 40, оба типа – в 111. В том числе указанные свидетельства отмечены в 35 губернских (соотношение типов состязаний 22:2:11), 54 уездных (соотношение соответственно 42:3:9), 13 заштатных (соотношение 10:0:1) городах.

1159 сообщений о боях и 354 – о борьбе приходится на второй период. Они распределяются в 61 губернии и 295 уездах (соотношение типов состязаний: бои – в 142 уездах, борьба – в 51, оба типа – в 102), в том числе в 28 губернских (соотношение типов состязаний 16:2:10), 47 уездных (соотношение типов 34:5:8), 15 заштатных (соотношение 12:1:2) городах. Прирост числа губерний здесь, как видно из таблицы 1, приходится в основном на недавно освоенные к этому времени восточными славянами территории – Амурскую, Приморскую, Гаврическую губернии, Семипалатинскую и Семиреченскую области.

В период с 1890-х г. по начало XX в. имеется соответственно 877 и 293 сообщений из 58 губерний и 255 уездов (соотношение типов состязаний: бои – в 111 уездах, борьба – в 50, оба типа – в 94), в том числе из 24 губернских (соотношение типов соответственно 13:3:8), 39 уездных (соотношение типов 27:5:7), 13 заштатных (соотношение 10:1:2) городов.

Динамика изучаемого явления видна из сравнения данных по трем периодам: при широком в целом бытовании кулачных боев в течение XIX – начала XX в. прослеживается в виде определенной тенденции затухание обычая таких состязаний. Значительно слабее эта

тенденция выражена в отношении состязаний борцов. Следовательно, и в начале XX в. исследуемое явление бытовало еще весьма широко. Объективность этого вывода подтверждают результаты проведенного нами опроса участников и свидетелей традиционных кулачных боев. Из их сообщений следует, что бои были довольно широко известны в сельской местности до 1914 г. [737; 741; 743; 745; 749; 751; 760; 763; 765; 766; 770]. В ряде регионов “кулачки” отмечаются вплоть до середины 1950-х г. [739; 748; 750; 769; 771]. Последние единичные известия о них датируются концом 1960-х – началом 1970-х г. [740; 746; 759; 571]. Борьба же, по данным этих опросов, была довольно широко известна еще в начале 1960-х г.

Отмечая общую тенденцию затухания исследуемого явления, необходимо, на наш взгляд, сделать оговорку в отношении крупных промышленных центров, где в последней трети XIX в. протекали процессы, хорошо прослеживающиеся на примере Петербурга и Москвы, жизнь и быт которых достаточно полно описаны современниками. Нам известно 38 сообщений о бытовании традиционных кулачных боев в Москве XVIII в.; по указанным же периодам XIX – начала XX в. их число составляет 28, 15 и 26. На Петербург в XVIII в. приходится 36, в XIX – начале XX в. соответственно 22, 9 и 27 свидетельств. Видно, что общая линия затухания дает скачок с 1890-х г. Приведенные соотношения, по нашему мнению, можно объяснить следующим. Известно, что в последней трети XIX в. бурный рост промышленности вызвал резкое увеличение численности и концентрации рабочих, основную массу которых составляли вчерашние крестьяне из самых разных регионов страны. Они приносили с собой обычаи и традиции родных мест, в том числе народные игры и развлечения, из которых быстрее и более других распространялись те из них, которые являлись общими для большинства. При сохранявшемся еще в значительной мере традиционном укладе создавались условия для широкого бытования кулачных боев, вследствие чего отмеченная тенденция затухания, в большей степени проявившаяся к концу 1880-х г. в городах, чем в сельской местности, во многих из них, главным образом в промышленных центрах, как правило утрачивала силу и даже изменяла свой характер. Многочисленные воспоминания рабочих и другие свидетельства указывают на то, что именно в промышленных центрах того времени обычаи состязаний кулачных бойцов был широко известен [73. С.61,65,69; 124. С.17; 150; 184. С.31-32; 352. С.71-72; 358; 480. С.7-9; 624. С.198-202]. С нашими данными согласуются выводы А.Н.Ацаркина, специально исследовавшего быт рабочей молодежи в 1900 – 1917 г. Он пришел к заключению, что “организованные кулачные бои” в Петербурге и Москве, “не говоря уже о других фабрично-

заводских центрах”, составляли в это время характерную черту быта рабочих [38. С.58]. Сошлемся и на свидетельство академического словаря (1892 г.), согласно которому “кулачки” были распространены “особенно у мещан и фабричных” [533. Стб.231].

ТРАДИЦИОННЫЕ СРОКИ ПРОВЕДЕНИЯ СОСТЯЗАНИЙ

Исследование сроков, в которые проводились состязания, и приурочивания их к датам народного календаря дает основу для выявления места, роли и значения этих традиционных игр в календарной обрядности русских, украинцев, белорусов и для этнографической трактовки этого явления. Принято считать, что кулачные бои у восточных славян устраивались зимой в воскресенье и праздничные дни и заканчивались на Масленицу [305. С.116; 484. С.219; 554. С.126-127]. Некоторые исследователи отмечают состязания на Пасхальной неделе [773. Л.25; 637. С.166]. Чтобы выяснить объективную картину, мы распределили весь массив известных нам свидетельств о боях по сетке народного календаря и в результате получили основания для критики общепринятой точки зрения. Обнаружилось, что в целом на территории расселения восточных славян бои начинались с наступлением зимы, устраивались в воскресные [39. С.995; 97. С.140; 116. С.24; 359. №3; 383. С.6; 509. С.274; 516. С.43] и, главным образом, в праздничные дни, достигая больших (по числу участников и зрителей) размеров на Николу зимнего [368; 550. С.369; 707. Л.1; 585. С.81; 626. С.21; 733. Л.1], Рождественские святки [741; 164. С.2; 217; 237. С.122; 253. С.128; 359. №226; 376. С.1; 436. С.2; 510. С.99; 514. С.351; 613. С.513; 734. Л.1] и Крещение [267; 268; 702. Л.9; 353. С.111; 355. С.27; 363. №5; 502. С.51,54; 510. С.106; 543], в Сретенье [747; 751; 752; 359. №27; 616. №6. С.14; 770], на Масленицу [24. С.104; 50. С.2; 52. С.347; 55. С.117,125; 184. С.31; 237. С.125; 241. С.139; 258. С.2; 363. №42; 716. Л.1; 427; 429. С.54; 494. С.33; 515. С.413; 544], в Пасхальную [68. С.196; 161. С.191; 222. С.152; 295. С.4,6; 382. С.265,267; 511. С.178; 389. С.393; 730. Л.5; 509. С.274; 263; 659. С.395,396] и Фомину [161. С.191; 747; 703. Л.2; 755; 616. №5. С.15] недели, на Семик-Троицу [204. С.104,258; 352. С.29; 690. Л.36,38; 344. С.76; 355. С.27; 621. С.387; 770], Русальскую неделю [690. Л.36-38; 257. С.105; 259. С.300; 269. С.231; 288. С.87; 476. С.144-145; 556. С.52; 585. Ч.5. С.99; 586. С.381], на Ивана Купалу [741; 295. С.6; 765], завершаясь в июне, часто на Петров день [757; 356. С.563; 758; 453. С.27,28; 689]. Притом особенно крупные бои приходились, как правило, на дни Рождественских святок и Масленицы. Следовательно, сроки проведения состязаний, их приурочивание к календарным праздникам не укладываются в общепринятые “зимние”

рамки. В целом примерно две трети имеющихся у нас сообщений о кулачных боях приходится на зимний период и несколько более одной трети – на весенне-летний. Сообщения о таких состязаниях во второй половине лета и осенью немногочисленны; бои приурочивались в это время, как правило, к местным престольным праздникам [219. С.388; 703. Л.26; 489. С.42; 586. С.383]. Традиционные состязания в борьбе чаще всего устраивались на Масленицу [52. С.347; 55. С.125; 169; 417. С.214; 484. С.219; 554. С.126] и в весенне-летние праздники – на Пасху [101. С.273; 161. С.188,189-191; 183. С.141,168; 195. С.157; 659. С.396] и Фомину неделю (Красная горка и Радуница) [269. С.229; 704. Л.2-4; 551. Ч.2. С.318], в Семик-Троицу [724. Л.49; 21; 205. С.54; 600. С.10,11; 642. С.45-46; 729. Л.186], Русальское воскресенье [131. С.8,10; 195. С.157; 333. С.44], на которое часто приходится праздник Ярилы [131. С.8,10; 259. С.300; 556. С.52-53]. Состязались борцы в этот период и в воскресные дни [326. С.714; 330. С.30; 427]. Есть известия о борьбе и на зимних праздниках [33. С.36; 161. С.191; 277. С.6; 295. С.4; 365. С.40; 367. С.13; 459. С.163], но они довольно редки. В летне-осенний период поединки борцов также бывали в основном на престольных торжествах [33. С.35; 349; 630. С.83; 639. С.87]. Соотношение сообщений о борьбе на зимних и весенне-летних календарных праздниках примерно 2:8, что, по-видимому, в значительной мере было обусловлено неудобством ведения борьбы (например, обхвата противника руками) в тяжелой и объемной зимней одежде (гулуп и т.п.). Не случайно, по-видимому, большинство свидетельств о “зимних” состязаниях борцов приходятся на Юг Украины и России.

Основываясь на выявленном приурочивании исследуемого явления к датам народного календаря, можно предположить, что в древности отмеченный нами николюско-петровский ряд праздников составлял какой-то единый цикл, сопровождавшийся состязаниями в борьбе и кулачных боях, которые, будучи устойчивым компонентом этой дохристианской праздничной структуры, имели какое-то общее назначение. В пользу такого предположения говорят, по нашему мнению, многочисленные свидетельства о больших кулачных боях в продолжение Великого поста [11. С.75; 68. С.193; 148; 248. С.473; 263; 305. С.108; 368; 377. С.29; 398. С.135; 443. С.324; 473. С.410; 765; 629. С.12; 644. С.77,206], когда увеселения и игры категорически запрещались церковью. Имеется также значительное число сообщений о боях во время Рождественского поста [359. №266; 360. №263; 367. С.13; 436. С.2; 770] и, предположительно, о состязаниях в первый понедельник Петровского поста [507. С.20]. В этом плане следует принять во внимание то, что в ряде мест обычай состязаний кулачных

бойцов был известен в течение всего отмеченного периода [373. С.1; 382. С.265,267; 616. №5. С.15; 771], либо непрерывно в продолжение большей части его [116. С.24; 161. С.188-191; 183. С.141, 168; 702. Л.9; 703. Л.2; 368]. Нам представляется, что в ходе длительной эволюции общества, с его прогрессом, обычай состязаний борцов и особенно кулачных бойцов, как довольно грубый элемент народных праздников, против которого к тому же длительное время активно выступали государство и церковь [19. №264; 108. С.318; 342. С.177-180; 423. С.281,298; 622. С.147-150], постепенно отмирал в составе традиционного празднично-игрового комплекса. В результате в XIX – начале XX в. почти нигде, за редким исключением, не сохранился полный цикл состязаний. Такая эволюция прослеживается во многих случаях. Так, краевед И.А.Шавыкин сообщает, что в с. Столпцы Спасского у. Рязанской губ. бои устраивались на Николу зимнего, в Рождественские праздники и на Масленицу. В последней трети XIX в. они выпали здесь сначала из состава Рождественских святок, затем перестали биться на Николу и в начале XX в. соревновались только на Масленицу [733. Л.1,3,4]. По данным нашего информатора Б.Е.Блохина [739], в селах Лесное-Ялтуново и Польное-Ялтуново Шацкого у. до революции состязались в кулачных боях на Рождество, Масленицу и Троицу. Со временем же остались лишь троицкие бои. В с. Вирятино Моршанского у. в середине XIX в. бились на Рождество, Крещение и Масленицу, а с 1900-х г. и позднее, до 1936 г. – только на Масленицу [510. С.106]. По свидетельству нашего информатора Е.А.Морозова [759], в селах Атаманов Угол, Троицкая Вихляйка, Правые Ламки и Нижнее Грязное того же уезда еще в 1930-е г. “кулачки” устраивались на Рождественские святки, Масленицу, Пасху, Красную горку, Троицу. Впоследствии остались только троицкие бои.

Интересно, что в крупных промышленных центрах, куда в последней трети XIX в., как отмечалось, отовсюду стекались массы бывших крестьян, порою происходила искусственная реконструкция полного или почти полного цикла состязаний. Так, в Петербурге на рабочих окраинах в различных концах города бои устраивались зимой во все воскресные и праздничные дни и так до Троицких праздников включительно [294; 422; 452. С.20; 516. С.43; 523. С.22]. То же наблюдалось и в Москве [32. №4. С.4; 52. С.347; 177. С.24-25; 236. С.14; 248. С.473; 251. №1; 389. С.393; 457; 458].

Темпы эволюции были неодинаковы в разных местах вследствие различий в исторических и естественно-географических условиях жизни отдельных групп восточных славян в тех или иных районах. Поэтому постепенно наметились и затем сложились местные различия в приурочивании традиционных мужских состязаний, которые в опре-

деленной мере выявлены нами, показаны на карте-схеме рис.2. При этом мы воспользовались общепринятой классификацией календарных праздников на зимний, весенне-летний и летне-осенний циклы. В отношении приурочивания состязаний можно наметить и ряд обширных областей, имевших в этом плане свои особенности. Для Севера, Северо-Запада и Центра России, части Среднего Поволжья (Нижегородская и Казанская губ.), Северного и Среднего Урала типично приурочивание обычных таких состязаний к зимнему и весенне-летнему календарным периодам с некоторым преобладанием первого. На Южном Урале, в остальной части Среднего Поволжья и на Нижнем Поволжье, на юге Воронежской и Курской губ. и далее на юг вплоть до Кавказа, на Украине для состязаний характерно сочетание этого обычая большей частью с зимним календарным циклом. В целом для Юга России такое приурочивание можно объяснить, на наш взгляд, сильным влиянием в этом регионе украинских традиций. У русских максимальный размах игр (как по числу участников, так и по частоте боев – каждый день) был на Масленичной неделе. У украинцев же максимум этот приходился на Рождественские святки. Вообще известия о боях летом у них довольно редки. На украинцев же падает и большая часть свидетельств о зимних состязаниях борцов. У белорусов бои начинались зимой, кульминация их наблюдалась на Рождественские (“калядный”) и Купальские праздники, которыми и заканчивался цикл состязаний. В Витебской Белоруссии бои бытовали и зимой и летом, однако летние состязания отличались небольшими размерами [398. С.128,135-136]. Притом наибольший размах они имели здесь на Рождество и Масленицу [158; 544]. В этом регионе видно, следовательно, взаимовлияние русских и белорусских традиций. В Сибири существовала значительная неравномерность и во временных рамках, и в сроках максимального размаха соревнований. Но в целом они не выходили из зимних и весенне-летних пределов, характерных для восточных славян Европы. Как представляется, это является следствием разновременности заселения Сибири различными группами русских, украинцев, белорусов.

Отметим, что имеющиеся в нашем распоряжении сведения в определенном ракурсе конкретизируют представления об освоении восточными славянами огромной территории. Вместе с тем, сопоставление с существующими (и имеющими быть в будущем) данными, отражающими приурочивание к традиционным праздникам других элементов народной культуры, позволит глубже исследовать календарные обычаи и обряды русских, украинцев, белорусов, их связи и соотношения.

ХАРАКТЕРИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ НАРОДНЫХ ВИДОВ СПОРТИВНОЙ БОРЬБЫ

1. Традиционные правила, организация и ход состязаний

Выше отмечено, что у восточных славян бытовало два типа традиционных рукопашных состязаний без оружия – кулачный бой и борьба, существенное отличие между которыми состоит в характере приемов непосредственного единоборства (удары кулаками или захваты тела, одежды соперника). В языке это различие закрепилось в традиционных названиях обоих типов игры.

а) Кулачный бой

Помимо термина “кулачный бой” русские для обозначения этих состязаний имели другие названия: “кула́чки” [153. С.215; 536. Т.5. Стб.1813], “бой” [152. С.108], “буй” [24. С.104; 97. С.138; 373. С.1]. У украинцев игра называлась: “кулачный бій” [541. Т.4. С.390], “бойо-вище” [487. Т.1. С.68], “навкулáчки” [487. Т.1. С.68; 541. Т.1. С.170; 541. Т.4. С.389], “кула́чки”, “кулачні бої” [541. Т.4. С.390]. Белорусы именовали ее “кулачки”, “кулачная бойка” [47. С.407], “бóйка” [280. С.43].

Состязания регламентировались правилами, основанными на традиционных морально-этических нормах. Главные их положения сводились к следующему: а) биться “по любви” (“любо́ка”, “полюбо́ка́м”, “любя”, “полюбовный бой”), не иметь “сердца” (“злобы”) на противника [103; 158; 697. Л.25; 197. С.130; 299. С.117; 352. С.29; 710. Л.2; 398. С.136; 480. С.8; 584. С.6; 616. №6. С.12,14]; б) “лежачего не бьют” [55. С.127; 63. С.6; 153. С.215; 299. С.117; 305. С.106; 367. С.13,14; 398. С.130; 344. С.82]; в) “не бить сзади” [114. С.227; 299. С.117; 305. С.107; 359. №21; 629. С.12]; г) “закладок”, “кремней”, “чугунных перчаток” (тяжелых предметов, увеличивающих силу удара – Б.Г.) в руки не брать [32. №7. С.5; 153. С.215; 305. С.106; 367. С.13; 398. С.133; 616. №6. С.14]; д) “не бить ногами” [30. С.2; 367. С.13; 641. С.50]; е) “ма́зку” (на ком кровь) не бьют” [153. С.215; 336. С.298; 525. С.55]; ж) “не бить с подножкой”, не захватывать тело, одежду противника [406. С.17; 444. С.215]. Не удалось найти свидетельств с четкой формулировкой последнего правила у украинцев и белорусов. Но, судя по имеющимся описаниям, и у них оно соблюдалось. В отношении правила “ма́зку” не бьют” имеющиеся у нас сведения не по-

звolyют сделать однозначного заключения. Можно утверждать, что традиционные правила боев у русских, украинцев и белорусов в основных чертах совпадали.

По многочисленным свидетельствам современников, нарушение правил каралось самым жестоким образом: виновного били “не на живот, а на смерть” и своя, и чужая стороны и он с позором изгонялся с поля боя [24. С.105; 90; 219. С.398; 359. №3; 702. Л.9; 441. С.157, 158; 450. С.417,430; 452. С.20; 480. С.8; 559. С.17]. “Толпа, – сообщает А.А.Лебедев, – в таких случаях была беспощадна” [305. С.106]. В ряде мест, например в Суздальском у., перед боем правила громко объявлялись старейшим бойцом, после чего он обращался к обеим сторонам: “Так дрались наши старики?”. Положительный ответ означал согласие вступить в состязание на оглашенных условиях [32. №7. С.5]. В Витебске за соблюдением правил следили “выборные старосты” [359. №21]. В Томской губ. нарушения правил на кулачных боях выносились на суд мирской сходки [272. С.107-108]. Интересно, что при попытке правительства регламентировать бои в Петербурге (1726 г.), в основу были положены некоторые народные правила: “чтоб... никакого оружия и прочих инструментов ни под каким видом к увечному бою не было... и кто упадет, лежащих никого не били б” [446. №4939].

Существовало несколько видов кулачного боя, различавшихся по тому, было это массовое или индивидуальное состязание, и тем, что в каждом из них наряду с общими имелись особые правила, существенно изменявшие характер игры. У русских широко бытовал бой “один на один” [153. С.215; 219. С.385; 484. С.222]. Другие его названия: “в одиночку” [251. №1], “на поединок” [55. С.127; 710. Л.2; 391. С.123], “сам на сам” [55. С.127; 155. С.131; 213; 480. С.8; 554. С.126], “сам друг” [585. Ч.4. С.81], “на поодиночки” [119. С.167; 184. С.31], “бой охотников” [213], “одиночный бой” [152. С.108; 153. С.215]. Этот вид боя известен также украинцам [344. С.76; 584. С.5] и белорусам [398. С.133,134,135]. В нем наряду с общими действовало правило: “Двое дерутся, третий не лезь” [24. С.105; 398. С.135; 612. С.81]. Характерно описано оно И.П.Котляревским:

“Нихто в кулачки не мишайтесь,

Кінця од самих дожидайтесь,

– Побачим – візьметь чия?” [274. С.97].

Перед состязанием бойцы вызывали друг друга, что, по свидетельству современника, происходило так: “Оце зостринутця де-небуд хлопци:

“Здоров, брате!

– Здоров!

– А давай навкулачки!
– Давай”.

Той того в груди, а той того” [199. С.107].

Подобные вызовы бытовали также у русских [219. С.385; 375. С.133; 701. Л.18-19] и белорусов [398. С.135]. Русские, вступая в поединок, троекратно целовались и обнимались [219. С.385; 472. С.8; 473. С.410; 484. С.222; 584. С.5].

Бой “в одиночку” имел целью сбить противника на землю или принудить его словесно признать поражение [252. №1]. У русских в ряде мест (Москва, Поволжье, Болховский у.) существовал обычай биться до трех падений [41. С.79-80; 251. №2-3; 701. Л.19]. Вступали в единоборство только с соперником, который признавался обществом равным по силе, возрасту и искусству ведения поединка. Бытовал термин “с чистоты снять”, означавший победу в этом виде боя [368]. “Боец, боевик, бойчак, бойчиха” – называли особенно искусных поединщиков [152. С.108]. У украинцев таких бойцов именовали “митець у кулаці” [541. Т.4. С.389]. Русским известна разновидность боя “один на один” под названием “на одну руку”, что означало “драться с противником одной рукой, в то время, как другая плотно привязана кушаком к туловищу бойца. Противник же действует обеими руками” [138. С.97. Примечание]. Биться “на одну руку” позволяли себе лишь исключительно искусные бойцы. Некоторые из них усложняли себе условия боя, вызывая противника “на левую”. Известны случаи, когда в бой “на одну руку” вступали бойцы, не имевшие другой руки. Так, согласно сообщению одной из газет, крестьянин с. Выкрестово Воронежского у. В.М.Власов участвует “в кулачных боях, несмотря на то, что имеет только одну руку” [384]. Наш информатор А.И.Семшов из с. Черная Слобода Шацкого р. Рязанской обл. рассказал, что его дядя считался сильнейшим в округе бойцом несмотря на сухость от природы одной руки [764].

Приведем характерное описание боя “в одиночку”, например у белорусов (“адзін на адзін”): “После призыва “давай побьемся”... становились в позицию, при которой далеко вытянутые вперед руки еле касаются одна другой, голова откинута назад, одна нога отставлена вперед. Ударяя время от времени по руке противника, бойцы делают незаметные пяди вперед, ...улавливая же по глазам противника тот или другой маневр, они спешат предупредить удар, нанести свой в неожиданное место на лице, что и составляет суть нападения. Позволяет возможность – бойцы сыплют удар за ударом” [398. С.134-135].

Следующий вид боя, – “раз за раз” [139. С.137], “через черту” [737; 42. С.19], “чередом” [752], “стўколка” [577. С.33], – известен только у русских и также представлял поединок бойцов. После вызова

на бой на земле обозначалась черта, по разные стороны которой друг против друга становились (в некоторых случаях садились) соперники. По жребию один из них наносил удар, соблюдая общие правила боя. Другой боец только защищался, закрыв руками уязвимые места (сердце, “подмыкитки” и т.п.). Уклоняться от удара, отвечать на него, переступать ногами в это время запрещалось, что существенно отличает рассматриваемый вид боя от предыдущего. Затем наносил свой удар второй боец. Удары чередовались, пока кто-либо из соперников не оказывался на земле [139. С.137]. Иногда ставили условие бить только по одному [617. С.247] или по три [429. С.55] раза. Если после этого бойцы оставались на ногах, то результат поединка признавался ничейным. Из описания кулачного боя в лермонтовской “Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова” [317. С.344] видно, что в ней изображен именно бой “раз за раз”. По данным исследователей, этот вид боя, наряду с другими, еще в конце XIX в. бытовал в Тарханах и соседних селах [90. С.212; 617. С.247].

Можно предположить азиатское происхождение боя “чередом”. Известно, что подобные состязания широко бытовали на Востоке, например в Средней Азии [583. С.50].

Следующий вид кулачного боя – “сцепляка-свалка” [484. С.221], “сцеплянка” [306. С.325; 336. С.298], “свальной бой” [387. С.144], “свалка” [155. С.371], “ципляка-свалка” [484. С.223], “сцепельная схватка” [436. С.2], “сцепной бой”, “сцеплялка”, “свалка врассыпную” [155. С.371], “сцеплялка-свалка” [215; 368], “сцеплявка-свалка” [63. С.7; 595. С.609] – также известен почти исключительно у русских. В одних описаниях он предстает как массовое противоборство двух партий, “где противники шли в бой врассыпную и тузились в толпе”, соблюдая общие правила и стараясь обратить друг друга в бегство [756; 479. С.223; 595. С.609; 694. Л.27-28]. Из других описаний “сцеплялка” известна как бой, в котором “противной стороны не имелось” и бойцы бились “кто с кем попало и кто кого одолеет, в толпе, без разбору” [306. С.325; 336. С.298], то есть противником каждого были все остальные. Так, по сообщению Н.С.Разина, в Царицыне в конце XIX в. “свалка-сцепляка” – массовый бой, в котором каждый бился сам за себя”. “Здесь, – сообщает он, – нужно было обладать не только ловкостью и сильным ударом, но и особым хладнокровием” [480. С.8]. Сходное с этим описание находим у С.Герберштейна: “Всякий, кто победит больше народу, дольше других останется на месте сражения и весьма храбро наносит удары, получает особую похвалу” [113. С.80]. По В.И.Далю “сцеплялка” – бой на кулаках “врассыпной, где всякий схватывается в одиночку, и это самый жестокий” [155. С.371]. Единст-

венное свидетельство о бытовании такого боя у украинцев имеется от нашего информатора А.С.Гвоздева [742]. Сразу после войны он наблюдал в с. Барановка Милославского р. Рязанской обл., как в часы досуга репатриированные из плена украинцы устраивали общий кулачный бой, где, соблюдая правила, каждый бился сам за себя. А.С.Гвоздев, к сожалению, не запомнил украинское название этой игры. Существовало, по-видимому, два варианта “сцепляки”. Все авторы единодушны в том, что в XIX в. этот вид боя встречался редко, однако “в старину”, по их данным, он был весьма распространен [63. С.6; 215; 436. С.2; 595. С.609; 616. №3. С.18]. Отметим, что термином “свалка” называли и одну из ситуаций боя “стенками”, когда в заключительной фазе состязаний строй бойцов ломался и противники бились враспыленную [484. С.221-222].

Бой “стенка на стенку” [153. С.215; 306. С.325], который также называли “стена на стену” [63. С.6; 444. С.211; 484. С.223], “бой стенками” [251. №1], “стенки” [139. С.37; 389. С.393; 441. С.155], “стенной бой” [554. С.126], был широко известен и у русских, и у украинцев – “стіна до стіни” [541. Т.9. С.716], “іти стіною”, “іти лавою” [487. Т.3. С.385], “лави” [540. С.211], и у белорусов – “сценка на сценку” [61; 741; 765], “сценки” [765]. Он представлял противоборство двух партий бойцов, которые наступали друг на друга, предварительно построившись строго определенным образом. Известен ряд регионов, где этот вид боя обозначали другими терминами. У старожилов и новоселов Сибири, Дальнего Востока широко бытовал, наряду с общими названиями, термин “войнишка” [93; 100. С.194; 301. С.83; 382. С.265; 531. С.69; 643. С.121; 667. С.80]. На Дону казаки употребляли термин “шермиции” [9. С.111], в Великих Луках – бой “миром” [511. С.179], в Тульской губ. – “вытряхивать блины” [443. С.324], что связано с устройством особенно сильных боев в первый понедельник Великого поста. П.И.Мельников приводит название “потешный бой” [356. С.572], а П.А.Бессонов – “намеренный бой” [55. С.117]. Бытовали термины, отражавшие характер состязаний. В Витебске бои, устраиваемые специально для молодежи, именовали “тепленькими” [362. №300], зимние соревнования – “парадными” [398. С.136], а те, которыми завершался сезон – “прошальными” [359. №54; 360. №58]. В Гуслицах о небольших по числу участников “стенках” говорили, что это бои “по любезному” [148]. В Харькове молодежные “кулачки” прозывались “куриными”, а те, где состязались все возрастные группы – “быками” [237. С.121,122]. В начале XX в. в терминологии боев иногда отражались текущие политические события. Так, в Гуслицах состязания, имевшие ожесточенный характер, называли боями “по-мукденски” [147. С.4]. В 1904-1905 г. в Витебске бойцы разделялись на “японцев”

– обывателей местности под названием “Русь” и “русских” – жителей Второй части города [362. №7; 363. №42].

“Стенка”, “стена” – построение каждой из партий – являла “плотно сомкнутый ряд, строй бойцов” [536. Т.14. Стб.838; 541. Т.9. С.716]. “Лава” – спосіб шикуння, коли люди стоять один біля одного в лінію” [541. Т.4. С.429]. Цель состязания состояла в удержании своей территории и вытеснении противной “стенки” с поля боя [29. С.177; 39. С.956; 187. С.581; 299. С.117; 305. С.107; 362. №300; 367. С.13; 398. С.129; 486; 624. С.200]. Традиционные правила игры наряду с общими содержали следующие положения: а) “лежачий в драку не ходит”, в силу чего боец, сбитый на землю и оказавшийся в тылу противной “стенки” (“лежачий”), не имел права снова вступать в бой, но в пределах своей “стенки” и на нейтральном поле вставать и продолжать бой разрешалось [114. С.227; 153. С.215; 299. С.117; 312. С.208-209; 336. С.298; 398. С.131; 511. С.178]; б) “биться лицом к лицу, грудь с грудью”, “с крыла” и “сзади” “не заходить” [24. С.105; 702. Л.9; 406. С.17; 629. С.12], “итить у грудки” [395. С.143], что предусматривало ведение боя строго фронтом против фронта и запрещало наступать в тыл и во фланг (но не на фланге) “стенки” соперника; в) “на чужую сторону не переходить” [24. С.105; 406. С.17; 480. С.8].

Состязание проходило в несколько этапов. “Зачин” [398. С.133; 406. С.16], “завязка” [32. №7. С.5; 539. С.200], “затравка” [63. С.6; 368; 443. С.323] – начало боя – открывался “задирианием” [50. С.20; 715. Л.26; 292; 422; 539. С.214], “задором” [398. С.130; 511. С.179], “похвальбой” [305. С.106], “шумой” (30. С.2), “заигрышем”, “затрогиванием” [356. С.567], которое нередко продолжалось более часа и состояло в том, что противники возбуждали друг друга перед началом схватки, выкрикивая прибаутки, содержавшие насмешки над соперником и подчеркивавшие собственные достоинства [130; 280. С.43; 302. С.61; 398. С.131; 516. С.43; 624. С.210]. Как заметил С.Г.Скиталец, “по обычаю всех кулачных бойцов нужно сначала искусственно раздражать друг друга насмешкой или руганью” [522. С.181]. Один из примеров такой прибаутки с характерной игрой слов приводит В.И.Даль: “Съездить кого в Харьковскую губернию, Зубцовского уезда, в город Рыльск, в Рождественский приход (Харьковской губернии, Мордасовского уезда, в город Рыльск, в Зубцов погост)” [151. С.260]. Бытовали, например у белорусов Витебска, “у час кулаковых боек на Дзьвіне” припевки, где поносились профессиональные занятия противника: “Матузьнікі-падважнікі, сьляпенька-гарбаценькія, матузік праглынулі, гаршчок на галаве!” – выкрикивали заручевцы по адресу задвинских русичан, которые отвечали: “Скурадзеры, жывую кабылу лупілі, скурамі заядалі!” [280. С.43-44]. В случае противоборства пар-

тий, различавшихся имущественным положением, “задирання” могли приобретать социальную окраску. Так, в одном из сел Полтавщины “бідняцька парубоцька громада” задирала “заможних”:

“Потьомчани – дуки

Поїли гадюки.

А ми кажем: “Дайте нам”

Вони кажуть: “Мало й нам”.

На это другая сторона отвечала:

“Остроградські голяки,

Як ти голі родаки” [287. С.31-32].

Можно обнаружить близкие параллели таким “задиранням” в военном быту Древней Руси, где существовал обычай начинать сражение с “брани” – осыпать насмешками своих противников, чтобы раззадорить их и себя к бою [437. С.96].

По мере того, как обстановка накалялась, начинали раздаваться боевые кличи с целью поднять дух, сплотить свою “стенку”: “Дай бою, дай бою!” [450. С.416,423], “бою подайте!” [372. С.35], “братцы, бей их леших!” [497. С.3], “качма, качма! (начинай, начинай!)” [436. С.3], “поддай бою” [393. С.63], “ну, ну, наши пошел!” [715. Л.26]. Исследователи отмечают, что в древности боевые кличи были непременным элементом настоящего боя у многих народов и, в частности, в военных формированиях восточных славян (“ясаки”) [474]. По свидетельству Маврикия (рубеж VI – VII в.) славяне “наступают вместе медленно, издавая крик” [328. С.182].

Нам известно два варианта продолжения “зачина”. В одном случае после “заигрышей” с обеих сторон сходились подростки, обычно 13-14 лет, которых называли “зачинщики” [121; 302. С.61; 382. С.265; 436. С.3; 641. С.51], “застрельщики” [700. Л.19; 305. С.106; 385. С.80], “запевалы” [436. С.3], “задиралы” [97. С.140; 292; 332. С.30], “задираки” [539. С.214], “заводяки” [539. С.197], и начинали “задорный бой” – одиночные “сшибки” [55. С.127; 268; 305. С.106; 356. С.568]. Постепенно они составлялись в “стенки” [97. С.140; 393. С.39; 452. С.20; 486; 641. С.49-50] или продолжали биться врассыпную [30. С.3; 39. С.955; 312. С.208; 398. С.130]. После того, как определялся перевес одной из сторон, в бой, как бы защищая своих, вступали “стенки” юношей 15-17 лет (“выростки” [356. С.567. Примеч.], подростки же выходили из игры и превращались в зрителей. В ряде мест (Петербург, Пенза, Богучарский у., Старобельский у.) “задиралы” уходили в сторону от поля основного сражения и продолжали свой бой на новом месте [219. С.389; 261. С.58; 450. С.416,417; 616. №5. С.16]. Как видно, эта особенность не является, вопреки мнению Н.П.Новоселова, типичной для украинских кулачных боев [773. Л.155], а представляет

лишь локальный вариант ведения состязаний. В Коломне подростки перемещались в тыл “стенки” и вновь вступали в игру на заключительном этапе ее, “исполняя обязанности легкой кавалерии” в преследовании противника [114. С.225,226]. Такой же обычай бытовал в Витебске [398. С.130]. Отряд “выростков”, тесня противника, обычно встречал на своем пути “стенку” взрослых и, не вступая в бой, выходил из игры.

В другом варианте “зачина”, впервые отмеченном Н.П.Новоселовым [773. Л.231], после “заигрышей” устраивался поединок сильнейших бойцов обеих сторон. На поле перед “стенками” взрослых выходил “охотник” [39. С.955; 368], “передовой” [55. С.127], “заводной” [305. С.121; 484. С.221], “заводской” [346] и вызывал противника, выкрикивая: “Давай бойца с того конца!” [149. С.44]; “А подайте мени битця ше з того конца!” [538. С.68]; “Ну, выходи, выходи!” [305. С.107]. Начиналось единоборство, перипетии его вызывали живейшие отклики сторон, победа же одного из бойцов задавала тон состязанию и служила сигналом к началу основного этапа игры – “заправскому” бою [305. С.107; 484. С.221; 346], “стычке настоящей” [30. С.2], где “стенки” нападали друг на друга “уроем... когда все бойцы бросаются вдруг” [152. С.108]. В Пронске в качестве поединщиков выступали два подростка [730. Л.3-4]. У русских и украинцев бытовала разновидность этого варианта “зачина”: к единоборцам, не дожидаясь окончания их схватки, с обеих сторон по одному примыкали другие бойцы и так постепенно составлялись “стенки” [15. С.167-168; 149. С.44; 305. С.106]. У всех восточных славян существовал “зачин”, в котором сочетались оба варианта: после боя подростков и юношей на поединок выходили взрослые бойцы и лишь затем следовал “заправский” бой [39. С.955; 55. С.127; 155. С.350; 184. С.31].

Известно, что в Древней Руси имел место обычай устраивать поединок перед настоящей битвой. Здесь можно вспомнить летописные предания о Кожемяке и Мстиславе Удалом [437. С.84,99], бой Пересвета с Челубеем [521. С.43]. Привлекает внимание то, что первые из упомянутых единоборств представляли собой поединки без оружия (“не оружием ся бьеве, но борьбою”) с целью избежать массового кровопролития (“что ради губиве дружину межи собою? но снидеве ся сама бороть”)*. По-видимому, корни такого обычая лежат в классиче-

---

* По тексту летописи Мстислав Удалый вооружен ножом, но использовал его лишь после того, как поверг Редеду на лопатки именно в безоружной борьбе. Такой обычай описан в былинах в сюжетах борьбы или кулачного боя богатырей, например:

“Молодой Петрой Петрович королевский сын

Он весьма был обучен бороться об одной ручке:

ском родовом обществе, где, как отмечают исследователи, поединком представителей двух родов старались исчерпать межродовой конфликт, предотвращая таким образом массовое кровопролитие [428. С.186]. Примечательна в этом плане бытовавшая в Вятской губ. “игра в войну”, где “участники делятся на две партии, каждая выбирает из своей среды предводителей, борьба которых и решает исход войны, и побежденные отвешивают поклон победившей партии” [212. С. XXI].

В “заправском” бою первые шеренги “стенки” (“ряды”) составляли из молодежи 18-25 лет – “женехов” [97. С.140; 136. С.247; 335. С.287], “холостых” [685. Л.28; 654. С.200], “возрастных” [63. С.6; 356. С.568]. Они первыми шли в бой и через некоторое время переходили на фланги “рядов” взрослых – “женатых” [97. С.140; 580. С.639], “старших” [559. С.17], следовавших за ними и составлявших основу “стенки”. Нередко в “рядах” взрослых шли даже старики, порою весьма преклонного для таких игр возраста – от 60 и более лет [24. С.104; 700. Л.19; 147. С.3-4; 184. С.32; 199. С.107; 237. С.121-122; 268; 362; 372. С.34; 603; 616. №5. С.14; 733. Л.4; 734. Л.23].

Наступление “стенки” обозначалось терминами “ломить стеною” [50. С.3; 450. С.427], “іти лавою” [487. Т.3. С.387], “попятить” [15. С.168; 155. С.350], “потиснуть” [30. С.2], “наваливаться” [733. Л.4]. Известно, что у казаков бытовал военный термин “ударять лавой в неприятеля”, что означало “атаковать его линией” [607. С.226]. Уместно вспомнить также, что термин “стена” еще в первой половине XIX в. употреблялся военными для обозначения рукопашного удара пехоты [120. С.111]. Напомним здесь и строфы лермонтовского “Бородино”:

“Что тут хитрить, пожалуй к бою,
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!” [316. С.370].

Подошел он к поляничишу удалою,
Да й схватил он поляницу на косу бодру,
Да й спустил на матушку сыру землю,
Вынимал-то он свой нож булатною,
Заносил свою да ручку правою...”

(“Королевици из Крякова” [415. С.147-148])

Фрагменты былин и летописи отражают, по-видимому, существование в древности у славян подобного обычая. Борьба тогда еще не вполне оформилась как игра, не совсем отделилась от утилитарной деятельности и когда она использовалась как средство разрешения серьезного конфликта (не обязательно военного), то велась не на жизнь, а на смерть. Есть данные о бытовании такого обычая в далеком прошлом у других народов [520. С.77].

При наступлении “стенок” друг на друга одна из них могла быть вытеснена с поля боя – “опрокинута”, “подавалась” [305. С.123; 306. С.326], “сбита” [155. С.140,371; 186. С.345; 187. С.581; 730. Л.5; 548. С.211], “прогнана” [398. С.129,130]. Тогда эта последняя организовано, сохраняя строй, отступала до определенного рубежа – “межи” [55. С.127], за которым преследование запрещалось и где можно было перегруппироваться и снова вступить в бой [24. С.105; 55. С.127; 92; 114. С.226; 186. С.435; 698. Л.72; 450. С.417; 548. С.211]. В другом случае “стенка” противника могла быть “разорвана” [32. №4. С.4], “пробита” [305. С.107; 497. С.3], “сломлена” [305. С.107], “смята” [136. С.246]. Тогда строй ломался, “стенка” превращалась в неорганизованную толпу, обращавшуюся в беспорядочное бегство и преследовавшуюся опять до “межи”, за которой бойцы вновь строились и продолжали игру [39. С.956; 55. С.127; 147. С.4; 305. С.107; 450. С.426-427]. Вытеснение противника с поля боя в ту или другую стороны в течение состязания могло происходить по нескольку раз [24. С.105; 30. С.3; 39. С.956; 148; 698. Л.72; 359. №27; 586. С.382]. В ряде мест у русских (Суздальский у., Орловский у. и др.) вытеснение “стенки” допускалось не более трех раз [32. №7. С.5; 703. Л.3]. У русских и белорусов имел место обычай после очередного вытеснения объявлять перерыв, во время которого бойцы обеих сторон отдыхали, пили чай, сходились для мирной беседы, курили [32. №7. С.5; 695. Л.50; 92; 114. С.226; 200; 335. С.287; 730. Л.4; 616. №6. С.12]. Бывало тогда, что бой опять начинала “мелкота” [114. С.226; 359. №27]. Существовал вариант игры, в котором рубеж поля боя не обозначался и противники старались прогнать другую сторону до ее деревни, края, квартала [715. Л.27; 292; 299. С.117; 361. №262; 367. С.13; 586. С.382]. Окончательный “пробой” или “опрокидывание” одной из “стенок” знаменовали конец состязаний. В некоторых местах (Иваново-Вознесенск, Воронежский у. и др.) бытовал обычай заканчивать бой с первым ударом церковного колокола к вечерне, несмотря на то, что победитель к этому времени еще не определился [97. С.142; 293]. Количество бойцов в “стенке” с одной стороны могло колебаться от нескольких десятков [128; 248. С.473; 359. №21; 363. №48; 422] до нескольких сотен [39. С.955; 129; 130; 148; 251. №1; 360. №18; 367. С.13; 543; 608] и, нередко, – тысяч человек [92; 114. С.227; 149. С.44; 150; 305. С.103; 357. №17; 424. С.34; 438; 733. Л.4]. Последнее, по нашим данным, не было характерно для украинцев.

Вариант игры, когда в бой последовательно вступали четыре возрастные подразделения [73. С.61; 97. С.140; 199. С.107; 398. С.130; 406. С.16; 689. Л.41; 641. С.49-50], является классическим. В то же

время и у русских, и у украинцев, и у белорусов нередко сообщения о состязаниях лишь двух [149. С.44; 264; 350. С.4; 355. С.27; 367. С.13; 382. С.265; 383. С.6; 486; 559. С.17] или трех [197. С.130; 260. С.393; 702. Л.9; 299. С.117; 359. №27; 376. С.1; 480. С.8; 510. С.106] возрастных групп бойцов. Бывало, что бой вели “стенки”, составленные из бойцов только одного возраста [251. №2-3; 252. С.427; 266. С.86-87; 305. С.103; 389. С.393; 398. С.136; 720. Л.3]. Здесь, по-видимому, многое зависело от численности и возрастной структуры мужского населения в той или иной местности. Влияло и то, по какому признаку бойцы делились на партии. Так, если состязались рабочие двух профессий, фабрик, заводов и т.п., то нередко младших возрастов просто не было. Подмечено также, что по мере трансформации элементов народной культуры снижается их социальная значимость – вначале они отмирают у старших возрастов, переходят к неженатой молодежи и, в конечном итоге, остаются уделом подростков [591. С.196].

В свете сказанного очевидно, что неверно утверждение Н.П.Новоселова о формировании “стенок” исключительно из трех возрастных подразделений [773. Л.14]. Представляется также, что выдвинутый им тезис о связи трехлинейного построения древнерусской пехоты (передовой, большой полки и засада) с тремя возрастными группами бойцов, последовательно вступавшими в игру [773. Л.15], недостаточно аргументирован.

Важно отметить, что названия отдельных возрастных групп в сообщениях нередко варьируются: у Ф.И.Шаляпина – “мальчики”, “подростки”, “юношество”, “солидные мужи” [641. С.49-50]; у Н.Я.Никифоровского – “мелкота”, “подростки”, “юнцы”, “совершенные мужи” [398. С.130]; у А.В.Титова – “челядешка”, “взрослые парни”, “недавно женившиеся”, “семейные” [73. С.61]; у И.В.Попова – “малолетки”, “парни”, “отцы семейств” [452. С.20]; у А.Андреева – “ребятишки”, “возмужалые”, “старики” [24. С.104]; у А.В.Курочкина – “діти”, “парубки”, “дорослі чоловіки” [299. С.117]; у Морощкина – “дети”, “юноши”, “взрослые” [376. С.1]; у В.Милорадовича – “молоди чоловіки и парубки” [367. С.13]; у И.М.Зайкина – “подростки”, “парни”, “серьезные бойцы” [197. С.130]; у И.А.Волкова – “мальчишки”, “подростки”, “женихи” [97. С.140]; у Ф.Коломийченко – “хлопці”, “старші”, “жонаті чоловіки” [253. С.128,129]; у П.П.Чубинского – “паробки и мальчики” [350. С.5]; у М.О.Дикарева – “великі хлопці й мужики” [162. С.149]. Существенно и то, что указанные нами возрастные пределы отдельных групп бойцов (13-14, 15-17, 18-25, свыше 25 лет) были довольно подвижны и в большой мере определялись уровнем физического развития и социальным статусом бойца. Отмеченное возрастное деление имеет, по-видимому, древнее происхождение, бе-

рет начало в традиционном возрастном делении родового общества, где, как и в кулачных боях, в основном выделялось до четырех возрастных классов [96].

Обычно “стенка” состояла из нескольких рядов. Последние из них в ходе игры пополняли свежими силами первые ряды, обеспечивая этим передышку, периодическую смену и перегруппировку бойцов, что давало возможность вести бой в продолжение нескольких часов. Особое значение придавалось сохранению монолитности, целостности “стенки” в бою и потому категорически запрещался произвольный выход бойцов из рядов. В.И.Даль, отмечая типичные черты боя “стенка на стенку”, сообщает, что в нем не выходили “из ряда” [155. С.371]. По свидетельству П.А.Бессонова, наступая, бойцы шли “как можно больше равняясь по линии” [55. С.127]. Согласно сообщению нижегородского краеведа В.Покровского, бойцы в “стенке” должны были “становиться нога в ногу” [719. Л.9]. “В бой, – вспоминал Ф.В.Гладков, – шли неспеша и деловито, плечо в плечо” [119. С.78]. Напомним в этой связи пословицу: “Боец к бойцу – быть победному концу” [495. С.39]. Представляется, что до момента соприкосновения с противником “стенка” кулачных бойцов отличалась очень высокой плотностью. Из описаний свидетелей [180. С.235; 765; 571] можно понять, что наступление плотным строем имело цель и оказать психологическое воздействие на соперника, уstrasить его. Как только “стенки” соприкасались, интервал между бойцами увеличивался так, что была полная свобода для размаха и нанесения ударов.

В “стенке” строго различались **центр** – “середка” [312. С.201, 209; 425. С.8], “серединка” [733. Л.6], “грудь” [136. С.246; 450. С.417], “лицо” [406. С.17; 450. С.417], “перед” [199. С.107], “передовые” [362. №24], “чело” [760]; **фланги** – “бока” [136. С.246; 199. С.107], “крылья” [24. С.105; 450. С.423], “стороны” [624. С.201], “плечи” [136. С.252], “боковые стены” [219. С.392]; **тыл** – “зад” [50. С.2; 199. С.107]. Часто выделялся резерв – “запасные” [239. С.216; 305. С.121; 346; 450. С.428-429; 484. С.221], “засада” [119. С.79; 450. С.429], который вступал в бой для нанесения решительного удара [700. Л.19; 306. С.326; 398. С.132] или поддерживал отступающую “стенку” в критический момент, на грани поражения [197. С.130; 362. №24; 385. С.80; 484. С.221]. Обратим внимание на то, что термины “ряд”, “лицо”, “чело”, “сторона”, “крыло”, “зад”, “засада” обозначали соответственно боевой порядок, центр, фланг, тыл, резерв в построении древнерусской пехоты [563. С.119,120,121]. Термин “стена” и сейчас означает “плотно сомкнутый ряд, строй бойцов” не только в кулачном бою, но и в “сражении” [536. Т.14. Стб.838]. Украинский аналог “стены” – “лава” – означает также и “бойовий лад у війску...”,

разгорнений для атаки” [541. Т.4. С.429]. Полагают, что в X в. древнерусская пехота шла в бой плотным строем в виде “стены” глубиной в несколько рядов [224. С.21; 572. С.537]. Это подтверждает сообщение Льва Диакона о войске Святослава, которое “плотно” смыкалось, “придав своим рядам вид стены” [311. С.73].

Как и в состязании, традиционным в древнерусском войске было членение на три части по фронту. Так, в Ливенской битве (1024 г.) “Мьстислав... исполочив дружину и постави север в чело противу варягом, а сам ста с дружиною своею по крилома” [437. С.100].

Одно из основных правил боя “стенками” – “биться лицом к лицу, грудь с грудью” – тоже имеет близкие военные параллели. Так, согласно Новгородской первой летописи старшего извода, “новгородци... сташа в лице железному полку противу великой свиньи” (1268 г.) [400. С.86]. Другая летопись сообщает, что “князь... бился с татары в лице” (1380 г.) [401. Л.321]. Интересно в плане военных параллелей свидетельство Г.И.Фомина о том, что в с. Давыдовка Воронежского у. на кулачном бою “стенки” “выступали друг против друга со знаменами” [616. №5. С.14].

У “стенки” был руководитель – “вожак” [30. С.2; 199. С.77; 450. С.424; 516. С.43], “атаман” [115. С.84; 116. С.24; 367. С.13], “староста” [359. №3], “боевой староста” [362. №24], “предводитель” [450. С.427], “старый чоловик” [199. С.107]. Накануне игры он держал совет с ближайшими помощниками – “десятскими” [762], “заправиллами” [385. С.81; 441. С.156], “подручными” [39. С.956; 50. С.2], а также с сильнейшими бойцами, где определялись план, порядок построения, тактика и детали предстоящего боя [385. С.84; 450. С.418; 523. С.22; 624. С.198-199, 200-201]. Так, в одном украинском сообщении начала XIX в. говорится: “...як збираютьця... навулачки, то зийдутця... самии стари тай й розкладают раду, як зайти, чи з того, чи з того боку, кому попереду, а кому позаду, а кому по боках ити; и так соби тайно змовлятьця” [199. С.106-107]. По свидетельству московского старожилы Д.А.Покровского, бои “происходили отнюдь не “с бацу”, ... напротив стенка замышлялась чуть ли не за неделю, обсуждалась на военном совете... окончательные решения по организации битвы принимались военачальниками обеих сторон по взаимному соглашению” [441. С.156]. Н.Я.Никифоровский отметил, что в Витебске “иногда следующий бой планировался сразу после окончания настоящего боя” [398. С.134]. “Вожак” обычно непосредственно участвовал в бою и оперативно определял моменты и направления маневров, решительных ударов, подбадривал бойцов.

В игре очень велика была роль отдельных выдающихся бойцов – “силачей” [706. Л.117; 688. Л.18; 155. С.185; 305. С.106; 668. С.97],

“надежа-бойцов” [63. С.6], “бойцов-молодцов” [585. Ч.4. С.81], “богатырей” [116. С.24; 119. С.77], “удальцов” [514. С.351], “знаменитых бойцов” [136. С.247; 184. С.32; 482. С.359], “первых бойцов” [312. С.201,209; 338. С.405], “знатоков” [586. С.372], “излюбленных бойцов” [305. С.106], “усилков”, “отменных силачей” [197. С.130], “записных бойцов” [46. С.239-240; 585. Ч.4. С.81], “крепких кулаков” [30. С.2], “забойца” [754], “приказных богатырей” [114. С.227], “битков” [465. С.15], “силачей-славутников” [689. Л.41], “матерых бойцов” [733. Л.5], “ломусов” [540. С.220]. Они обычно вставали в центр “стенки”, ведя ее в бой [32. №7. С.6; 39. С.955; 50. С.2; 119. С.77; 139. С.133-134; 312. С.201,209; 425. С.8; 450. С.417], или находились в резерве и вступали в состязание в самый ответственный момент [706. Л.116; 39. С.955; 63. С.6; 114. С.227; 215; 225. С.123; 251. №2-3; 398. С.132; 516. С.44]. Построения бойцов “стенками” при разных вариантах “зачина” показаны на рис. 3 и 4.

В игре использовались тактические приемы, имеющие прямые параллели в традиционной тактике пехоты: кроме отмеченного Н.П.Новоселовым [773. Л.192] удара “клином” [32. №7. С.6; 39. С.955; 352. С.72; 425. С.8; 450. С.424; 516. С.44], применяли наступление на одном [32. №7. С.6; 39. С.956; 199. С.107; 516. С.44] или обоих [39. С.955; 119. С.79; 450. С.425] флангах, их сочетания [616. №6. С.12-13]. Приведем характерное описание такой тактики А.М.Горьким в романе “Жизнь Матвея Кожемякина”: “Городские ведут бой с хитростями... выдвинут из своей “стенки” против груди слобожан пяток хороших бойцов, и когда слобожане, напирая на них, невольно вытянутся клином, город дружно ударит с боков, пытаясь смять врага. Но слободские привыкли к этим ухваткам: живо отступив, они сами охватывают горожан полукольцом...” [136. С.246]. Бытовала и тактика выведения из строя “силачей” противной стороны нападением на каждого из них несколькими бойцами [715. Л.27; 352. С.72; 450. С.418; 424], что называлось “ловить” противника. Следовательно, не подтверждаются приводимые Н.П.Новоселовым без ссылок на источники данные о том, что в бою “стенками” действовало правило “двое дерутся, третий не лезь” [773. Л.92].

Для управления “стенкой” в ходе боя служили звуковые сигналы голосом или свистом. Еще С.Герберштейн отмечал, что сбор бойцов происходит “неким свистом, который является как бы условным знаком” [113. С.80]. Об этом же сообщает А.И.Терещенко [585. Ч.4. С.81]. По данным М.И.Пыляева, по свисту же “обе стороны бросались друг на друга и бились” [472. С.8]. Согласно другому сообщению, на бой созывают возгласами: “Давай, давай на кулак!” [703. Л.4]. Г.И.Фомин также отмечает, что сигналом к сбору и наступ-

лению служили “характерные призывные крики и свист” [616. №6. С.12]. Наступали по возгласу “вали-и-и!” и “ломи-и-и!” [136. С.250; 398. С.131]. “Стой, наши, стой!” – подавалась команда “когда было близко к схватке, когда сторонники призывались к удержанию позиции”; “поддай бою” – когда последний шел вяло, или когда призывалась смена младших старшими” [398. С.130-131]. При отступлении кричали “отдай наши!” или “наши назад!” [92; 136. С.254; 450. С.423]. Были команды, указывающие направление наступления, например, “бей в середку!” [450. С.426]. Если надо было восстановить разрушенную “стенку”, звучал сигнал “стройся!” [450. С.426]. Наступая, вся “стенка” дружно кричала “ура!” [119. С.80; 362. №300]. Возглас “довольно” с одной стороны означал просьбу приостановить бой на перерыв [730. Л.4]. По данным исследователей, в древности у славян сигналы голосом служили средством управления настоящим боем [474. С.300].

Военный сюжет состязания, многочисленные военные параллели убеждают в том, что в основе боя “стенка на стенку” лежат определенные черты военного искусства, боевой подготовки и организации древнерусской пехоты.

б) Приемы кулачного боя

Существовал определенный круг приемов игры – различных ударов кулаками, притом, по свидетельству современника, обычно каждый боец имел “свои меткие удары” [700. Л.19]. В то же время “удары специалистами наносятся умело, выбираются подходящие места” [486]. По месту нанесения все удары можно разделить на две группы – в голову и по туловищу, а по направлению – на четыре: прямые, боковые, снизу, сверху. Всего в первом приближении наметим восемь типов ударов, каждый из которых в свою очередь можно детализовать. “У кулачников”, по свидетельству Г.И. Фомина, существовали “своя терминология, свой жаргон” [616. №5. С.16]. Другой современник сообщает, что для обозначения ударов “среди кулачных бойцов существовал даже особый язык, лаконический и понятный лишь тем, кто считался заправским мастером” [237. С.121]. Бытовали общие и локальные термины, причем число последних очень велико. Приведем, в соответствии с нашим делением, наиболее характерные названия.

а) Прямые удары в голову: “подставить фонарь” [151. С.260; 217]. “фонари зажигать” [289], “подколотить глаза в смятку” [599. С.34], “дать в хлебово” [616. №5. С.16], “в рожество” [257. С.86], “в личность” [425. С.8], “во всю ширь” [356. С.126], “в переносье” [700. Л.19], “чвакнуть промеж глаз” [184. С.68], “засмалить у зубы, у

морду” [394. С.206], “в пику дати”, “дати бухана”, “губки дати”, “носа втерети”, “носа вкрутити” [612. С.75], “вставить окуляри” [274. С.93].

б) Боковые удары в голову: “намылить сусалы” [450. С.429], “смазать по сусалам” [155. С.363], “свернуть салазки”, “заехать по мусалам” [616. №5. С.16], “салазки подбить”, “салазки своротить”, “перевалить со щеки на щеку” [151. С.266], “салазки вертеть” [289. С.4], “загибать салазки” [599. С.33], “сворачивать чавки” [177. С.21], “пустить звонаря” [237. С.121], “поушина” [336. С.328], “свистнуть по уху” [83. С.287], “дать пляцки, плюху” [396. С.207], “личить зубы”, “чисать зубы”, “проехаца по зубам” [394. С.206], “паднесть завизжуху”, “утерети кабаки”, “стусана дати”, “лпаса дати” [612. С.75].

в) Удары сверху в голову: “чермер сшибать” [289], “по кумполу” [616. №5. С.16], “розуму до головки нагнати” [612. С.75], “по лбу сверху вниз” [133. С.514].

г) Удары снизу в голову: “в подбородок” [136. С.249], “цибульки дати під ніс” [274. С.98].

д) Прямые удары по туловищу: “в душу” [762], “в плеча”, “в грудь”, “в живот” [450. С.426], “штыком” [624. С.201], “положить гриба в живот” [425. С.7], “в подвздох” [318. С.114], “с тычка” [219. С.385], “тычком”, “бодком”, “совком” [155. С.411], “в здуховину” [170. С.119].

е) Боковые удары по туловищу: “дать пирога в бок” [391. С.123], “отмочалить, настрочить, отвалять, отмять бока” [151. С.260], “отсочать бока” [551. Ч.3. С.83], “отмочить бока” [275. С.225], “бока погреть” [484. С.223], “с наскока наотмашь по становой жиле” [251. №2-3], “обручи ломать” [289], “шеменуть у бик, по ребрах” [367. С.14], “дать блоху” [237. С.121], “даць кұхталя” [29. С.87; 765].

ж) Удары снизу по туловищу: “под дых” [531. С.110], “поддать духу” [551. Ч.3. С.83], “дать под микитки” [425. С.7; 599. С.33], “под дыхло” [257. С.74], “под никитки” [257. С.78], “в живот под душу” [136. С.249], “под мышку” [136. С.253], “под девятое ребро” [425. С.7], “штыка под жабры” [624. С.201], “под сердце” [429. С.55], “под ложечку” [700. Л.19; 486], “поднять на воздух” [755], “пид груди” [367. С.13], “дати духопелу, духопелкив, духу” [539. С.2], “під ребро” [170. С.118], “лічить ребра” [274. С.95], “пыд духи”, “подъехать под микитки”, “считать ребры” [395. С.142], “бить дух дослухывья” [394. С.208], “под бок” [486].

з) Удары сверху по туловищу: “по ключице” [251. №2-3], “сверху по плечу” [119. С.167], “с потягом по боку” [654. С.200].

Помимо отдельных ударов бойцы применяли их комбинации: “с наскока наотмашь по становой жиле да затем по ключице” [251. №2-3], “в сусалы да под никитки” [151. С.260] и другие. Использовали и

обманные движения, как, например, описано В.А.Инсарским: “Один (боец – Б.Г.), предпринимающий сделать нападение, старается обмануть противника относительно того, с какой стороны и в какой форме он намерен произвести нападение и, устремляя усиленное внимание на один пункт, по-видимому, угрожаемый нападением, избирает другой пункт, на который производит действительное нападение” [219. С.386].

Определенным образом обозначали различные ситуации боя: “іти на кулачки погуляти” [369. С.73], “ісці на кулакі” [47. С.407] – выходить на бой; “на кулаки викликати” – вызывать на бой, “схопитися на кулаки” – начинать бой [541. Т.4. С.389]; “бычком” [219. С.356-357], “баранком подступать – ... подходить к противнику с низко опущенной головою, под прикрытием рук” [394. С.208]; “пойтись на штырхи” [394. С.208] – обмениваться ударами; “перепятнать” [352. С.72], “сбить на горькыя яблага” [551. Ч.3. С.83], “положить влоск” [151. С.260; 436. С.3], “подсечь” [119. с.167] – сбить с ног; “насыкаться” – готовить удар [136. с.249]; “заходить” – вступать в бой [715. Л.27]; “на отчаянность” [318. С.114; 425. С.7], “цокнуться” [654. С.200] – биться ожесточенно; и другие. Большое значение имел сильный удар, однако успех в бою обеспечивало удачное сочетание силы с ловкостью, сноровкой, владением приемами. Как заметил граф Ф.В.Ростопчин, сам участник кулачных боев, “битва на кулаках такая же наука, как и бой на рапирах” [255. С.20].

в) Борьба

Другой тип рукопашных состязаний – борьба посредством захватов тела, одежды противника с целью повергнуть его на землю – также имел несколько названий. У русских: “борьба” [532. С.109], “борение”, “борбище” [192. С.117], “боротье” [530. С.118], “боронье” [465. С.126], “боренье” [220. С.46], “ломанье” [153. С.265]. У украинцев: “боротьба”, “борение”, “борюкánня”, “змагáння” [487. Т.1. С.73], “бóрня” [526. С.23], “бороння” [538. С.104], “боротя”, “бороття”, “бороттє” [647. Стб.91], “бориння” [367. С.13]. У белорусов: “барацьба”, “змаганне” [409. С.31], “боренне”, “бóрки” [393. С.29; 409. С.31], “бырца”, “бырки”, “бóрца” [393. С.43].

У русских, украинцев, белорусов бытовало по несколько видов борьбы. Один из них русские называли “в схватку” [155. С.111; 484. С.220; 552. С.144]. В былинах можно встретить выражение: “Они схватились во схваточку боротисе” [171. С.149]. Другие названия этой борьбы: “в охапки” [600. С.11], “в охабку” [685. Л.28], “в обхват” [246. С.16; 314. С.64], “в обхватку” [659. С.396], “на русскую” [666. С.5], “русская борьба” [102; 246. С.16; 602. С.189; 666. С.5],

“русский крест”, “накрест” [772], “в крест” [246. С.16], “крест-накрест” [326. С.714], “сграбившись” [484. С.220].

По правилам борцы обоюдно схватывались крест-накрест – одна рука над, другая под плечом противника и соединяли их на его спине, сохраняя такой захват до конца поединка, время которого не ограничивалось. Для победы надо было бросить соперника на землю [692. Л.23; 336. С.298; 484. С.220]. Большое значение в этом виде борьбы имела физическая сила, ловкость же была на втором плане. Так, по свидетельству современника, в Орловской губ. боролись “в одноручку”, но с пренебрежением отвергали предложения бороться в охапки... называя такой манер медвежьей борьбой, не заключавшую в себе кроме силы никакого искусства” [600. С.11]. По той же причине борьбу “в обхват” называли “мужицкою” [339. С.98]. Примечателен в этом отношении фрагмент былины “Подсокольник”:

“А схватились удалы все в охабочку,

А по мужицки они по деревенски же” [76. С.121-122].

Две разновидности борьбы “в схватку” отличались тем, что, “смотря по условию”, правила разрешали или запрещали подножки [484. С.220]. В.И.Даль приводит описание одного из вариантов: “Русские борются... накрест руками, через плечо и валяют через ногу” [152. С.117]. А.И.Терещенко обрисовал вторую разновидность: “Искусившиеся в борьбе... схватываются, жмут так крепко, что кажется, слышишь, как хрустят кости. Падение противника... признается, когда кто из двух поборет без лукавства и хитрости, потому, что некоторые из них подставляют ногу и сбивают” [585. Ч.4. С.80]. Яркая картина этого вида борьбы дана А.С.Пушкиным в “Гавриладице” в сцене поединка Гавриила с Бесом:

“Сплетенные, кружась по лугу,

На вражью грудь опершись бородой,

Соединив крест-накрест ноги, руки,

То силою, то хитростью науки

Хотят увлечь друг друга за собой.

Не правда ли? Вы помните то поле,

Друзья мои, где в прежни дни весной,

Оставя класс, мы бегали на воле.

И тешились отважною борьбой” [468. С.116].

Отметим, что вариант приведенного отрывка [468. С.414-415] указывает на то, что в основу этого описания положены воспоминания о юношеских схватках “в обхват” на царскосельском “Розовом поле” – традиционном месте игр лицеистов.

Это очень древний вид борьбы. В известном летописном эпизоде о поединке Кожемяки с печенежским богатырем (992 г.) легко уз-

нается борьба “в схватку”: “...и яста ся (схватились – Б.Г.), и почаства крепко держати, и удави печенезина в руку до смерти. И удари им о землю” [437. С.84]. По данным М.Кистера, этот вид борьбы имел распространение у русских “повсюду более других способов” [246. С.16].

И у украинцев бытовал подобный вид борьбы. Ее названия: “в обхват” [434. С.28], “на вхрест” [196. С.132. Таблица XVIII], “братися на силу” [538. С.111], “за поперек”, “за крижі” [767], “у ручки братися” [537. С.90; 767]. Как у русских, победителем признавали того, “котрий котрого подужає і покладе на землю” [196. С.132]. В отличие от русских, у украинцев запрещались подножки [330. С.22].

Белорусы называли такой вид борьбы “на крыжы” [664. С.24], “сілавая барацьба” [88. С.117; 741; 664. С.100], “ў хапкі”, “ў абхват” [765]. Как у русских и украинцев, борцы обхватывали друг друга крест-накрест “і той, хто паваліць праціўніка на зямлю, – пераможца” [664. С.24]. Как у русских, обуславливали “подставлять ли ножку или нет” [393. С.29], что определяло две разновидности борьбы.

Борьба “в схватку” очень сходна с одним из видов борьбы сербов [433. С.229] и литовцев, где имеются и две аналогичные разновидности [322. С.85; 679. S.71].

Второй вид борьбы русских – “об одной ручке”.

“Ай же вы, богатыри святорусские!

Кто из вас горазд боротья об одной ручке?” [415. С.83]

– часто можно встретить в былинах киевского цикла. Другие ее названия: “в одноручку”, “наперкосок” [600. С.11], “на одну руку” [348; 508. С.76], “за вороток” [339. С.98; 632. С.846], “на носок” [366. С.9], “с носка” [152. С.117; 153. С.556; 336. С.298; 659. С.396], “московская борьба” [52. С.347].

Имеются сведения о двух разновидностях этой борьбы. В первой правила обязывали противников сделать обоюдный захват одной рукой за ворот одежды противника и сохранять его до конца поединка. Другой рукой какие-либо захваты не разрешались: “Русские борются... с носка – одной рукой друг друга за ворот, а другою не хватать” [152. С.117]. Основным здесь был прием “бросок с носка”, от чего происходит одно из названий этой борьбы. Описание такого приема можно найти, например, в исторической песне о Кострюке:

“Тот его берет за левый вороток

Поднимает на правой носок.

Он приподнимал повыше себя

Ударил о сыру землю” [558. С.67].

Подобные описания имеются и в былинах:

“Иванушко Гоудинович

А й взял татарина за шиворот,

А й положил-то ведь правой ногой

Татарина по левой ноги.

А й бросил-то его на сыру землю” [415. С.716].

В Холмогорах бытовал термин “сдержавший носок”, обозначающий никем не побежденного борца [530. С.118]. “Он на носок остёр, у него носок цепок” – говорили про того, кто “горазд бороться” [153. С.556]. Одно из названий – “московская борьба” – отразило большую популярность ее в Москве. От этого же пошла поговорка “Москва бьет с носка” [52. С.347; 552. С.144].

В другой разновидности разрешалось захватывать любую часть тела, одежды противника второй рукой, но только в момент проведения приема. У Д.Н.Мамина-Сибиряка: “Боролись не в охапку, по-мужицки, а за вороток... Борцы ходили по кругу, взявши друг друга за ворот чекменей правою рукой, – левая шла в дело только в момент схватки. Вся суть заключалась в том, чтобы сбить противника на землю” [339. С.98-100]. Особенно почетной считалась победа, когда повергнув соперника вниз, победитель оставался стоять на ногах [348; 600. С.11]. У украинцев и белорусов аналогов борьбы “за вороток” не найдено.

Следующий вид борьбы у русских назывался “не в схватку”, “охотничья борьба” [484. С.220; 552. С.144], “за руки” [693. Л.9; 508. С.66], “на шипок” [604. С.134] (сходно по названию и по содержанию с народными видами борьбы черногорцев – “рвати се” [485. С.744] и сербов – “рванье” [64. С.7]), “на вольную” [744; 772], “как схватишь” [736]. Здесь позволялось произвольно захватывать тело и одежду соперника, победа же оставалась за тем, кто повергнет другого на спину. Притом противника “надо было еще удерживать известное время под собою и большею частию до тех пор, пока он признавал себя побежденным” [442. С.137]. Выявлены три разновидности такой борьбы: а) разрешались захваты только выше пояса соперника; б) допускались вместе с тем и подножки; в) позволялось также захватывать ноги противника [691. Л.25; 692. Л.23; 484. С.220]. Судя по имеющимся описаниям, сходные с последней разновидностью народные виды борьбы бытовали у болгар – “суха” борба” [80. С.466; 432. С.92], чехов [677. С.210] и литовцев [679. С.71-72]. В сравнении с другими видами здесь борцы получали бóльшую свободу действий. Это дает основание полагать, что борьба “на вольную” восходит непосредственно к боевым рукопашным схваткам и, по-видимому, является древнейшей из рассмотренных. Ее описания чаще других встречаются в боевых эпизодах русских былин. Рельефные изображения борьбы “не в схватку” известны на “красных” терракотовых изразцах, датируемых рубежом XVI-XVII в. [304. С.220]. Графические изобра-

жения ее имеются на лубочных картинках XVII-XVIII в. [304. С.220; 484. С.219] и на миниатюре “Истории Сибирской” С.У.Ремезова (конец XVII в.) [420. С.45]. Борьба “на вольную” изваяна И.П.Прокофьевым в скульптурной группе “Борцы” (1818 г. Государственный Русский музей) [492. №74].

У украинцев такой вид борьбы бытовал под названиями: “на руки” [196. С.132. Таблица XVIII], “голіруч боротись” [434. С.3], “вільна боротьба” [767]. Нам известен лишь один вариант ее, когда “забороняється хапати нижче пояса, підставляти ноги”. Цель борьбы – “покласти суперника на спину” [767].

У белорусов существовала борьба “да крыжа”, где “барцам дазваляецца штурхаць, даваць падножкі, хапаць за ногі. Перамагае той, хто прыцісне праціўніка спіною да зямлі і ўтрымае яго рукі, разведзеныя ў бакі” [664. С.24]. Была известна и разновидность, где запрещались подножки [393. С.29].

Последний из известных нам видов борьбы у русских – “на поясах” [307. С.8; 632. С.845], “поясная борьба” [480. С.39; 666. С.5], “на кушаках” [755], “пояски” [497. С.4], “за пояски” [600. С.11], “на пояски” [165. С.12], “под пояски” [639. С.87], “на веревки” [768], “на ремни” [737], “ламок”, “на ламка” [528. С.119], “под пряжки” [529. С.71], “на мотки” [761], “на опоясках” [198. С.74]. Ряд фактов дает основание полагать, что она заимствована русскими и другими восточными славянами у тюркских народов. Так, по сообщению И.И.Лепехина, башкиры в таких состязаниях “не берут друг друга за ворот, как русские борцы, но за кушаки, и употребляют обыкновенные при борьбе хватки” [315. С.26]. В.И.Даль, рассматривая традиционные виды борьбы, бытовавшие у русских, отметил, что в отличие от них “татары и башкиры закидывают друг другу пояс за поясицу, не хватаясь за одежду и упершись левым плечом друг в друга, а перехватывать руками и подставлять носков не дозволяется” [152. С.117]. По-видимому, не случайно борьба “на поясах” неизвестна в былинах и других жанрах восточнославянского фольклора. В средневековье, по мнению Л.Куна, этот вид борьбы являлся типичным элементом военно-физической подготовки кочевников [296. С.53,125,134-135]. “В ходе состязаний... поясной борьбы, – считает он, – учились тому, чтобы... в случае необходимости твердой рукой стащить с седла епасающегося бегством противника” [296. С.134-135]. У некоторых тюркских народов, например у киргизов, и сегодня бытует борьба безоружных всадников на конях (“эр оодарыш”), где победителем признается тот, кто первым сбросит противника с седла на землю, большей частью захватив его пояс [518. С.63].

Представляется, что в ходе постепенного продвижения славян в Нижнее Поволжье, на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию, а также миграций тюрок в центр России и на Украину и те, и другие вступали во взаимные контакты – трудовые, бытовые, брачные и т.п. В подобных ситуациях обычна известная диффузия элементов народной культуры. В частности, славяне знакомились с традиционными видами борьбы тюрок и, как свидетельствуют современники и данные исследователей, нередко участвовали в состязаниях борцов на местных праздниках [233. С.23-24; 380. С.49,50; 480. С.35-39; 518. С.130]. Это нашло отражение и в беллетризованных воспоминаниях Вс.В.Иванова [208. С.18] и Ф.В.Гладкова [117. С.367], в анонимной повести начала XIX в. [381. С.38-39], в известном романе С.П.Залыгина [198. С.75].

Самое раннее из известных нам упоминаний борьбы “на поясах” у русских содержится в записках орловского помещика Н.И.Толубеева (конец XVIII – начало XIX в., но не позднее 1809 г.) [600. С.11]. Этим временем датируются и первые известные нам изображения таких состязаний – на гравюре А.Аткинсона (начало XIX в. Государственный Эрмитаж) и картине И.С.Щедровского “Борцы” (1837 г. Государственный Русский музей) [658]. Со временем борьба “на поясах” заметно распространилась среди славян и стала восприниматься как традиционное явление, что зафиксировал известный энциклопедический словарь [65]. Этому, на наш взгляд, немало способствовало то, что правила ее очень близки к правилам борьбы “в схватку”. Повлияло и то, что восприятие игры славянами шло длительное время широким фронтом с востока, юга юго-востока. Интересно, что и в начале XX в. борьба “на поясах” смутно отграничивалась от русских видов борьбы. Так, в журнале того времени читаем: “Силачи, если вызывали любителей на борьбу, то или на поясную, или на русскую” [666. С.5].

По правилам борьбы “на поясах” у русских соперники обоюдно захватывали друг друга крест-накрест (как в борьбе “в схватку”), взяв на спине пояс партнера обеими руками. Отпустить захват не разрешалось до конца поединка (как в борьбе “в схватку”). Победа оставалась за тем, кто первым бросал противника на землю [91. С.49]. Две разновидности “поясной” борьбы, как и борьбы “в схватку”, отличались по тому, разрешались или запрещались подножки [205. С.54; 632. С.845]. Заимствование, следовательно, шло не механически, а под влиянием традиционного вида борьбы “в схватку”. Борьба “на поясах” у русских замечательно описана в романе А.М.Горького “Дело Артамоновых”: “Схватив друг друга за кушаки, они долго топтались на месте. Илья смотрел через плечо Вялова... Он был выше землекопа, но тоньше и несколько складнее его. Вялов, упиравсь плечом в грудь ему, пытался

приподнять соперника и перебросить его через себя. Илья, понимая это, выкрикивал:

– Не хитер ты, брат, не хитер!

И вдруг, ухнув, сам перебросил Тихона через голову свою с такою силою, что тот, ударом о землю, отбил себе ноги. Сидя на траве, стирая пот с лица, землекоп сконфуженно молвил:

– Силен” [135. С.122-123].

У украинцев также широко бытовала “поясна боротьба” [434. С.11]. Другие ее названия: “на пояски”, “на уприжимки” [196. С.132], “за ремені” [767]. “В селах Донеччини” эта борьба и сегодня известна “під назвою “куриш” [125]. Легко заметить этимологическое сходство этого термина с названиями борьбы у многих тюркских народов: “курош” (киргизы [518. С.67]), “курес” (казахи [40. С.4]), “кураш” (узбеки [609. С.191]), “гюреш” (гагаузы [379. С.43]) и другие. Притом каждый из названных видов борьбы тюркских народов является борьбой “на поясах”. Такое сходство, на наш взгляд, представляет дополнительный аргумент в пользу гипотезы о заимствовании этой борьбы восточными славянами у тюрков. Отметим, что такие заимствования известны и у других народов. Так, бытующие еще у болгар “мазна борба” [432. С.92] и у македонцев – “народно рванје” [672. С.229,231] являются точным слепком с турецкой борьбы “гюреш” [671]. Как у русских, украинские “борці надівали міцні пояси... бралися за них і намагались відірвати один одного від землі, щоб покласти на лопатки” [434. С.11]. В отличие от русских, у украинцев (за исключением “Донеччини” [125]) были запрещены подножки [330. С.22; 767].

У белорусов “барацьба на паясах”, где разрешалось делать подножки [765] имела небольшое распространение.

Бытовали две формы организации традиционных состязаний в борьбе. В одном случае боролись два соперника, а остальные находились в это время среди зрителей. Очередной борец выходил соревноваться с победителем лишь когда определялся результат предыдущей схватки [205. С.53; 279. С.1; 348. С.293; 456. С.46]. В другом случае в состязание вступало сразу несколько пар борцов. Потерпевшие поражение уходили, а их место занимали новые поединщики [698. Л.81; 339. С.99; 639. С.87; 642. С.46]. В обоих случаях проигравший не имел права бороться дальше и выбывал из борьбы. В ряде мест (Болховский, Винницкий, Тюменский, Яренский уезды, горнозаводской Урал и других) бытовал обычай каждой паре бороться по три раза [693. Л.9; 205. С.53; 701. Л.19; 330. С.29; 339. С.98; 442. С.137]. Он неоднократно описан в былинах [74. С.305; 77. С.382] и в песне о Кострюке [365. С.40; 415. С.609]. Последний борец, которого никто не

мог одолеть, объявлялся победителем. Чтобы стать им, порою надо было в один день положить несколько десятков борцов [456. С.46; 639. С.87]. У борцов, как и в кулачных боях, в состязание сначала вступали подростки, потом юноши и только за ними – взрослые борцы [725. Л.10; 205. С.53; 279. С.1; 339. С.98-99; 704. Л.4]. Внутри каждой возрастной группы начинали состязания самые слабые борцы [348. С.293; 339. С.98-99].

Как и в кулачных боях, противники вызывали друг друга на борьбу, например: “Давай ломаться!” [153. С.256]; “Давай боротись!” [538. С.104]; “А давай поборемся!” [66; 464. С.116]; “Ну поборимся хто кого зможець! [409. С.31]; “Дывай-ка бърька збросим, хто сильней” [535. С.122]. В вызове мог предлагаться вид борьбы: “Спробуємо чи шо? На поясах чи може так голіруч поборемось?” [434. С.3]. Бывало, что в вызове предлагали выбрать тип состязания: “Паробоцтво, ходіте битися! Чи боротися!” [646. С.80]. Вызов на борьбу обычно сопровождался “самохвальством”, “похвальбой”, где борцы подчеркивали свои достоинства [279. С.2; 691. Л.23-24]. Обратим внимание на то, что в песне о Кострюке также перед борьбой “Федька-то хвалится” [223. С.106]. Известна и пословица: “Борьба любит похвальбу” [495. С.43].

г) Приемы борьбы

В борьбе также существовал определенный круг приемов, каждый из которых имел одно или несколько названий. Большое сходство традиционных правил борьбы у восточных славян обусловило и сходство приемов, в основе которых лежало предварительное выведение противника из равновесия. “Искусные борцы, – сообщает А.И.Терещенко, – берут не силой, а ловкостью: противник старается схватить своего противника так, чтобы он потерял равновесие – тогда смело можно повалить его на землю как игрушку” [585. Ч.4. С.80]. Условно можно разделить все приемы на две группы: а) броски и б) сваливания и рывки.

Броски предполагают отрыв соперника от опоры и резкое бросание его каким-то способом на землю. Один из самых известных бросков – “через себя” [152. С.117; 154. С.187; 528. С.119], “через голову” [35; 135. С.123; 277. С.6; 339. С.100; 653. С.93], “на себя” [330. С.30], “передний пояс” [102], “на подъем” [380. С.49,50], “кидьок назад”, “через себе” [767] – описал наш информатор: “Быстро подступи к противнику, согнув ноги, и крепко обхвати его руками. Выпрямляясь, резко оторви его от земли, сам бросайся спиной назад, поддав его силою своего тела и, главное, рук. Увлекаемый этим движением, противник перелетит через тебя” [744].

При броске “через бедро” [744], “ударить о свое бедро” [484. С.220], “схватить на косу бедру” [632. С.845], “бедра”, “бедяа” [60. С.22], “с холки” [205. С.54], “з стегна”, “через стегно” [767] “один борец старается подвернуть под живот противника свою спину и таким образом, перебросивши через себя, уронить его на землю” [205. С.54].

Бросок “на сторону” [336. С.298; 484. С.220], “боковой бросок”, “с подвала”, “подвальцем” [762], “наотмашь” [185. С.63], “кидьок у сторону” [767] – самый любимый, по сообщению информатора, прием сибиряков. Борец, когда его прижимает к себе соперник, “поддается ему, причем подгибает ноги в коленях и изгибается в спине”; в то время как противник “готов уже подмять его под себя, он неожиданно расправляет ноги, быстро поворачивается направо и валится на него всей тяжестью тела” [755]. Так же прием описан и П.Крупновым [691. Л.24].

При броске “меленка” [762], “завертеть мельницей” [488. С.18], “взять на мельницу” [246. С.63]. “А. притягивает О. к себе как можно ближе, быстро поднимает его на руках вверх насколько возможно выше и, поворачиваясь сам на месте, начинает вертеть О. Завертев О., А. сразу прерывает мах, бросая О.... в противоположную верчению сторону” [246. С.63].

Бросок “бить с носка” [484. С.220], “носок” [60. С.92; 140. С.212], “удар с носка” [205. С.54], “метать с носка” [737], “с носка спускать” [171. С.146], “взять на косой носок” [558. С.67], “московский прием” [52. С.347], “подпинывать ногой” [691. Л.24], “подшибать ногой” [339. С.98], “підсічка” [125], “кидьок через ногу” [767]. Здесь “борец, покосив противника на правую сторону, вместе с тем подбивал ему носком правой ноги его левую ногу и этим способом мгновенно сшибал его с ног на землю” [484. С.220].

Бросок “через плечо” [762], “кидьок через плече” [434. С.30]. Здесь борец двумя руками “охоплюе праву руку суперника, потім швидко повертається ліворуч і, нагинаючись вперед, підставляє своє стегно і падає на коліна, рухом перекидаючи його” [767]. В песне о Кострюке он описан так:

“Як и хватить ион за праву руку,

Метанёть яго об землю...” [551. Ч.4. С.610].

При броске “с крутой метать” [632. С.845], “пад ноги кидать” [551. Ч.3. С.6] борец “пятит” соперника и, используя его сопротивление, “быстро приседает, встает на левое колено, а правым плечом и рукою подхватывает противника за ноги около живота” и быстро встает. “Противник, выкинутый на воздух, с силой летит через плечо врага и, перевернувшись в воздухе, падает на спину” [691. Л.24-25].

Бросок “поставить на голову” [632. С.845], “приткнуть вниз головою” [185. С.63]: “Схватил за ноги да башкой в песок воткнул” [117. С.368]. Он описан и в песне о Кострюке:

“Потанька хроменький,
На ножку справился,
За рубашку сграбился.
Был Кострюк на ногах –
Поставили на голову” [77. С.589].

Бросок “согнув корчагою” [179. С.475], “согнув в бараний рог”: борец захватывает соперника за голову сверху, “сильно прижимает под мышкой, отставляет правую ногу и через нее перекидывает своего противника” [691. Л.24].

Сваливания и рывки – другая группа приемов. Сваливания предполагают сбивание противника на землю без предварительного отрыва от опоры, большей частью посредством силовых действий. Наиболее известна здесь “подножка” [35; 484. С.220]. Ее еще называли: “валять через ногу”, “подбарывать ногою” [152. С.117], “поднога”, “подножку дать” [154. С.190], “подставлять ножку” [393. С.29], “подплетать ногой” [686. Л.12; 691. Л.24], “с пятки”, “с крюку” [205. С.54], “підніжка” [610. С.391], “даваць падножку”, “падбив” [664. С.24]. Современник так описывает ее: “Я левой ногой задел его правую и надавил ему в грудь, чтобы на спину свалить” [185. С.63].

“Подламывать под себя” [152. С.117; 154. С.187], “сламывать” [182. С.104; 456. С.446], “ломать” [153. С.265; 508. С.80], “ломати на силу” [767], “подкомсить под себе” [397. С.208], “подмять” [151. С.70], “смять под себя”: “Махилев поднатужился, нажал Бедучевича под поясницу и в одно мгновение смял его под себя” [448. С.358].

“Хватать вперед” [185. С.63], “штурхаць” [664. С.24], “толчок”: “притянуть сильно противника на себя, отступая назад; он станет упираться, присаживаться и тогда толкай его в противную сторону – сразу упадет на лопатки” [762].

“Брать под силы” [654. С.144], “взять под силки” [469. С.201], “взять силою” [75. С.38], “схватывать под мышки” [393. С.29], “захоплює під пахви” [767] – “бороться под силки, обняв противника под мышками, лишая его силы” [155. С.185].

Рывки – быстрое выведение борца из равновесия посредством захватов его ног или рук: “рвануть за руку” [624. С.202], “хватать за ноги” [723. Л.1], “хапаць за ногі” [664. С.24]. Такие приемы многократно описаны в былинах, например:

“А схватил Илья да за резвы ноги,
Да бросил Илья да о кирпичат пол...”
 (“Илья Муромец” [218. С.73]).

Обычно борцы отлично владели двумя-тремя любимыми, доведенными до совершенства приемами. Вместе с тем применяли их комбинации [632. С.847]. Бытовали и различные варианты отдельных приемов. По свидетельству современника, в борьбе “победа почти всегда остается на стороне ловкого, а не сильного” [691. Л.24]. Напомним в этой связи пословицу о том, что “не силой борются, а сноровкой” [155. С.117].

Хороших борцов называли “заправскими” [691. Л.24], “запасной силой” [348. С.293], “хватскими” [339. С.98]. Определенным образом обозначали разные ситуации в борьбе: “водиться” [196. С.163; 549. С.432] (“починали боротись на поясах, довгенько водили один одного по подвірю” [434. С.4]) – бороться до момента первого приема; “новое” – бороться с переменным успехом [439. С.102]; “борыкаться” – защищаться в борьбе [647. Стб.92]; “барака сбросить”, “бырца скинуть” – положить соперника на лопатки [535. С.122,226]; “бороти” [541. Т.1 С.220], “поборювати” [610. С.471], “брать гóру” [767], “опрокидывать” [140. С.103], “боронить” [34. С.84], “перемагаць” [243. С.240], “змагаць” [481. С.144] – брать верх в борьбе; “бороться колесом” – быстро сменять положение в борьбе из нижнего вверх и наоборот [334. С.105]; “мы в подногу не боремя” – запрещение подножек [154. С.190]; и другие. Широко употреблялся термин “круг”: “выйти на круг” – выйти на борьбу [615. С.8]; “собрался круг” [339. С.96], “образовался круг” [642. С.46] – начало состязаний; “с круга спустить” [175. С.30], “унести круг” [205. С.54; 339. С.98; 639. С.87] – победить в соревновании. Честный поединок, без подвохов и обманов, называли “чистой” борьбой. Напомним эпизод песни о Кострюке, где хвалят борца:

“Исполать тебе, молодцу,
Что чиста борешься!” [175. С.30].

д) Одежда играющих

Состязались обычно в повседневной одежде, смотря по времени года. Летом ходили на “кулачки” “в разноцветных кафтанах” [719. Л.9]. Зимой традиционно одевались в короткие тулупы или полушубки и подпоясывались кушаками [136. С.247; 149. С.44; 312. С.210]. В разгар боя зимой, когда верхняя одежда начинала мешать бойцам, старались, несмотря на мороз, сбросить полушубки и даже поддевки, оставаясь в рубахах с засученными рукавами [147. С.4; 312. С.210; 363. №48]. Поскольку кожаные сапоги скользили, в XIX в. зимой им предпочитали валенки [132. С.494]. Для защиты от ударов под верхнюю одежду “вокруг боков” пододевали кожу [733. Л.6]. Зимой (а часто и летом) необходимым элементом одежды бойцов были

кожаные сыромятные рукавицы – “голицы” [715. Л.26; 149. С.44; 710. Л.2], “накожни”, “хахлацьки рукавыци” [367. С.14]. В разгар игры, по сообщению современника, “бьются в одних рубахах, без шапок, но на руках обязательно рукавицы. Не то руки собьешь” [121]. А.Г.Орлов, большой любитель кулачных боев, пытался ввести специальные “толстые кожаные рукавицы”, наподобие английских для бокса, “сделанные из такой грубой кожи, что она мешала... сжать руку в кулак” [249. С.190]. В то же время нередко условием на боях ставили биться голыми руками [153. С.215], поскольку тогда можно было легко проверить, нет ли у противника “закладки”. Для борьбы “в одну руку” поверх повседневной одежды надевали специальный чекмень с невысоким плотным воротником [632. С.846]. На западе Сибири в борьбе “на поясах” борцы повязывали пояс на талии и “через одно плечо” [205. С.53].

е) Подготовка к состязаниям

И в борьбе, и в кулачном бою практиковалась предварительная подготовка к состязаниям. Так, по данным Б.М.Соколова, в Саратовской губ. кулачные бойцы “долго тренируются, готовятся к бою” [559. С.17]. В Царицыне, по воспоминаниям Н.С.Разина, мастеровые “тренировались после работы прямо на заводе, на площадке с песком” [480. С.42]. Подготовка к большим состязаниям, устраивавшимся на годовых праздниках, состояла в том, что перед тем бойцы и борцы участвовали в небольших соревнованиях и отдельных схватках, которые рассматривались как тренировка. В Витебске, по наблюдениям Н.Я.Никифоровского, летние бои были небольшими и на них бойцы “подвоспитывали... себя к парадным зимним боям” [398. С.136]. В Красноуфимске, – вспоминал маршал Б.М.Шапошников, – перед большими состязаниями борцов на Троицу “неделя борьбы была тренировкой, в ходе которой выявлялись силы и устанавливался порядок очередных состязаний” [642. С.46]. Как сообщает И.А.Шавыкин, на Масленицу в с. Столпцы Спасского у. Рязанской губ. бойцы “до пятницы бились вечерами с участием, главным образом молодежи – вроде как бы подготовка и проба сил была, а уж с пятницы... участвовали все боевые силы” [733. Л.4]. В Белозерском у. на праздниках в первые дни “происходит преддрачие”, а затем настоящие кулачные бои [699. Л.17].

Основательнее готовились знаменитые бойцы, которых нанимали купцы и выставляли против других знаменитостей, заключая при этом большие пари. Кроме участия в пробных боях, к намеченной уже схватке бойца начинали готовить за два дня. Его “водили в баню и там “разминали силу”, то есть делали массаж. Затем следовало “обильное

угощение с водкой”. Далее считалось необходимым воздерживаться от пищи до следующего дня. Лишь за два часа до боя “давали немного закусить” и выводили на поединок [251. №1].

Тщательно тренировались и борцы-профессионалы. Для развития силы много занимались поднятием тяжестей [197. С.138; 480. С.12], а также выполняли упражнения для выработки гибкости [480. С.87]. Большое внимание уделяли отработке приемов борьбы, для чего нанимали начинающих борцов [197. С.22; 480. С.49]. Устроители состязаний требовали от борцов соблюдать режим и не употреблять спиртное [197. С.22]. Элементы тренировки – отработка приемов, массаж, холодный душ – описаны А.И.Куприным, хорошо знавшим мир профессиональных атлетов, в рассказе “В цирке” [297. С.153-154].

ж) Заговоры на победу в борьбе и кулачных боях

Один из элементов подготовки к состязаниям, сохранявшийся в XIX – начале XX в. в виде реликта, нуждается, на наш взгляд, в отдельном рассмотрении. Речь идет о традиционных заговорах, обнаруженным нами только у русских и имевших цель магически повлиять на результат состязаний в борьбе и кулачном бою. Самый ранний из известных нам таких заговоров находится в составе Актов Олонецкой воеводской избы и датируется первой половиной XVII в. [534. С.271]. Известны тексты, имевшие хождение в XVIII и XIX в. [71. С.148; 586. С.384]. Формулы заговоров весьма разнообразны, что показывают два фрагмента:

а) “Стану я раб божий, благославясь, пойду перекрестясь из избы в двери, из ворот в ворота, в чисто поле на восток... к Окиян-морю, и на том светлом Окияне-море стоит стар матер муж, и... сырой дуб крепковастый, и рубит тот старый матер муж своим булатным топором сырой дуб, и как с того сырого дуба шепка летит также бы от мене (имя рек) валился на сыру землю борец добрый молодец по всякий день и по всякий час. И тем замок моим словам: ключ в море, замок в небе, отныне и до века. Аминь, аминь, аминь” (XVIII в. Саратовская губ. Раскольничья рукопись) [331. С.558];

б) “Заговор на кулачный бой. Рука сильного, твоей рукой соержан, а своей рукой владать” (XIX в. Тульская губ.) [331. С.558].

Синкретический характер содержания и, по-видимому, дохристианское происхождение заговоров видны из приведенных текстов. На их глубокую архаичность указывает и то, что в ряде мест еще в конце XIX в. такие заговоры бытовали вместе с сопровождавшими их ритуально-магическими действиями. Так, по сообщению Нижегородских губ. вед., среди старообрядцев с. Ачки Сергачского у. “чтобы иметь успех в бою и остаться невредимыми, бойцы прибегают к неле-

пым заговорах” [388. С.2]. Другая газета приводит формулу заговора и описание ритуала, совершаемого перед боем: “Да померкнет свет у противника. Как мертвый в гробе лежит: сам недвижим – устами не говорит, так и у того человека уста кровию запеклись, руки бы не поднимались; да померкнет свет в очах его, и казался бы я ему раб божий (имя рек) на три сажени”. Заговор сначала наговаривается на голые кулаки 12 раз, а потом на голицы тоже 12 раз. Потом наговаривающий умывается снегом или росой, смотря по времени года и, подпоясываясь суровой ниткой, говорит: “Я раб божий (имя рек) суровой ниткой подпоясываюсь, морским узлом завязываюсь”. Далее сообщается, что существуют отдельные заговоры для боев “стенка на стенку” и “один на один” [373. С.1]. Интересен “заговор на кулачный бой (с обрядом)” из Олонецкой губ., который записан тайнописью [567. С.505]. Само бытование таких заговоров (в других народных играх они неизвестны) указывает, по-видимому, на особое место изучаемого явления среди традиционных состязаний мужчин.

з) Противоборствующие стороны и деление на партии

Формирование партий, соперничавших в состязаниях, происходило по признакам, отражавшим исторически сложившееся деление на устойчивые группы населения. Так, могли соревноваться жители территориально обособленных районов: двух половин деревни (села), деревни с деревней, села с селом и т.п. Порою несколько деревень объединялись против другой группы деревень [147. С.4; 205. С.53; 386; 694. Л.26; 586. С.382]. У русских бои устраивались между соседними волостями [687. Л.19; 386; 586. С.382] и даже между уездами [147. С.4; 510. С.107; 616. №5. С.15]. В городах состязались соседние улицы, кварталы, слободы. Если в сельской местности территориальный принцип деления на партии выступал, как правило, в чистом виде, то в городах сюда примешивались и другие мотивы: профессиональные, сословные, этнические. Так, в Переяславле (Полтавская губ.) бои устраивались между Заильтицею и Спасчиной, где на стороне спасчан дрались семинаристы, “а заильтяне сплошь состояли из “чимбарей” или кожевников” [580. С.638]. В Витебске на Двине в боях между Песковатиком и Ильинщиной с одной стороны билась “вся кожемятчина”, а с другой – канатчики и горшечники [398. С.129]. В Москве купечество Швивой горки в середине XIX в. выставяло “стенку” против фабричных Комиссариатки – района, лежавшего на другом берегу Москвы-реки [251. №2-3]. Часто город состязался с пригородными слободами [32. С.4; 139. С.37; 425. С.7; 497. С.3; 509. С.274; 547. С.146] или с окрестными деревнями [39. С.954; 363. №5; 371. С.9; 377. С.29; 385. С.80]. Здесь территориальное разделение сочеталось в

профессиональными и сословными мотивами. Порою деление по профессиям просматривается очень четко, например, когда состязались рабочие двух заводов или фабрик. Бывало, что боролись непосредственно представители двух профессий: в Казани – суконщики и мыловары [155. С.350], в Нижнем Новгороде – алафузовские рабочие и матросы-речники [137. С.82]. Такие свидетельства нередки [27. С.276; 184. С.32; 236. С.14; 336. С.299; 450. С.416; 733. Л.2]. Многочисленные сообщения и о состязаниях, где соперниками выступали представители различных сословных групп: мещане против купцов, ремесленники против семинаристов, мещане против крестьян и т.п. [24. С.105; 39. С.954; 114. С.225; 149. С.44; 216; 299. С.117; 302. С.61; 313. С.436; 455. С.122; 629. С.11; 659. С.397].

Деление на партии по этническому признаку характерно для неоднородных в этническом отношении районов. Так, в Казани [15. С.167; 641. С.49] и Москве [63. С.6] представители соседних улиц, населенных русскими и татарами, состязались между собой. Есть сообщения о боях русских с караимами в Херсоне [63. С.6] и с мордвой в Саратовской губ. [559. С.17]. В Нижнем Тагиле на “кулачки” выходили представители “хохлацкой” части и “кержаки” [73. С.69]. Есть и другие подобные известия [436. С.2; 510. С.107; 629. С.11]. Важно отметить, что по сообщениям современников [398. С.135; 363. №2; 616. №6. С.12] и данным исследователей [284. С.164; 299. С.117], повседневные отношения между участниками таких состязаний не носили, как правило, враждебного характера. Нередко в одной партии выступали вместе представители разных народов. Так, в Москве известный “силач” татарин Кара-Малай (Н.Н.Алимов) водил в бой “стенку” русских [139. С.133-134]. В Витебске в одной “стенке” шли в бой белорусы, русские и евреи – жители Песковатика [264. №6]. А.М.Горьким и К.С.Петровым-Водкиным описаны бои, в которых “силачи”-мордвины выступали в одной “стенке” с русскими [134. С.441-444; 429. С.54]. В подобных случаях территориальный принцип деления превалировал над этническим.

Таким образом, стороны делились для состязаний по территориальным, профессиональным, сословным, конфессиональным, этническим признакам, причем большей частью они тесно переплетались, выступая в виде территориально-профессиональных, сословно-профессиональных, территориально-этнических, территориально-сословных и т.п. Такое деление на партии имеет, по-видимому, очень древнее происхождение. Вызывает интерес здесь суждение Ф.Энгельса о подобных состязаниях у ирландцев. “Ирландские крестьяне, – пишет он, – часто делятся на партии, которые основываются на различиях, по видимости, совершенно бессмысленных или нелепых и для англичан

совершенно непонятных; эти партии не преследуют иной цели, кроме излюбленных торжественных потасовок, устраиваемых ими друг другу. Это искусственное возрождение, позднейшая замена уничтоженных родов, своеобразно свидетельствующая о живучести унаследованного родового инстинкта [6. С.132-133]. Существует мнение, что по родовому принципу комплектовали вооруженные отряды в период разложения родовой общины и славяне [479. С.37]. В этом плане примечательны сообщения о том, что у восточных славян в XIX в. нередко на кулачные бои выходили целыми семьями, от детей до стариков [30. С.2; 121; 184. С.32; 398. С.133-134]. По данным исследователей, у народов, стоявших на низких ступенях общественного развития, подобные состязания устраивались, как правило, между фратриями племен [206. С.145, 146; 451. С.156]. Все это дает основание видеть в рассмотренном делении на партии (но не в природе самих состязаний, как считает ряд авторов [583. С.47; 593. С.83; 596. С.283-284]) трансформированный реликт дуально-родовой организации древних славянских общин.

и) Места для состязаний

Местом для состязаний обычно служила любая открытая площадка достаточных, смотря по числу участников и зрителей, размеров – улица, площадь, перекресток, пустырь, овраг, поле, ледяной покров водоема и т.п. Количественный анализ имеющихся у нас материалов показывает, что для этих целей чаще всего (около 66%) выбирались места, одновременно служившие естественной границей между районами, обитатели которых вступали в противоборство. Второе место (около 19%) здесь занимали городские и сельские площади и рынки. Они, как правило, являлись центрами общественной жизни и, в то же время, нередко были границами между частями населенных пунктов. Среди такого рода рубежей вызывают интерес мосты через реки и овраги. Широко известно, что кулачные бои в средневековом Новгороде нередко устраивались на Волховом мосту [550. С.369]. В начале XVII в. в Москве борцы и бойцы состязались “у Фроловского моста” [189. С.617]. Удалось установить, что в XIX в. во многих районах России бои также устраивались на мостах [715. Л.26-27; 115. С.84; 275. С.225; 385. С.81; 525. С.55; 559. С.18; 733. Л.4] и, следовательно, это не является лишь новгородской традицией.

Привлекает внимание то, что наряду с другими местами сакрального характера (перекрестки, овраги, мосты), довольно часто (около 10%) в XIX – начале XX в. места для “кулачек” находились непосредственно возле кладбищ. Так, Д.А.Покровский сообщает, что в Москве бои устраивались “против ворот и стены знаменитого... Пре-

ображенского кладбища” [441. С.156]. А.М.Горький вспоминал, что в Нижнем Новгороде бои бывали “за Петропавловским кладбищем” [132. С.493]. По свидетельству В.В.Селиванова, “за кладбищем” проходили “кулачки” в Старом Осколе [509. С.274]. Имеются и другие известия такого рода [97. С.140; 192. С.498; 336. С.347; 573; 694. Л.28; 616. №5. С.14]. Обратим в этой связи внимание на то, что в Псковской и Тверской губ. кладбища именовались “буями” [465. С.203; 553. С.27-28], что является омонимом названия кулачного боя. Эти данные хорошо согласуются с точкой зрения, согласно которой борьба и кулачные бои трактуются как пережиток славянской тризны [204. С.109; 462. С.124; 562. С.15].

В VI – XI в. у восточнославянских племен, по данным исследователей, бытовал курганный обряд погребения, пережитки которого сохранялись до XIII в. [500. С.87,102-110]. Б.А.Рыбаковым исследован погребальный курган X в. “Черная могила” в Чернигове. Здесь доспехи умершего воина возлагались на вершину насыпи и затем товарищи покойника состязались в боевых играх [501. С.275]. В этой связи вызывает интерес то, что среди традиционных мест для кулачных боев были холмы и небольшие горки. Их удельный вес, согласно нашим подсчетам, немного превышает 4%. Так, бойцы с. Снетина (Лубенский у.) “былись на гори над Сулою” [367. С.13]. В сообщении из Суздальского у. говорится, что на Масленицу “кулачки” устраиваются там на горе. Одна партия занимает вершину, а другая старается выбить противника оттуда [32. №7. С.5-6]. В Витебске на боях одна сторона также традиционно сбивала противника с горы [50. С.2-3; 363. №5]. В белорусских кулачных боях, по данным П.А.Бессонова, надо “гнать в гору, не под гору” [55. С.127]. В Саратове состязания тоже проходили “на горах” [24. С.104]. Есть и другие подобные сообщения [692. Л.24; 555. С.18]. Приведенные материалы говорят, на наш взгляд, в пользу того, что исследуемые игры входили в состав древнего обряда погребения у славян.

Интересен вопрос об изменении положения мест для состязаний в городах в течение XIX в. В XVIII в. и ранее кулачные бои и борьба могли устраиваться и в центре, и на окраинах городов. Так, в Москве до самого конца XVIII в. состязались на льду реки Неглинки около западной стены Кремля [472. С.8]. Много таких мест было в Каменном (Китай-город – Б.Г.), Белом и Земляном городе [305. С.107]. В Петербурге в это время “кулачки”, наряду с окраинами, проходили даже возле Зимнего дворца [305. С.107]. В первой половине XIX в. состязания постепенно перемещаются на окраины городов. В конце XIX в. лишь в уездных и заштатных городах бои порою могли происходить в центре. Немалое влияние на этот процесс оказало официальное за-

прещение кулачных боев на территории всей Российской империи в 1832 г. [447. Ст.180]. и быстрый рост населения рабочих окраин.

к) Сильнейшие бойцы и борцы

Состязательный характер и широкое бытование исследуемых игр обуславливали выдвижение сильнейших бойцов и борцов на разных уровнях – в деревнях, селах, на фабриках, заводах, в слободах, рабочих кварталах, волостях, городах, уездах. Так, в начале XIX в. самым сильным бойцом и борцом с. Снетина и округи (Лубенский у.) был Грицько Шквыря [367. С.13]. На заводе Гужона в Москве в 60-х г. XIX в. на боях славился мастеровой Васька Гвоздь [424. С.34]. В это же время в Ягодинской волости Княгининского у. “силачами” признавались Михаил Бальтйяй, Жерихов, Горлышев, а в соседней Шершовской волости – Лучкин [586. С.371]. Первым казанским кулачником в начале XIX в. был “известный боец Никита” [16. С.168], после него – “суконщик Панков” [436. С.3], а позднее слава перешла в банщикам Меркулову и Жукову [641. С.50]. В середине XIX в. лучшим бойцом Харькова являлся кузнец Титько [237. С.122]. В начале XX в. самым сильным борцом Воронежской губ. признавался кузнец Проня, Псковской – крестьянин Бурый, Архангельской – грузчик Иван Лобанов по прозвищу “Лелший” [405. С.48]. Сильные бойцы и борцы пользовались у себя в округе большим почетом, победы их являлись предметом гордости земляков [688. Л.18; 140. С.103; 205. С.54; 219. С.359; 222. С.152; 291. С.65; 299. С.117; 329. С.142]. Бывало, что за населением целых деревень и сел закреплялась репутация хороших борцов и бойцов. Так, в 60-х г. XIX в. д. Новая Андроновка Московского у. “славилась удалыми молодцами и кулачными бойцами” [59. С.119], лучшим из которых был крестьянин Дмитрий Большой [59. С.125]. Согласно другому сообщению, в Холмогорском у. “особенно славилось охотниками до борьбы село Емецкое” [140. С.103]. Г.И.Фомин отмечает, что “оськинские (д. Оськино Воронежского у. – Б.Г.) кулачники славятся” [616. №5. С.15]. Можно вспомнить здесь и характеристику, данную А.С.Пушкиным жителям села Горюхина, которых признавали лучшими “в околке” кулачными бойцами [471. С.125]. Известность отдельных “силачей” нередко выходила далеко за пределы округи. На Юге России в конце XIX – начале XX в. самым сильным борцом был ростовский крючник Фаддей Михайлов [308. С.26; 411], а несколько ранее – Семен Ручкин из Воронежа [497]. В Сибири в это время гремело имя борца Сергея Елисеева [565]. В середине XIX в. в Среднем Поволжье на боях славился крючник Фома Бирюков, а в Москве – Федор Киреев [251. №1]. В Петербурге конца XIX в. сильнейшим борцом был мясник с Лиговского рынка А.Ф.Трусов [666. С.5].

Некоторые богатыри имели всероссийскую известность, как, например, кулачные бойцы Алеша Родимый, Тереша Кункин, Никита Долговяз [63. С.6].

Уже в первой половине XIX в. устраивались состязания с участием иностранных силачей. Так, “Северная Пчела” поместила объявление о том, что “22 мая 1837 года должна состояться в зале Косиковского (у Полицейского моста, где помещается Благородное собрание) борьба силача И.Дюпюи с Марком Ивановым из окрестностей Москвы” [545]. Другой номер газеты сообщает, что И.Дюпюи – атлет-профессионал “родом из Южной Франции” [546]. По данным А.И.Терещенко, в Москве меценаты “сводили” кулачных бойцов “с боксерами” [585. Ч.4. С.82]. Позднее, в начале XX в. всемирную известность в состязаниях с иностранными атлетами завоевал выходец из крестьян села Красеновки Золотоношского у., бывший портовый грузчик Иван Поддубный [434; 493. С.421].

Выдающиеся бойцы и борцы отличались искусством ведения рукопашного противоборства. Они, по свидетельству Д.А.Покровского, смотрели на состязания “не как на забаву, а как на дело, к которому они предназначены самой судьбой, как артист смотрит на подмостки, и к этому делу относились с суровой, добросовестной педантичностью” [441. С.157]. А.А.Блок отмечал, что “среди борцов были истинные художники” [57. С.296].

Атлеты нередко становились объектами творчества писателей, поэтов, художников, скульпторов. Так, М.Г.Крылов изваял скульптуру “Русский кулачный боец” (1837 г. Государственный Русский музей), изображающую русского крестьянина в виде античного атлета [492. №121]. А.И.Куприн в рассказе “В цирке” вывел типичный образ борца-профессионала из народа [297]. Известный народный борец конца XIX в. П.И.Ступин изображен Б.М.Кустодиевым на картине “Масленица” [310. С.105]. А.Е.Измайлов в одной из басен нарисовал образ героя кулачных баталий начала XIX в. московского “силача” Семена Трещалы [214]. Г.И.Мотовилов создал скульптурный портрет известного бойца начала XX в. Алексея Анкудинова [276. С.76]. О сильнейших борцах и бойцах народ издавна складывал предания и легенды [283; 299. С.117; 723. Л.1-2; 508. С.66,67,70,75-80,179; 550. С.369; 559. С.17; 641. С.50]. Напомним также, что былинные герои – Илья Муромец, Добрыня Никитич, Василий Буслаев и другие – изображены как искусные борцы и кулачные бойцы.

д) Призы и заклады

Победители состязаний обычно получали призы, сведения о чем имеются со времен средневековья. Так, С.Герберштейн сообщает, что

победителям в кулачных боях назначают награды [113. С.271]. По данным Н.И.Костомарова, лучшие бойцы “получали награды и выигрывали заклады” [270. С.202-203]. В деревнях, селах, слободах, рабочих кварталах в качестве призов давали деньги, угощение. В описании В.Милорадовичем состязаний борцов двух сел “Шквыря як поборов, получыв 25 рублив” [367. С.13]. На Украине, по данным О.В.Курочкина, бытовал обычай, по которому победители снимали церковный колокол в селе, проигравшем в кулачном бою. Притом побежденная сторона должна была выкупить его [299. С.117]. В других сообщениях говорится, что после боя “стенками” проигравшие устраивали угощение [32. С.6; 748; 267; 299. С.117; 380. С.58; 765]. В качестве приза вручали и одежду. Н.Г.Помяловский описывает обычай, по которому наградой победителю служили шапки побежденных [450. С.429]. Интересно, что у моравских словаков победитель в борьбе и кулачном бою получал “косирек” – перо со шляпы соперника, символизировавшее принадлежность к неженатой молодежи [58. С.329]. В этом плане привлекают внимание фрагменты былин, сообщающие о подобных призах. В былине “Василий Буслаевич” мужики новгородские говорят, вступая в кулачный бой с дружиной Васьки, что в случае победы:

“Мы не возьмем дороги подарочки...

Повладеем платьями цветными” [402. С.46].

В исторической песне о Кострюке царь вопрошает:

“Кто б Матрюка поборол,

Царскова шурина,

Платья бы с плеч снял

Да нагова с круга спустил,

А нагова, как мать родила...” [175. С.30].

Возможно, как считал И.В.Беляев [53. С.63], в средневековье бытовал обычай унижить побежденного, взяв в качестве награды его одежду. Но, быть может, в фольклоре нашло отражение то, что в ходе ожесточенного боя, борьбы, одежда нередко приходила в негодность. Сошлемся на ряд свидетельств. В Краснослободском у. “многие бойцы уходят с поля битвы почти нагими: и сорочки, и порты на них разодраны в клочья” [335. С.287]. В Гуслицах бойцы оканчивают состязания “в костюме праотца Адама” [147. С.4]. Во Владимирском у. “иногда из боя выбегают совершенно нагие” [121]. В Тюмени уходили с “кулачек” “в растерзанной” одежде [372. С.34].

В состязаниях “один на один” противники могли ставить заклады каждый за себя [41. С.79; 306. С.326; 577. С.33]. Угощение и деньги давали и зрители, поддерживавшие свою сторону, любимых бойцов и борцов [39. С.956; 50. С.2; 116. С.25; 150; 200; 267; 368; 382. С.265;

599. С.33]. Некоторые из них заключали пари, заклады [63. С.6; 251. №1; 305. С.105; 382. С.265; 444. С.212; 450. С.417]. Бывало, что богатые купцы платили известным бойцам значительные суммы. Так, упоминавшийся выше С.Ручкин вспоминал, что ростовский фабрикант Новосельцев платил ему “за каждый бой по радужной”, и, кроме того, если он проламывал “стенку”, “завсегда получал беленькую” [497. С.3]. Подобные сообщения нередки [97. С.139; 115. С.84; 148; 150; 177. С.25; 436. С.3; 584. С.5]. Купцы и фабриканты – любители борьбы и кулачных боев – разыскивали способных молодых атлетов, брали их на содержание, выставляя на состязания за свою сторону, а также возили в другие города, где сводили их с местными знаменитостями [27. С.277; 41. С.74; 51. С.8; 63. С.6; 150; 305. С.105-106; 458]. Характерно здесь сообщение И.А.Волкова о том, что “ивановские фабриканты нарочно держали на своих фабриках специалистов-драчунов, которым платилось особо высокое жалованье и которые, выступая на “буях”, должны были поддерживать не только свою честь, но и честь фабрики” [97. С.139].

Возможность получать значительное материальное вознаграждение была одной из причин появления еще в средневековые категории людей, добывавших средства к существованию показом своего искусства в борьбе и кулачном бою на базарах, ярмарках и народных праздниках. Напомним эпизод песни о Кострюке:

“В то время не случилось в Москве борцов:

Разъезжались по торгам, по ярмаркам” [558. С.64].

Сходный мотив мы нашли в украинской “Думе о вдове и трех сыновьях” [199. С.20], где три брата

“...на рынок Криливський гулять поижждали.

По ринку Криливському проижждали.

Ни доброго, ни худого не видали;

(Не нашли, видно, с ким ни битьця, ни боротьця)”.

Полагают, что первыми атлетами-профессионалами были скорморохи [392. С.219]. В “Описании Русского государства” Юрия Крижанича (XVII в.) есть перечисление “дурных сословий”, среди которых названы “борцы” [649. С.48]. Ф.В.Берхгольц отмечал в дневнике, что знаменитые кулачные бойцы показывали свое искусство “за деньги или из тщеславия” [46. С.239]. В маскарade “Торжествующая Минерва” в Москве (1763 г.), проводившемся по сценарию Ф.Г.Волкова, выступали “борцы” и “бойцы” [98. С.25]. В конце XVIII в., по свидетельству Н.И.Толубеева, на ярмарках в Орловской губ. устраивались состязания борцов, отличавшихся “силою и искусством в борьбе” [600. С.10,11].

Известный борец-профессионал начала XX в. И.М.Заикин вспоминал, что его отец был сильным кулачным бойцом и “скитался по ярмаркам, показывая свою силу” [197. С.131]. В одном из рассказов украинский писатель Ю.И.Яновский вывел своего деда, который “любив боротися по ярмарках” [669. С.264]. О состязаниях кулачных бойцов на базарах и ярмарках сообщают информаторы Этнографического бюро В.Н.Тенишева [689. Л.41; 712. Л.5-6].

В XIX – начале XX в. выступления борцов-профессионалов были широко распространены [167. С.233,356-358; 290. С.322-333]. Они выдвигались из грузчиков, молотобойцев и других профессий, требовавших незаурядной физической силы. Их борьба была очень популярна у демократического зрителя. Борцы же, выступая, старались создать на аренах цирков и балаганов образы былинных богатырей [166. С.235] – боролись в народной одежде, брали псевдонимы Муромец, Добрыня, Святогор, вызывали на состязание желающих из публики. Борцы получали гонорары за выступления и призы за победы. По сообщению одной из газет, директора цирков предлагали известным борцам “такие крупные куши, какие считались баснословными даже для итальянских оперных соловьев” [89]. Поэтому карьера профессионала привлекала физически одаренную молодежь из народа. Нередко выступления в качестве борца были своего рода отхожим промыслом. Так, по сообщению современника, “селянин Іван Білоус з Полтавщини” с весны до осени “пропався на своєму клаптику землі, а на зиму подавався до цирку – боротися, заробляти гроші, щоб придбати землі” и “таких силачів було нимало” [343].

2. Типология народных видов спортивной борьбы

Этнографический материал, рассмотренный выше, позволяет, как представляется, осуществить типологизацию традиционных рукопашных состязаний. Из предыдущего видно, что в быту и народной речи различие между отдельными типами и видами рукопашного противоборства без оружия закрепилось в их традиционных названиях. В основу научной типологизации может быть положен, на наш взгляд, сравнительный анализ традиционных правил состязаний, поскольку именно они определяют содержание, структуру и взаимосвязь отдельных элементов исследуемых игр. Известно, что “структурное изучение и сравнение обычаев позволяет установить сходство и различие, специфику явлений, т.е. типологию обычаев” [250. С.77]. Действительно, все правила однозначно определяют цель состязания – в непосредственном противоборстве без оружия (один на один или партия на пар-

тию) победить соперника. Характер же и круг разрешенных при этом приемов строго определен для каждого случая: в кулачных боях – только удары кулаками, в борьбе – только захваты тела и одежды противника. Выявив таким образом сходство и различие двух типов состязаний, мы тем самым осуществили типологизацию первого уровня. В процессе характеристики различных видов состязаний в предыдущем разделе мы, опираясь первоначально только на их народные названия, последовательно проводили сравнительный анализ традиционных правил, что позволило, в пределах имеющегося этнографического материала, выявить различие и сходство между отдельными видами изучаемых игр и, таким образом, осуществить типологизацию второго уровня. Она показала практически полную идентичность результатов, полученных эмпирическим и аналитическим путями и, следовательно, обоснованность нашего подхода к вопросу. В итоге у русских выявлено четыре вида борьбы и четыре вида кулачного боя, у украинцев и белорусов – по три вида борьбы и по два вида боя.

Традиционные правила состязаний нередко содержат положения, существенно расширяющие или сужающие круг приемов, которые могут быть использованы в конкретном виде борьбы или боя (например, допускаемая “смотря по условию” подножка), что, по нашему мнению, дает основание рассматривать “расширенный” и “суженный” варианты как разновидности. Учитывая это, мы наметили разновидности в отдельных видах борьбы и кулачного боя у русских, украинцев и белорусов. Такие разновидности различались и в народном быту, однако не имели, как правило, особых названий (за исключением кулачного боя “на одну руку”). Результаты типологизации представлены на схемах рис. 5,6,7.

Необходимо отметить, что бытовали и такие положения народных правил, которые лишь несущественно изменяли круг приемов, используемых в том или ином виде состязаний. Особенности игр, обусловленные этим, мы квалифицируем как локальные варианты. Число их очень велико и мы приведем только некоторые из таковых. Так, в одном из районов Воронежа в 80-е г. XIX в. в кулачных боях разрешалось “бить только по туловищу, преимущественно “в подмышки”, в грудь и в бока “под девятое ребро”, но не в “лицо” (лицо)” [425. С.7]. Такое же правило бытовало в начале XIX в. в Арзамасе [385. С.80] и, судя по описаниям Н.С.Лескова и Н.Е.Каронина-Петропавловского, в Орле [318. С.114] и ряде уездов Симбирской губ. В последнем случае об этом должно было быть условлено перед боем [239. С.214]. Условие “не бить по рывам” бытовало, по описанию С.Г.Скитальца, в некоторых местах Самарской губ. [522. С.84]. Не ударять “пы мырдасых” было принято в сельских районах Витебской

Белоруссии [393. С.63]. “Ударов по лицу избегать” ставили условием в Томске [416. С.215]. В с. Прохоры Борзненского у. Черниговской губ. также “бьются не в обличье” [253. С.128]. Это было обычным и в боях семинаристов [39. С.955; 391. С.124]. В Москве, Нижегородской губ., в ряде мест центральной России разрешались удары головой в грудь соперника [136. С.249; 251. №2-3; 356. С.568; 624. С.200]. В Витебске могли, по предварительному уговору, биться не кулаками, а ладонями [398. С.129-130,135]. В Казани, Москве, центральной России, Орловском у., на Украине запрещалось бить не только лежащего, но и того, кто присел – “сядуку” [41. С.62-63; 702. Л.9; 299. С.117; 525. С.55; 624. С.200; 641. С.50]. В Тамбове и уезде бытовало правило “не замораживать рукавицы” [149. С.44]. В ряде мест было принято в “стенке” иметь по равному количеству бойцов с каждой стороны [114. С.227; 253. С.128; 267; 443. С.324].

Надо сказать, что само по себе бытование нескольких видов, разновидностей и локальных особенностей таких игр не является чем-то необычным. Так, у армян было несколько видов и разновидностей борьбы [774. С.15]; у грузин – два вида, несколько разновидностей борьбы [660. С.82; 661. С.3] и кулачный бой [142]; у осетин – два вида борьбы и кулачный бой [106. С.12,44]; у англичан – четыре вида борьбы [246. С.16-21; 682. р.34-38] и кулачный бой; у шведов – три [680. р.191-192], у болгар [80. С.465], литовцев [679. S.71-72], молдаван [491], узбеков [609. С.191-192] – по два вида борьбы. Есть и другие подобные примеры. Сказанное дает основание заключить, что в этом плане эволюция традиционных рукопашных состязаний у восточных славян шла в русле, обычном для развития подобных элементов народной культуры многих этносов.

В чем же причина выявленного многообразия? На наш взгляд, они кроются в особенностях исторического развития восточнославянской этнической общности на огромной территории в условиях постоянной военной опасности. По-видимому, значительную роль здесь сыграло и длительное сохранение традиционного уклада, а также существование пережитков феодальной замкнутости. Известно, что последний фактор способствует консервации в отдельных местах особых черт традиционной культуры [300. С.5].

3. Ареалы выявленных типов и видов традиционных рукопашных состязаний

Как видно из таблицы 1 и карт-схем рис. 1,2, в XIX – начале XX в. традиционные рукопашные состязания были распространены на

обширных территориях. Кулачный бой в той или иной мере был известен практически во всех губерниях с восточнославянским населением, за исключением западных уездов Белоруссии. По крайней мере при весьма тщательном разыскании нам не удалось найти сведений о его бытовании там в это время.

Широкое распространение этой народной игры говорит, по-видимому, о том, что общий для всех восточных славян обычай устраивать такие традиционные мужские состязания в значительной степени сохранял в XIX – начале XX в. свой социальный статус, удовлетворял определенным общественным потребностям.

Более других был известен бой “стенка на стенку”. Параллельно с ним обычно бытовал и бой “один на один”. Там, где имеются сведения только о последнем, игра “стенка на стенку”, как правило, существовала в недавнем прошлом и это, как представляется, указывает на один из путей трансформации изучаемого явления.

Ареал боя “раз за раз” – Среднее и Нижнее Поволжье, Средний и Южный Урал, Южная Сибирь, что, возможно, говорит в пользу заимствования этой игры славянами у тюркских народов.

Свидетельства о “сцепляке-свалке” в XIX – начале XX в. весьма редки. Мы имеем о ней лишь единичные известия из Царицына [480. С.8], Казани [436. С.3], Моршанского у. [759], Яренского у. [694. Л.26-28] и некоторых других мест. Можно предположить, что игра эта имеет очень древнее происхождение и ведет свое начало из эпохи, когда строй еще не был известен славянам и, в случае столкновения, группы мужчин нападали друг на друга “свалкой”, не соблюдая построения. Позднее, с развитием военного дела, сформировалась игра “стенка на стенку”, а общественная роль “сцепляки” постепенно снижалась и в XIX в. этот вид кулачного боя встречается лишь как пережиток.

Различные виды другого рукопашного состязания – борьбы – также были широко распространены. На Северо-Востоке России более других были известны борьба “в схватку” и “не в схватку”, очень редки здесь свидетельства о борьбе “на поясах” и совсем нет сведений о борьбе “в одноручку”. Напротив, на Севере России последняя бытовала более других. Виды “в схватку” и “не в схватку” здесь также известны довольно широко, но менее, чем “на одну руку”. На Северо-Западе России доминировала борьба “не в схватку”. В Петербурге и Москве, по-видимому, в силу их столичного положения, бытовали, хотя и в разной мере, все виды борьбы. В нечерноземном центре широкое распространение имела борьба “в схватку” и “не в схватку”, несколько менее – “в одноручку” и еще меньше – “на поясах”. В черноземном же центре преобладание последней весьма заметно. Борьба

“на поясах” доминирует на Юге России вплоть до Кавказа, в Поволжье – от Нижнего Новгорода до Астрахани, на Южном Урале и на Юге Украины. В северной части Украины виды “на вхрест” и “на пояски” имели примерно одинаковое распространение, несколько менее здесь была распространена борьба “на руки”, на западе же этого региона она доминировала. На Западе и Юго-Западе России, на Востоке Белоруссии больше всего сведений о видах борьбы “не в схватку” (“да крыжа”) и “в схватку” (“на крыжы”). На Юго-Западе России широко бытовала и борьба “в одноручку”. В Западной Белоруссии одинаково популярны были виды борьбы “да крыжа” и “у абхват”. В Западной Сибири резко преобладала “поясная” борьба, на востоке же этого региона широко известны были виды “в схватку”, “на одну руку” и несколько менее – борьба “не в схватку”. Наглядное представление об ареалах отдельных видов борьбы и кулачного боя дает составленная нами карта-схема рис. 8.

Выявленный характер географического распространения различных видов рукопашных состязаний сложился, как представляется, в результате длительного освоения разными группами восточных славян огромной территории. Здесь привлекает внимание то, что обширнейший регион, где более других была известна борьба “на поясах” – Юг Украины и России, Среднее и Нижнее Поволжье, Южный Урал, Западная Сибирь – примыкают к областям с тюркоязычным населением. В то же время на северо-западе, севере и северо-востоке Европейской России, где этнографами зафиксировано длительное сохранение архаичных элементов народной культуры, устойчиво бытовали традиционные виды борьбы “в схватку”, “не в схватку”, “в одноручку”, а “поясная” борьба практически неизвестна. Почти неизвестна она на западе восточнославянской ойкумены. Центральные части России и Украины занимают в этом отношении промежуточное положение. Наряду с бытованием традиционных восточнославянских видов борьбы, здесь наблюдается постепенное убывание (с юга на север) степени распространенности борьбы “на поясах”. Все это является веским аргументом в пользу нашей гипотезы о заимствовании “поясной” борьбы славянами у тюркских народов.

4. Состав участников соревнований

Не нуждается в специальном доказательстве, что “кулачки” и борьба были играми простонародья. Тем больший интерес вызывают свидетельства об участии в таких состязаниях представителей привилегированных сословий, чиновников и купечества. Еще в Послании

митрополита Ионы к новгородцам (середина XV в.) говорится, что “бои замышляют... не токмо от простых людей, но и от честных от великих людей” [17. С.89]. В другом акте сообщается, что в “сибирских городех и уездех” бои устраивают “мирские всяких чинов люди” (1649 г.) [18. С.124-126]. В дневнике Ф.В.Берхгольца говорится, что в Петербурге “много знатных людей... сами принимают участие в кулачных боях” [46. С.228]. Известно, что мастерами в таких состязаниях были братья А.Г. и Г.Г.Орловы, граф Ф.В.Ростопчин [305. С.112]. “Дворянское сословие”, по данным М.И.Пыляева, еще в XVIII в. нередко участвовало в “кулачках” [472. С.8]. Но в XIX в. свидетельства об этом довольно редки, особенно во второй половине столетия. Еще в конце XVIII в. тенденцию к этому увидел современник, отметивший, что “борьба – упражнение, которое еще часто можно наблюдать в России, но... как и в других странах, она, несмотря на свои отличные качества, спустилась в более низкие слои народа” [681. С.402]. В то же время число сообщений об участии в состязаниях купечества [51. С.8; 130; 177. С.24; 305. С.103; 346; 444. С.212; 455. С.122; 484. С.221; 509. С.274] и мелких чиновников [39. С.954,955; 200; 254; 732. Л.2] остается значительным, что говорит о тесной связи этих сословий с народной культурой.

Интересен вопрос об отношении к исследуемому явлению некоторых выдающихся представителей восточнославянских народов. Так, М.В.Ломоносов писал, что он, “будучи лет 14-ти, побарывал и перетягивал 30-летних сильных лопарей” [324. С.334]. По воспоминаниям П.И.Долгорукого, А.С.Пушкин, наблюдая состязания борцов, сказал ему, что “намерен учиться этому искусству” [174. С.62-63]. Из строфы П.А.Вяземского – “и я был, сознаюсь, бойцом кулачным” [105. С.331] – можно предположить его увлечение боями. В юности увлекался борьбой украинский писатель И.Ф.Тимковский [587. С.62]. В дневнике Л.Н.Толстого имеется запись о его упражнениях в молодости борьбой [597. С.34]. В.И.Суриков рассказывал М.А.Волошину, что в бытность в Красноярске он нередко бился “на кулачках” на льду Енисея [99. С.49]. Из воспоминаний А.М.Горького известно о его участии в кулачных боях в Нижнем Новгороде [132. С.493]. В.А.Гиляровский выступал в традиционных состязаниях кулачных бойцов и борцов [115. С.15,49,84]. А.А.Блок сообщает в письме матери: “Меня очень увлекает борьба и всякое укрепление мускулов и эти интересы уже заняли определенное место в моей жизни” [56. С.331]. Борьбой увлекался Г.И.Котовский [407]. В.П.Чкалов вспоминал, что в юности он участвовал в кулачных боях [638. С.7-8]. Нередко бился на “кулачках” художник А.А.Дейнека [159]. “Кулачником” был Емельян Пугачев

[470. С.147]. Один из первых рабочих-революционеров Петр Алексеев был “первый кулачный боец Москвы” [478. С.94].

Важен вопрос об этническом составе участников состязаний. Из предыдущего ясно, что эти игры широко бытовали у русских, украинцев, белорусов. Наши данные позволяют утверждать это не только применительно к основному этническому ядру каждого из этих народов, но и в отношении различных этнографических групп восточных славян, например: казаков донских [506], забайкальских [403. С.175], терских [101. С.275], кубанских [376], оренбургских [766], семиреченских [518. С.130]. Они отмечены у семейских Забайкалья [62. С.108-109,118], кержаков Поволжья [456. С.46] и Урала [339. С.96-102], старообрядцев Алтая [404. С.393] и Белоруссии [363. №5]. Эти игры известны у поморов [626. С.21], однодворцев [702. Л.9], медыньских “карел” [347. С.55], старожилов Сибири [630. С.83], колымчан [60. С.22,92,111], марковцев [178. С.113], усть-цилемцев [326. С.714], гуцулов Карпат [107. С.31] и других.

Следовательно, тезис о широком бытовании традиционных рукопашных состязаний справедлив и по рассмотренным позициям.

5. Общее и особенное в содержании народных видов спортивной борьбы у русских, украинцев, белорусов

Сравнение содержания различных типов и видов традиционных рукопашных состязаний у восточных славян позволяет выявить степень общности этих игр. Выше установлено, что общие правила кулачного боя у русских, украинцев и белорусов практически идентичны. Различия в отдельных видах “кулачек” состоят в деталях, которые вполне можно отнести к локальным особенностям. Так, украинцам и белорусам неизвестно вытеснение “стенки” в бою до трех раз и состязание “один на один” до трех падений. Но и у русских эта черта бытовала далеко не везде. У украинцев не было принято устраивать перерывы в ходе боя “стенками”, что русские и белорусы практиковали довольно широко. Для украинцев не характерны “стенки” с очень большим – свыше тысячи человек – числом бойцов. У них же “задиралы” не участвовали в заключительной фазе боя “стенками”, что, однако, не было широко известно у русских и белорусов. У украинцев и русских бытовал вариант боя “стенками”, где младшие возрастные группы с началом “заправского” боя уходили в сторону от основного поля сражения и бились на новом месте самостоятельно и одновременно со взрослыми, тогда как у белорусов он неизвестен. У

последних не обнаружен вариант “зачина”, когда к поединщикам постепенно присоединялись другие бойцы.

В состязаниях борцов у украинцев весьма ограниченное распространение имела “подножка”. Только белорусам в борьбе “да крыжа” известно обыкновение разводять руки повергнутого на лопатки противника “крестом”. У них же, в отличие от русских и украинцев, не боролись “до трех раз”.

Арсенал приемов в каждом виде борьбы и боя у всех восточных славян примерно одинаков. Очень сходны и традиционные их названия и термины. Среди мест для состязаний у украинцев и белорусов не обнаружены мосты, площадки рядом с кладбищами. У них же неизвестны заговоры на победу в состязаниях.

Определенные существенные отличия выявляются при сравнении отдельных видов состязаний. Нет сведений о бытовании у украинцев и белорусов кулачных боев “раз за раз” и “сцепляки” (за исключением единственного сообщения о последнем у украинцев). Но и у русских эти виды боя имели в XIX – начале XX в. ограниченное распространение. В общую картину не укладывается борьба “в одну руку”, которая широко бытовала у русских и неизвестна украинцам и белорусам.

Как видно, различия большей частью имеют второстепенный характер, тогда как большая близость в правилах, приемах, терминах, сходство основных типов и видов состязаний говорит о примате здесь общего над особенным, базой чего является общность исторических судеб восточных славян, их культур.

Вызывает интерес сопоставление изучаемых игр с аналогичными традиционными состязаниями других народов. Выше показано заимствование славянами у турок “поясной” борьбы. Отмечено и большое сходство двух видов борьбы восточных славян с такими состязаниями у сербов, литовцев (с борьбой “в схватку”) и болгар, сербов, черногорцев, литовцев (с борьбой “не в схватку”). Б.А.Покровский отметил в конце прошлого века, что русская борьба “не в схватку” является типично европейским видом борьбы, хотя и не привел в своей работе сравнительных данных [442. С.137]. Имеющиеся у нас материалы позволяют сделать сопоставления с традиционными видами борьбы ряда европейских народов. Так, северофранцузская борьба [246. С.35-36; 674. S.74-78] и борьба франко-швейцарцев “suisse libre” [246. С.32-33] в той части, где она ведется в положении стоя, сходна с первой разновидностью борьбы “не в схватку”. С ней же имеет сходство корнуэльская борьба “Cornwall style” [246. С.22-25; 682. p.35]. На вторую разновидность ее похожа девонширская борьба “Devon style” [246. С.22-25; 682. p.35]. Английская свободная борьба “Catch hold”,

“Catch as catch” [246. С.27-29], борьба тирольцев [656. С.11-12] сходны с третьей разновидностью борьбы “не в схватку”. Традиционный английский вид борьбы “Cumberland and Westmorland style” подобен борьбе “в схватку”, ее второй разновидности [246. С.16-17; 674. S.65; 682. р.35-36], а финская борьба “Sulipainin” [674. S.135] и один из видов борьбы немцев [656. С.7] – первой разновидности.

По данным В.Г.Даркевича, борьба типа “в обхват” была широко известна в средневековой Европе [157. С.128,293].

Кулачные бои “один на один” с древности бытовали в Египте, у народов Азии и Европы [296. С.39,63,125; 677. S.32,35,54,55,107,226, 281,405] и их содержание формально похоже на бой “в одиночку” у восточных славян.

Коллективные кулачные бои бытовали у ряда народов Европы – англичан [677. S.242], словаков [58. С.329] и Азии – иранцев [634. С.167], грузин [142], узбеков [583. С.49], китайцев [337. С.74], корейцев [160. С.116]. В их описаниях нет сведений о каких-либо построениях бойцов, формально они напоминают первый вариант “сцепляки”. Как представляется, все эти игры являются реликтом того времени, когда указанные народы не знали военного строя. Следует отметить, что кулачные бои у многих азиатских народов допускали удары ногами, что не характерно для европейцев. В целом традиционные рукопашные состязания русских, украинцев, белорусов стоят ближе к подобным элементам народной культуры народов Европы.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛАЧНЫХ БОЕВ И БОРЬБЫ

Народные обычаи имеют, как правило, определенные функциональные назначения, обусловленные традиционным укладом – хозяйственной, общественной и т.п. деятельностью людей [250. С.69]. Со временем возникают новые обычаи, старые же могут отмирать, не находя применения в новых условиях, или удерживаются в виде пережитка. Часто, зародившись в далеком прошлом, обычаи не отмирают, а в соответствии с новым общественным бытием изменяют свои функции, определенно трансформируясь при этом. Нередко обычай выполняет одновременно несколько общественных функций.

Исследуя общественную роль традиционных кулачных боев и борьбы в XIX – начале XX в., рассмотрим те сферы, где обычай таких состязаний функционировал в полной мере, и те из них, где социальные функции его сохранялись как пережиток.

1. Социальные функции XIX – начала XX в.

а) Военно-прикладная функция

В предыдущей главе детально выяснен военный характер боя “стенка на стенку”. Ясно, что и индивидуальное владение приемами борьбы без оружия весьма полезно в рукопашной схватке воинов. О подобных ситуациях повествуют древнерусские былины, где нередок мотив битвы богатырей несколькими видами холодного оружия, которое поочередно ломается, и исход противоборства решается в рукопашной схватке. Так, в былине “Дунай”:

“Начали биться тут, ратиться,
Ударились палицами булатными,
Палицы до рук приломались,
Ударились копьями мурамецкима,
Копейца в одно место свивались,
Ударились саблями вострыма,
Сабли до рук притупилися:
Боль нечем биться, ратиться,
Стали биться боем кулачным...” [415. С.419].

Такие описания очень часты в былинах [76. С.121-122; 171. С.34,143; 218. С.181-182,197-198,204-205; 415. С.147-148,280,

716]. Встречаются они и в украинском фольклоре, например, в “Песне о казаке Васюринском”: “Позволь, батьку отомане, нам на башни стати... Не позволишь с шабельками, позволь с кулаками: нехай наша слава не гине помиж козаками!” [199. С.141,322]. На большое значение приемов борьбы, кулачного боя в военном деле Древней Руси указывают и “заговоры воинские” – тексты формульного характера, призванные магически обеспечить безопасность воина в бою. В этих заговорах, большая часть которых именуется “заговор ратного человека, идущего на войну” [71. С.52; 193. С.298,299,300; 408. С.147], неизменно присутствует формула: “закрой, ты, девица, меня своей фатой: от силы вражьей, от пищали, от стрел, от борца, от кулачного бойца” [36. С.274; 408. С.147-148] или “породила меня мать родная (имя рек), а рожая приговаривала: будь ты мое дитячко цел и невредим, от пушек, пищалей, стрел, борцов, кулачных бойцов” [193. С.297,299,301]. Некоторые заговоры так и называются: “от пищалей, стрел и кулачных бойцов” [683. Л.103]. Из этих фрагментов видно, что везде оберег от разных видов оружия стоит в одном ряду с оберегом “от борца, от кулачного бойца” (везде подчеркнуто нами – Б.Г.), причем, как и в былинах, борьба и кулачный бой стоят в заговорах большей частью на последнем месте.

Известно, что заговоры как таковые находят практическое применение лишь тогда, когда для этого существует опора в традиционном жизненном укладе [12. С.23; 636. Стб.372-373]. По-видимому, в былинах и заговорах отразились реалии военного быта славян древности и средневековья, где борьба, кулачный бой широко употреблялись. Обратимся за подтверждением к другим источникам. Прокопий из Кессари сообщает, что “в числе воинов” Велизария (VI в.) “были люди славянского племени”, специализировавшиеся на пленении “неприятелей” посредством приемов борьбы без оружия, выходя для этого в одиночный поиск [460. С.243-244]. Уже упоминавшиеся летописные предания о Кожемяке (992 г.) и Мстиславе Удалом (1022 г.) свидетельствуют о знании воинами таких приемов. Привлекают внимание и другие летописные известия. Так, Новгородская первая летопись сообщает (1019 г.): “И бысть сеча зла, оже за руки емлющесе сечаху” [400. Л.79 об.]. В Никоновской летописи приводится примечательная “похвальба” перед боем: “Аще и вся земля половецкая придет к сим, то во истину всех тех седлы намечем и кулаками побьем” [569. Стб.1361]. Псковская первая летопись (начало XVII в.) прямо сопоставляет битву между псковичами и новгородцами с традиционными мужскими состязаниями: “И изыдоша псковичи из града за три поприща противу им (новгородцам – Б.Г.) к Промешицы речки, яко бешении буии, яко на борьбу или на кулачной бои” [463. Л.752]. При-

влекает внимание фрагмент Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище: “И крепко сступишася, треснуша копии харалужныя... И много напрасно биюшеся не токмо оружием, но и сами о себе избивахуся” [521. С.121]. Интересно сопоставление приведенных выше фрагментов былин и заговоров с одной из миниатюр “Истории Сибирской” С.У.Ремезова (конец XVII в.), где изображен Ермак, упражняющийся в разных видах оружия: стрельбе из лука и пицали, метании пики и т.п. В центре миниатюры – изображение двух борцов и надпись: “Ермак боретца” [420. С.45]. Приведем также сообщение А.Гваньини. “Сражающиеся с москвитами, – пишет он, – должны весьма умеючи действовать оружием, чтобы не попасть в руки их, ибо они весьма крепки плечами, руками, всем телом” [110. С.96].

Известно, что в средневековье основу русского войска составляла пехота, где большую роль играло пешее народное ополчение [141. С.104-105; 224. С.16,19; 498. С.400]. Очевидно, в массовом пешем строю были обычны ситуации (поломка или утрата оружия, столкновение вплотную, когда его невозможно применить и т.п.), в которых для достижения успеха и сохранения своей жизни противники использовали последнее средство – физическую силу, приемы кулачного боя и борьбы. Это отразилось в приведенных фрагментах былин, заговоров, летописей, других свидетельствах. Сказанное дает основание полагать, что значительная часть русских воинов того времени владела традиционными приемами противоборства без оружия. Уместно напомнить в этой связи замечание Ф.Энгельса о том, что “до применения пороха исход сражений решался подлинно рукопашной борьбой” [7. С.121].

Рукопашный бой как эффективное средство войны широко применялся и в эпоху господства огнестрельного оружия, что обусловило сохранение, в большой мере, прикладной роли приемов борьбы без оружия. Это видно, например, из описания Ф.И.Глинкой эпизода Бородинского сражения: “...колонны, идущие в откровенный бой, палили, резались в отчаянных схватках, принимали друг друга штыками, дрались, боролись... Стены сшибались и расшибались, и бой рукопашный кипел повсеместно. Штык и кулак работали неутомимо” [120. С.81,111].

Очевидно, что успешное использование приемов борьбы, кулачного боя возможно лишь в результате длительной предварительной тренировки, что, по мнению исследователей, практиковалось с древности. “Народные игры и потехи, донныне однообразные в землях славянских: борьба, кулачный бой, беганье взапуски, – отмечал Н.М.Карамзин, – остались также памятником их древних забав, представляющих нам образ войны и силы” [238. С.54]. Н.И.Костомаров

полагал, что на этих играх “приучались к ударам, побоям, которые... делали русских неустрашимыми и храбрыми на войне” [270. С.142]. Приведем здесь также сообщение С.Герберштейна, согласно которому, в Москве “вся молодежь упражняется в разнообразных играх и притом весьма близких к воинской службе, состязается в беге в запуски, борется в кулачном бою” [113. С.271].

Современники свидетельствуют о том, что и в XIX – начале XX в. изучаемые народные игры в значительной мере оставались традиционным средством военно-физической подготовки городского и сельского простонародья. “Правильный бой (не драка и не побоище), – отмечал Н.П.Гиляров-Платонов, – воспитывает до известной степени стратегическую смысленность” [114. С.228]. М.Л.Назимов полагал, что бои “весьма полезны для развития и поддержания физической силы и воинственных наклонностей” [385. С.81]. Из материалов, собранных Д.И.Багалеем, следует, что “кулачный бой полезен... тем, что поддерживал в народе воинственное настроение, из робкого делал более смелым и изловчал при быстрых нападениях и ретирадах” [39. С.956]. Сенатор В.А.Инсарский сообщает о наблюдениях участников Кавказской войны, которые считали, что тактические приемы пехоты успешно усваивались именно солдатами, знакомыми с кулачным боем [219. С.389-390]. Генерал-фельдмаршал М.С.Воронцов доносил, что бои “нужны в общем мнении для поддержания воинственного духа” и “делают” простой народ “столь способными для войны вообще” [421. С.826, 827]. Характерен в этом плане эпизод автобиографической повести Ф.В.Гладкова. Купец Измайлов, наблюдая бой “стенка на стенку”, восклицает: “Вот где сказывается непобедимость русского солдата и его боевая слава!” [119. С.84].

Свидетельства современников дополняют данные исследователей. Н.Я.Никифоровский считал в этих состязаниях “существенным то, что боевые уроки усугубляют ловкость, проворство, подготовляли к более содержательным боевым случаям” [398. С.134]. Из своих наблюдений Г.И.Фомин заключает, что “кулачки” признавались “как образец и школа войны: тут молодые люди приучались к неустрашимости и отваге” [616. №3. С.15]. По данным М.Кистера, “борьба составляла любимое развлечение” именно в среде “наших солдат” [246. С.4].

Представляется, что в результате традиционной тренировки в борьбе и кулачном бою при широком распространении этих народных игр, значительная часть мужского населения с детства овладевала элементарными приемами рукопашного противоборства, а также основами боевого строя, дисциплины и началами тактики. Одновременно такие мужские состязания вырабатывали решительность, смелость,

выносливость, развивали физическую силу и ряд других качеств, которые важны в настоящем бою. Все это, по нашему мнению, явилось одним из факторов, оказавших значительное влияние на формирование еще в средневековье известной традиции рукопашного удара русской пехоты.

Тесно связан со всем этим, на наш взгляд, вопрос о суровом, подчас жестоком и опасном для здоровья характере кулачных боев, что вызывало их осуждение частью современников. По типичной оценке одного из них “кулачки” являются “господствующим пороком” крестьян, исток которого “теряется в глубокой древности” [718. Л.18]. Закономерность возникновения и развития состязательных игр состоит в постепенном отделении двигательных актов от утилитарной (в нашем случае – первоначально охотничьей, защитной, затем – военной) деятельности, превращении движений в игровые действия только имитирующие утилитарную деятельность и далее в поступательном отмирании в содержании игры опасных для здоровья приемов [451. С.90,91; 662. С.19]. Учитывая это, полагаем, что указанный характер боев свидетельствует о том, что такие состязания, удерживая в своей структуре опасные приемы, и в XIX в. еще не совсем отделились от утилитарного военного назначения, оставались средством традиционной военно-физической тренировки. Представляется уместным привести здесь оценку О.А.Сухаревой некоторых подобных восточнославянским кулачным боям “жестоких обычаев”. Они “вырабатывали в народе боевые качества”, формировали “такие навыки, которые были исторически необходимы... вряд ли люди из народа могли бы выступать как значительная военная сила, если бы в этой среде не было условий для приобретения определенных навыков и боевого духа” [583. С.48,51,52].

Вызывает интерес, что в период революции 1905 г. в условиях острой нехватки оружия приемы борьбы и кулачного боя успешно применялись, по воспоминаниям современников, в столкновениях с полицией и черносотенцами [399. С.186; 405. С.62; 578. С.17,39]. Обучение таким приемам, по данным Н.П.Новоселова, входило в программу подготовки рабочих дружин [405. С.62,63]. В первые годы Советской власти народные виды борьбы использовались для подготовки бойцов Красной Армии и в системе Всевобуча. Так, “Программа физической подготовки войск Украины и Крыма” (ноябрь 1922 г.) предусматривала обязательное изучение в каждой воинской части приемов борьбы. При этом подчеркивалось, что владение приемами “имеет и моральное значение, давая уверенность в своих силах до самого последнего момента” [726. Л.105,106-108]. В составе “Гимнастики естественных движений”, подготовленной для Всевобуча, среди

игрой “к развитию ловкости” [684. Л.25]. В подобных оценках исследователи единодушны [299. С.117; 398. С.134; 512. С.171].

Характер изучаемых традиционных состязаний таков, что в ходе их участники неизбежно испытывали большие трудности (сопротивление противника, сильное физическое напряжение, захваты и удары, болевые ощущения и т.п.), преодоление которых требовало обладания волевыми качествами. Упражняясь в борьбе и боях, мужское население с детства приучалось преодолевать эти трудности, воспитывая в себе смелость, решительность, удачу, самообладание, уверенность в себе.

Успех в самом распространенном виде боя – “стенка на стенку” – был возможен лишь при условии слаженных, взаимосвязанных действий всей команды и этим предопределялось воспитание здесь чувства коллективизма, сопричастности.

Традиционные правила состязаний, как установлено, запрещали действия, квалифицируемые обществом как нечестные приемы: бить лежащего, “мазку”, сзади, брать в руки “закладки”, в некоторых случаях – делать “подножки” и т.п., притом любое нарушение правил жестоко каралось. Поскольку последние отражали существовавшие в народном быту морально-этические нормы, постольку состязания служили воспитанию честности, справедливости, гуманного отношения к слабому и незащищенному, уважению к сопернику. “В деревне, – вспоминал Ф.В.Гладков, – гордились лучшими борцами. Сила и ловкость в борьбе всегда были по душе нашим людям. А честность в этой борьбе ценилась как высшая доблесть, как высшее достоинство человека” [118. С.411]. Интересен в этой связи проведенный нами анализ сообщений о нарушениях правил на кулачных боях. Он показывает, что число их резко возрастает примерно с середины 80-х г. XIX в. Притом в сельской местности в это время случаи нарушений сравнительно немногочисленны, большая часть таких свидетельств приходится на города и промышленные центры. Это, как представляется, было прямым следствием быстрого размытия в городах традиционного уклада. И более всего, на наш взгляд, здесь оказывало влияние разрушение общинных традиций. Известно, что в XIX в. в деревнях случаи нарушения правил на “кулачках” выносились на суд мирской сходки [272. С.105-106].

В состязаниях воспитывалось и чувство патриотизма, любви к “малой родине” – селу, деревне, слободе, с чего, как известно, начинается любовь к Родине большой. Выше отмечалось, что поражение “своих” борцов, бойцов, особенно на престольных и больших календарных праздниках, воспринималось обществом как унижение, позор для деревни, села и т.п., победа же означал почет всему “миру” до

следующих состязаний. По-видимому, в древности подобные боевые игры выполняли роль смотра сил общины, показывали на кого она более всего могла положиться в случае необходимости. Известно, что в недавнем прошлом важнейшим критерием оценки достоинств человека в деревенском быту были физическая сила, ловкость, умение бороться и биться на кулаках.

Традиционные рукопашные состязания служили инструментом воспитания и развития физических и морально-волевых качеств, ставили человека во взаимосвязь с традиционным укладом, закрепляли освященные обычаями правила поведения, то есть являлись частью системы усвоения знаний, норм, ценностей, навыков, позволяющих мужчине функционировать как полноправному члену общества. Традиционное общество поднимало сильных, мужественных, смелых, решительных, справедливых и порицало слабых. Личность испытывала сильнейшее давление “мира”, общины, а состязания были действенным средством, приводивши ее к уровню требований общества и, следовательно, выполняли функцию социализации.

в) Функция контроля уровня подготовки

Традиционная жизнедеятельность постоянно порождает множество ситуаций, требующих максимального напряжения сил человека – физических, волевых и моральных. Очевидно, что при этом необходимо иметь постоянную информацию о степени развития жизненно важных качеств и навыков и, следовательно, об уровне возможностей того или иного человека или группы людей. Такое знание дает представление и об эффективности тех или иных традиционных средств воспитания и социализации. Предвидеть все возможные ситуации невозможно, однако познать свои силы и возможности необходимо. Еще в древности люди пришли к выводу, что можно искусственно моделировать ситуации, в которых максимально напрягаются силы человека. Одной из традиционных моделей здесь служат состязательные игры, обозначаемые сегодня емким термином спорт [566. С.67].

Из содержания традиционных рукопашных состязаний видно, что именно эти народные игры характеризуются максимальным и одновременным напряжением физических и морально-волевых сил и, следовательно, удачно подходят для указанных целей. Показательно в этом плане, что ни одна из известных нам народных игр, кроме рассматриваемых, не содержит традиционных заговоров на победу и предотвращение травм в состязаниях. Значение таких игр как инструмента испытания физических и морально-волевых качеств мужской молодежи вполне осознавалось современниками. Так, англичанин Р.Джемс, посетивший Московию в 1619 г., писал, что в Холмогорах “сходятся

на кулачный бой все, кто помоложе,.. но даже и бородатые, – постоять за честь своих церквей или для испытания сил” [303. С.79]. Информаторы Этнографического бюро В.Н.Тенишева сообщали, что крестьяне “сходятся на кулачный бой... для испытания сил” [708. Л.26] и “меряют физическую силу и ловкость в борьбе друг с другом” [693. Л.8]. В сообщении из Витебска говорится, что “любители кулачных боев... мерялись силами” [357. № 284]. По наблюдениям Д.А.Коропчевского, “среди детских игр повсюду можно встретить и борьбу. Мальчикам хочется попробовать свою силу, помериться с товарищами... и потому борьбу можно назвать одной из самых естественных игр” [262. Стб.377]. Хр.Вакарелски отмечает, что в состязаниях борцов у болгар “младежите вижат възможност да мерят силите се” [80. С.466]. Подобные свидетельства нередки [93; 480. С.8; 616. №3. С.14]. “Борьба, – считал врач и педагог В.В.Гориневский, – своего рода спорт, в котором состязающиеся испытывают свои силы друг на друге. Измерять свои силы – значит познавать себя и этот акт очень нравится и детям, и взрослым” [127. С.143].

Термин “спорт” непременно подразумевает, что содержание состязаний максимально обеспечивает сохранение здоровья человека [566. С.67]. Борьба вполне удовлетворяет этим условиям и потому еще до революции в городах и промышленных центрах существовали официально разрешенные кружки борьбы, где занималась в основном рабочая молодежь [325. С.9; 564. С.90]. Правила кулачных боев не исключали возможности серьезных травм, что послужило основной причиной их запрещения в 1832 г. [447. Ст.180]. Коллективные кулачные бои не эволюционировали, как, например, английский бокс, в современный вид спорта. Но в суровых условиях традиционного быта они удовлетворяли общественным потребностям и это было основой их широкого бытования вопреки существовавшему запрету. Интересно, что и в Англии традиционные кулачные бои были известны еще в XIX в. Это подтверждают данные И.Н.Гроздовой [148. С.92-93]. А.П.Заблоцко-Десятовский, путешествовавший по Англии в середине XIX в., отметил, что “еще недавно англичане были страстными охотниками до кулачных боев” [191. С.212]. С прогрессом общества, развитием современного спорта и научных методов подготовки к жизнедеятельности сфера функционирования боев постепенно сужается, они естественным образом отмирают и сегодня могут встретиться лишь как пережиток.

г) Функция развлечения

Народные игры обычно выступают как форма проведения досуга и, следовательно, в той или иной мере являются традиционным раз-

влечением [590. С.18]. Из имеющихся у нас свидетельств можно заключить, что кулачные бои, борьба, несмотря на их объективную полифункциональность, субъективно воспринимались современниками в XIX – XX в. чаще всего и в большей мере как праздничное, досужее развлечение, “забава”, “потеха”, “увеселение”, “удовольствие” [22. С.113; 32. №7. С.5; 41. С.61; 103; 697. Л.25; 168. С.226; 186. С.435; 200; 217; 268; 696. Л.46; 282. С.193; 319. С.701; 502. С.54; 542; 582. С.489; 625]. Нередко подчеркивалось притом, что забава эта – одна из самых любимых народом [20; 97. С.139; 114. С.227; 149. С.44; 219. С.359,384; 222. С.152; 225. С.183; 237. С.120; 454]. Привлекает внимание в этой связи замечание Г.В.Плеханова о том, что “игра порождается стремлением снова испытать удовольствие, причиняемое употреблением в дело силы. И чем больше запас силы, тем больше стремление к игре, конечно при прочих равных условиях” [435. С.338].

Опираясь на сообщения современников, часть исследователей также видит в традиционных рукопашных состязаниях прежде всего мужское развлечение, форму проведения досуга [27. С.276; 29. С.177; 38. С.58; 256. С.12; 299. С.117; 398. С.128; 484. С.171; 485. С.28; 574. С.39]. Ряд авторов это назначение выделяет как главное или единственное [72. С.78; 190. С.43; 193. С.41; 305. С.103,112; 225. С.44; 554. С.126]. Фундаментальный словарь русского языка называет бои “старинным русским развлечением” [536. Т.1. Стб.538].

Как развлечение, характерное для русских, украинцев, белорусов, борьба и кулачный бой представлены в творчестве ряда писателей XIX-XX в., создавших правдивые картины народного быта [16. С.102; 78; 82. С.83; 117. С.265,368,376; 122. Стб.333; 135. С.106, 122-123; 136. С.245-256; 172. С.218; 240. С.11; 245. С.40; 301. С.81-85; 318. С.114; 327. С.307; 339. С.98-102; 356. С.124,126,442,563-568; 369. С.73; 370. С.201; 430. С.74-77; 598. С.53; 606. С.63; 631. С.59; 628. С.291; 646. С.75-78; 651. С.257; 654. С.134,144,200; 669. С.264].

Существует мнение, что для конца XIX – начала XX в. характерна быстрая эволюция народных обычаев в молодежные забавы, развлечения [210. С.213]. Наши материалы лишь в определенной мере подтверждают это в отношении обычая состязаний в борьбе и боях. Как показано выше и будет видно из дальнейшего, функция развлечения была в то время только одним (хотя и весьма важным) из общественных назначений таких народных игр, но далеко не исчерпывалось им. Выдвижение на первый план, в том числе рядом исследователей, только одной сферы социального функционирования состязаний объясняется, на наш взгляд, объективной самооценностью досуга и массовым субъективным восприятием боевых игр современниками в качестве развлечения.

д) Зрелищно-эмоциональная функция.

Борьба и кулачный бой на народных праздниках неизменно привлекали массы зрителей, которые подбадривали свои стороны, обсуждали перипетии состязаний, спорили и бились об заклады. Зрители выступали и как гарант честного ведения противоборства, выполняли роль общественного контроля за соблюдением неписаных правил. Такие зрелища известны на Руси с древности. Так, Повесть временных лет сообщает: “видим бо игрища утолочена, и людей много множество на них, яко упихати начнуть друг друга, позоры деюще от беса замышленого дела, а церкви стоять” [437. С.114] (“на игрищах видим множество людей: как начнут бороться друг с другом, то сбегаются смотреть на дело, от дьявола замышленное, а церкви стоят пусты” – перевод С.М. Соловьева [561. С.70]). По сообщениям XIX – начала XX в. число зрителей могло быть от нескольких десятков на небольших состязаниях [39. С.955; 50. С.2; 149. С.44; 158; 389. С.134; 523. С.22; 615. С.7] до нескольких сотен и тысяч – на крупных [39. С.955; 97. С.141; 147. С.3; 305. С.105; 436. С.2]. “Кулачный бой в деревне – праздник, деревенский турнир, зрелище, которое деревня не променяет ни на что; и оно собирает всегда громадную толпу народа, среди которой много участников боя, много и зрителей” [616. №5. С.16] – отмечал современник. “Ф стърину у нас кулачки были – говорится в другом сообщении – фсе глидеть хадили” [527. С.99]. Даже в Москве в середине XIX в., по свидетельству Д.А.Покровского, “к созерцанию грандиозного зрелища собиралась буквально со всей Москвы масса любителей воинственных ощущений” [441. С.156]. “Кулачные бои того времени, – вторит ему Ф.Коломенский, – собирали “всю Москву” [251. №1]. В городах были популярны у зрителей и выступления борцов-профессионалов, в совершенстве владевших искусством борьбы. “Опера и драма отодвинуты на задний план, – сообщала одна из газет середины XIX в. – Вся публика увлечена цирком и борьбой, происходящей в этом цирке” [627]. “Ни одно зрелище сейчас не привлекает так публику и не волнует так зрителей, как борьба” – отмечает другая газета [645]. По свидетельству А.А.Блока, “тысячные толпы проявляли исключительный интерес” к выступлениям борцов в балаганах и цирках [57. С.296-297].

В сельской местности и небольших городах практически все население выходило смотреть состязания. Так, по характерному описанию краеведа И.А.Шавыкина, в с. Столпы Спасского у. Рязанской губ. на бои собиралась “тысячная толпа любопытных – дети, бабы, девки, парни, мужики, седобородые старики... все разряженные по-масляничному: платки, шубы, шарфы пестреют разнообразными

цветами” [733. Л.5]. Везде среди зрителей, как правило, наряду с простолюдинами можно было встретить и представителей привилегированных сословий [92; 200; 398. С.134; 436. С.2; 450. С.423]. Типичная картина перед началом зрелища в Москве в 60-х г. XIX в. описана А.А.Лебедевым: “По берегам реки теснились огромные толпы зрителей, особенно из купечества и даже именитого. Приезжали в экипажах... Среди народа ходили сбитенщики, торговцы патоки с инбирем, гречневиков, пшеничника, пряников... Вся эта картина представляла грандиозное народное гулянье с турниром, имевшим сейчас разыграться перед зрителями” [305. С.105]. Подобные наблюдения послужили для современников [700. Л.19; 149. С.44; 424. С.134; 523. С.22] и исследователей [259. С.161; 616. №5. С.16] достаточным основанием, чтобы назвать борьбу и кулачные бои “любимым народным зрелищем”.

Состязания оказывали на зрителей сильное эмоциональное воздействие. Интересны в этом плане воспоминания о боях Ф.И.Шалапина. “Когда я видел, – писал он, – как эти люди, почему-то все добрые и ласковые, сбивали с ног могучими ударами русских и татарских бойцов, мне вспоминались сказки: Бова, Еруслан Лазаревич, и скудная красотой и силой жизнь становилась сказочной” [641. С.50]. “Зрелище “буя”, – сообщает И.А.Волков, – было столь захватывающее, что зрители, глядя на бойцов, дрожали от возбуждения, а некоторые из них, поспешно сбросив шапку и верхнюю одежду, пулей врзались в самую гущу дерущихся” [97. С.141]. По свидетельству артиста К.В.Скоробогатова, к кулачным боям “относились тогда как к увлекательным, захватывающим зрелищам” [523. С.22]. Эмоциональное воздействие таких боевых игр усугублялось, когда состязания принимали грубые формы. “Зрелище старинной русской народной забавы, – вспоминал Н.А.Панин-Коломенкин, – производило на меня неизгладимое и сложное впечатление: с одной стороны оно внушало мне страх, а с другой – эта буйная удаля имела какое-то непонятное для меня очарование, пугающую привлекательность” [425. С.8]. Как отметил в своих мемуарах художник И.Н.Павлов, “это было сильное, хотя и дикое зрелище” [424. С.34].

Эмоциональное воздействие зрелища рукопашного противоборства было разносторонним. Прежде всего оно вызывало чувство восхищения драматизмом борьбы, искусством владения силой и приемами, красотой человеческого тела. “Картина боя в полном разгаре, – сообщает И.А.Шавыкин, – достойна кисти художника” [733. Л.5]. Интересны в этом отношении впечатления А.А.Блока. “В мировом оркестре искусств, – отмечал он, – не последнее место занимает... борьба, которая есть точный сколок с древней борьбы в Греции и Риме. У ме-

ня есть очень много наблюдений (собственных) над искусством борьбы, над качеством отдельных художников (которых здесь, как и во всяком искусстве, очень мало – больше ремесленников)”. “Зрелище борьбы”, – заключает А.А.Блок, – “вдохновляет меня для поэмы гораздо более, чем Вечаслав Иванов” [56. С.332].

По меткому наблюдению французского художника и писателя XIX в. Э.Фромантена, “люди идут поглядеть на поединок борцов, чтобы заразиться ощущением физической силы” [618. С.170]. В самых широких слоях народа сила всегда вызывала уважение. Ею гордились, ее прославляли. В силе же (вспомним знаменитую “Дубинушку”) народ видел средство, которое рано или поздно разрушит мир несправедливости. Под воздействием зрелища борьбы, по наблюдению И.В.Беляева, “мысль от силы и ловкости борцов... переносилась к другой высшей мысли о народной силе и ловкости вообще” [53. С.71]. Атлетическое зрелище возвышает человека над собой. Когда мы “видим боязливо скорчившегося, униженно гнущего спину индивида, – отмечал исследователь, – мы невольно осматриваемся, сомневаясь в своем существовании и опасаясь, как бы не затереться. Но видя бесстрашного акробата в пестрой одежде, мы забываем о себе, чувствуем, что мы как бы возвышаемся над собой, достигая уровня всеобщих сил, и дышим свободнее” [2. С.169].

Схватки борцов-профессионалов с зарубежными атлетами вызвали у зрителей особые эмоции. “Подъем национального чувства, – сообщает современник, – при виде русского богатыря, ломавшего заграничных борцов, был прямо страшный” [488. С.16].

Описанные эмоциональные переживания отвечали потребностям зрителей, были формой конкретно-чувственного отражения действительности.

е) Компенсаторная функция

Одна из сторон эмоционального воздействия состязаний нуждается, на наш взгляд, в отдельном рассмотрении, поскольку наряду со зрителями здесь в равной мере затрагивалась другая действующая сторона игры – бойцы и борцы. Так, по записям Д.И.Багалея, “общее желание показать свою силу и ловкость, побывать несколько часов в сильном возбужденном состоянии... были главными причинами в потребности боя” [39. С.955]. Художник А.А.Дейнека так описывает впечатления от участия в кулачном бою: “... ходил на замерзшую реку и, идя, думал, что это грубо и дико, а приходил, сбрасывал шинель и с азартом лез в гушу, и я бил, и меня тузили, и было замечательно... Я удивлялся всегда одному, что неприятность и несчастье нас не останавливают от азарта жизни, от оптимизма” [159. С.3]. Другой участ-

ник боев – Н.С.Разин – вспоминал: “Мне нравился дух борьбы. Он захватывал меня целиком, до внутренней дрожи. Поэтому я дрался охотно, можно сказать – с упоением” [480. С.7]. По свидетельству Ф.Коломенского, “пуще кулачного боя ничто душу не разжигало в нашей старой Москве” [251. №2-3]. Сила эмоционального возбуждения хорошо видна и из описания Г.И.Фомина: после игры бойцы “рассказывали с шутками, восторгаясь только что закончившимся боем, который в этом году, по их словам, особенно удался. Каждый теперь на свободе рассказывал кого он ударил, кто его ударил и как ударил. Рассказывали страстно, с увлечением, как охотник о том или ином интересном случае на охоте, как спортсмен. И опять ни тени злобы, затаенной мести в этих разговорах я не заметил” [616. №6. С.11]. Очевидно, при всей грубости форм, бои (в меньшей степени борьба) давали мужчинам широкий простор для проявления силы, удали и особенно для выхода эмоций. В них, по наблюдению Д.А.Покровского, “был полный простор мужицким кулакам разгуляться во всю ширину русской натуры” [441. С.155]. М.И.Семевский тоже отмечал, что в боях “русский человек развертывался... во всю удаль молодецкую” [511. С.179].

Игра на народном празднике, по мнению М.И.Бахтина, “выводила за пределы обычной жизненной колеи, освобождала от законов и правил жизни, на место жизненной условности ставила другую, более сжатую, веселую и улегченную условность” [44. С.255]. Сходную точку зрения высказал Й.Хейзинга. Праздничные народные игры, – отмечал он, – “отделяют участников игры от повседневной жизни, создавая свой собственный замкнутый в себе мир” [цит. по 590. С.18]. “Кулачные бои, – полагал Н.Румянцев, – помимо своих узкоспециальных целей имели и одно общее назначение – вызвать как можно больше смеха, веселья, радости, повышенного настроения” [490. С.99]. К.Маркс считал, что восстановление работоспособности, компенсация эмоциональной усталости требуют “свободной игры физических сил” [1. С.274]. Состязания призваны были отвлечь от повседневности, тяжелого серого быта, от жизненных трудностей, коренным образом переключить эмоциональный настрой. Быть может в силу своей “буйности”, грубых форм борьба и особенно кулачные бои удовлетворяли этому назначению гораздо больше, чем другие народные игры. По-видимому, именно в этой связи стоит замечание В.Г.Белинского о том, что “только буйные игры и удалая охота оцветляли этот быт” [49. С.63] (подчеркнуто нами – Б.Г.). Характерно в этом отношении наблюдение Ф.И.Шалапина, по которому под впечатлением удалого кулачного боя “скудная красотой и силой жизнь становилась сказочной” [641. С.50]. Показателен здесь и фрагмент авто-

биографической повести Ф.В.Гладкова: “Ходу нет, – тосковал Ларивон (лучший в округе кулачный боец – Б.Г.), – податься некуда. Сил-то лишку бог дал... Распирает она меня, сила-то, и не знаю, чего мне хочется. И барин дерет, и волость дерет, а я голый да комолый, места не найду и сам себе в тягость. И вдруг сорвался со скамьи и забунтовал: Вася, Тита и ты, дядя Кузьма, пойдем во двор, подеремся. Я спроть всех пойду, душу отведу” [119. С.62].

Можно полагать, что одной из причин длительного бытования традиционных кулачных боев и борьбы было выполнение ими компенсаторной функции. Ведь именно с социально-психологическими переживаниями носителей обычаев связана устойчивость последних даже тогда, когда они лишены естественной социальной основы [250. С.76].

ж) Коммуникативная функция

Одно из главных назначений народных обычаев состоит в том, чтобы поставить человека в определенную взаимосвязь с общиной “миром”, сплотить коллектив [250. С.70; 637. С.9-10]. Полагаем, что обычай состязаний в борьбе и кулачных боях не составлял тут исключения. Напомним, что игры эти всегда собирали большое количество участников разных возрастов.

“А и будет день ко вечеру,

От малова до старова

Начали уж ребята боротися,

А в ином кругу в кулаки битися”

– сообщает былина о Ваське Буслаеве [402. С.7]. Нередки свидетельства о том, что в состязаниях участвовало поголовно все трудоспособное мужское население деревень и сел [22. С.113; 177. С.21; 260. С.393; 268; 289; 586. С.381; 613. С.513; 616. №5. С.14]. В д. Мешковой Орловского у. существовал обычай устраивать по субботам на Масленице и Пасхе “всеобщий кулачный бой”, на котором должно быть “обязательно с каждого двора по человеку”. И “если кто не пойдет на всеобщий кулачный бой, того на полтинник штрафуют” [703. Л.3]. Яркая зрелищность, как отмечалось, привлекала на состязания многочисленных зрителей из разных сословий. Все это делало их одним из важных и эффективных средств общения.

Принадлежность многочисленных участников и зрителей к одному обществу (деревне, селу, слободе, фабрике, заводу и т.п.), стечение больших масс народа в одном месте, общая цель – победа над соперником, общий эмоциональный настрой – все создавало атмосферу единения и сплочения. По этой причине нередко массовые кулачные бои называли “общественными боями” [398. С.128,133,135],

“мирскими боями” [134. С.442], “боями миром” [511. С.179]. Российское законодательство XVIII в. называет их “общими забавами” [445. №4099]. Вызывает интерес в этом плане замечание С.А.Токарева о том, что за народными играми массового характера, в том числе спортивными, “отчетливо виден их организатор – сельская община” [591. С.196,197].

Важно отметить, что соперничества, состязания мужских групп, представляющих, например, два территориально обособленных общества, не исключали в то же время многосторонних (трудовых, торговых, брачных, бытовых и т.п.) взаимоотношений и, следовательно, сами были своеобразной формой общественной жизни. По характерному замечанию Н.Я.Никифоровского, традиционные кулачные бои составляли необходимый элемент “давней городской жизни” [398. С.133].

Роль изучаемых народных игр как средства общения, сплочения коллектива была, по-видимому, фактором, способствующим их устойчивости и длительному бытованию.

2. Реликты архаичного функционирования состязаний

а) Ритуально-магическая, обрядовая функция

Сознательная подготовка к жизнедеятельности переплеталась с приобретением такого опыта, который придавал реальным навыкам, обеспечивавшим существование общества, ирреальные ритуально-магические формы. Человек пытался компенсировать свою зависимость от природы ритуально-магическими действиями, остатки которых сохраняются порой до наших дней. Полагаем, что в древности и средневековье традиционные рукопашные состязания на народных праздниках имели определенное ритуально-магическое значение, были одной из распространенных форм ритуальной борьбы.

аа) *Пережитки магических представлений о воздействии рукопашного противоборства на аграрное плодородие*

Ранее установлено, что традиционные кулачные бои и борьба у восточных славян большей частью приурочивались к зимним и весенне-летним календарным праздникам, обрядность которых нацелена в основном на обеспечение урожая в предстоящий земледельческий сезон [462; 560; 637]. Ряд этнографов видит в подобных состязаниях отголосок культа плодородия, древнего аграрно-магического ритуала, символизировавшего космическое противоборство зимы и лета [143. С.91-92; 145. С.342; 364. С.31-32; 412. С.107; 440. С.49; 580. С.638; 619. С.354]. Как “аграрный обряд, повышающий производительные силы природы”, рассматривала традиционные “кулачки” и

борьбу В.Н.Харузина [623. С.336]. Существует мнение, что смысл масленичных кулачных боев состоит в том, чтобы “путем взаимного кровопускания, кровопролития... магически обеспечить своим полям и лугам весенние и летние дожди, влагу” [490. С.100]. В этой связи привлекает внимание сообщение корреспондента Этнографического бюро В.Н.Тенишева из с. Верх-Большой Каурец Наровчатского у., согласно которому местные крестьяне в зимние и весенние праздники, особенно на Масленицу, бьются на кулаках “не из одного удовольствия и потехи, а и из-за того, чтобы получить боле сильный урожай в настоящее лето” [707. Л.1]. Аналогичное известие имеется от другого корреспондента бюро [714. Л.7]. Притом бытовали характерные присловья: “рыло разбито, брюхо набито”, “рыло в крове, брюхо в холе”, “чем больше бьют, больше в брюхо кладут” [714. Л.7]. Сообщается также, что ввиду важности состязаний для получения хорошего урожая “дерутся и стар, и млад, даже иногда принимают участие в боях и женщины” [707. Л.1-2]. В связи с последним обратимся к другим сообщениям о женских противоборствах. Так, по данным Б.М.Соколова, в Саратовской губ. “есть в некоторых местах освященный обычай специальный женский бой... например, в с. Окатная Маза. Там... на Соловьевой Горе... собираются в очередное время женщины. Сначала зачинщицами выступают две женщины, потом вмешиваются другие” [559. С.17-18]. В селах Тавдинского края (северо-восток Тюменского у.) в яичное заговенье перед Петровым постом (день, когда в XIX в. в Европейской России праздновали Ярило – Б.Г.) “в разгар веселья женщины и девушки начинали устраивать бега взапуски, а после бегов замужние женщины начинают борьбу между собою, девушки же в этой борьбе не участвуют” [131. С.8,10]. В с. Перевест Вологодского у. женские бои бывали на Петров день [689. Л.44]. Отмечены они и Н.П.Новоселовым [773. Л.36]. В Витебской губ. на свадьбах после того, как “молодой с новобрачною въедет на свою двор, перед крыльцом, если грязно, немедленно настилают солому... мать молодого мняется с новобрачною пирогами... приняв пирожок, мать новобрачной обхватывает свою дочь и говорит: “Ну-тка, дачушка, паборимся: ци дюжей ты меня?” Молодая также обхватывает ее, обе показывают вид, будто борются, а гости между собой спорят: одни кричат “наша взяла!”, а другие “нет наша вазмець!” [26. С.182]. Необходимо отметить, что, как следует из описаний, женские состязания носили большей частью условный характер. Е.Г.Кагаровым убедительно показано, что женская потенция занимает одно из центральных мест в аграрной карпогонической обрядности [230. С.191-192]. По-видимому, в приведенных сообщениях реликты ритуальной борьбы с целью воздействовать на плодородие, урожай соединяются с женским началом, усили-

ваются им. С влиянием на аграрное плодородие связано и известие из Орловской губ. Там в середине XIX в. на праздник Красной горки “большая часть крестьян отправляется на зелень, т.е. на поле, засеянное рожью”, где происходит молебен. Затем тут же на поле устраиваются состязания в борьбе. Притом “мальчики и старики боролись больше для шутки и для выполнения старинных обычаев” [279. С.2]. Подобно этому в станице Наурской Терской обл. на Пасху “поединки” устраивались “по зеленому покрову поля” [101. С.273]. Возможно, что с известным пасхальным обычаем катать яйца, символизировавшим зарождение новой жизни, связаны изображения на некоторых лубочных картинках, где показаны борцы, под ними два яйца и надпись: “Удалые молодцы добрые борцы ахто ково поборить невсхватку тому два ица всмятку” [494. С.33-34]. Во всяком случае обычай раздавать яйца в качестве награды победителю бытовал, по-видимому, на Пасху.

Представления о влиянии рукопашных состязаний на аграрное плодородие (в том числе в связи с противоборством женщин [247. С.221]) существовали и у земледельцев других народов. Так, у грузин и осетин крестьяне полагали, что “бог благословит обильным урожаем земли той стороны, которая победит в кулачном бою в день кееноба” (весенний праздник, совпадающий с Масленицей – Б.Г.) [85]. У адыгов на празднике возвращения пахарей “в течение недели происходят непрерывные схватки силачей... их основная цель заключалась в том, чтобы “выпросить” у божества плодородия... большой урожай” [351. С.52-53]. Некоторые народы Дагестана в “день выхода плуга... после обрядовой вспашки” устраивали состязания борцов [640. С.49]. У татар Оренбургской губ. схватки борцов бывали на празднике “сабантой” “недели за две до начала полевых работ” [380. С.47]. С древности до начала XX в. узбеки на весенних праздниках “по исходу боев судили об урожае предстоящего года” [583. С.50; 596. С.283]. В Древней Анатолии (хетты XVII – XII в. до н.э.), по данным В.Г.Ардзинба, подобные состязания “имели функцию стимуляции и регенерации продуктивных сил космоса в критические периоды жизни... прежде всего весной” [31. С.80]. Все это хорошо согласуется с концепцией М.М.Бахтина, согласно которой на ежегодном весеннем карнавале “все удары имеют символически расширенное и амбивалентное значение: это удары одновременно и умертвляющие (в пределе), и дарующие новую жизнь, и кончающие со старым, и зачинающие новое... удары зиждательны, ибо они помогают родиться новому” [44. С.222-223,225].

аб) *Связь обычная состязаний в борьбе и кулачном бою с культом предков и поминальным обрядом*

Известно, что с глубокой древности в мировоззрении земледельцев важное место занимали представления о зависимости благополучия общины, урожая от мира умерших предков. У многих народов, по данным А.П.Окладникова, в том числе у славян, борьба, входя в состав весенних праздников в честь плодородия природы, сопровождала и погребальные торжества. Такие состязания, полагал он, символизируя противоборство между зимой и летом, доброго начала вселенной против злых ее сил, вместе с тем, по представлениям древних, сопутствовали человеку в критический, переломный момент его судьбы, способствовали благополучному переходу покойника в мир предков – незримых покровителей общины, охранителей ее благополучия [412. С.105,107]. Н.Н.Велецкая, отмечая, что “борьба, состязания составляют неперенный элемент ритуала отправления к праотцам у разных народов”, в том числе у славян, видит в них “не только оказание почестей предкам”, души которых покровительствуют общине, “ведут неустанную борьбу против сил, препятствующих благополучию их потомков”, но и “как бы усиление, укрепление их сил... воздаяние им своей кровью” [84. С.92-93]. На важность таких состязаний для благополучия душ умерших указывает и Н.И.Костомаров [269. С.229; 271. С.80]. Тризны – погребальные боевые игры, “битвы”, “бойованья”, “драки по мертвецы” у славян служили, по мнению Б.А.Рыбакова, средством, призванным отгонять смерть от оставшихся в живых, демонстрировали их жизнеспособность [500. С.87,89]. При этом он относит возникновение погребальных состязаний к праславянской тишинецкой культуре и связывает их по времени с появлением нового обряда погребения – трупосожжением, с развитием земледелия и аграрных культов [500. С.87,89; 501. С.274,279], что крайне интересно в свете данных о связи традиционных рукопашных состязаний с аграрно-магическими представлениями у восточных славян.

Ряд исследователей считает, что боевые игры – “ристанья”, борьба, кулачные бои – были важным компонентом погребальных торжеств древних славян [55. С.127; 181. С.20; 238. С.69; 273. С.131; 551. Ч.2. С.318; 561. С.15; 568. С.92]. В основе этой точки зрения – анализ небольшого числа памятников славянской письменности, прежде всего “Жития Константина Муромского”, где тризна упоминается дважды: а) “погребаемому князю Михаилу ни тризниша, ни дымы, ни битвы не творяху” [цит. по 570. Стб.996]; б) “кони заклающе, и по мертвым... и битвы, и кроение, и лиц настрескания, и дражня творяше” [цит. по 562. С.41-42]. Кроме того, из словаря Памвы Бе-

рынды следует, что “тризнице” есть “местце, где бывають поединки, або ширмерства, або бойованья” [45. С.134].

Б.А.Рыбаков привлек для обоснования указанной точки зрения данные археологического изучения кургана X в. “Черная могила” в Чернигове, сопоставляя его с курганом гомеровского Патрокла и погребальными состязаниями древнегреческих воинов в борьбе, кулачном бою [500. С.313; 501. С.274,275].

Представляется, что необходимо и этнографическое исследование вопроса. Начало этому положил Д.К.Зеленин. Рассматривая семицкие поминальные обряды восточных славян и установив, что они сопровождались кулачными боями, он пришел к выводу, согласно которому бои являются “наследием языческой похоронной тризны” [202. С.401; 204. С.109]. Попытаемся углубить изучение вопроса. Прежде всего обратим внимание на то, что к зимним и весенне-летним календарным праздникам, на которых, как показано нами, у восточных славян большей частью устраивались кулачные бои и борьба, наряду с обрядами, призванными обеспечить урожай, приурочивалось и поминовение умерших [462. С.124; 560. С.213]. Имеется ряд сообщений, указывающих на то, что остатки обряда тризны сохранялись весьма долго. Так, об этом определенно говорят найденные Н.М.Гальковским исповедальные вопросы: “Ашел по мертвом дрался еси”; “Дравшис по мертвом... 12 дней поста” [108. С.192]. А.А.Котляревский приводит текст епитимии тем, кто “по мертвецю дрался” [273. С.132]. На Украине на Фоминой неделе вплоть до конца XIX в. среди крестьян принято было сходиться на кладбища, поминать покойников пированием, а затем драться тут же, возле могил [37. С.203; 231. С.47] или по возвращении домой [209. С.107]. Такое же по содержанию сообщение, но о поминках в Семик имеется из Котельнича Вятской губ. [601. С.28]. “В первые дни Фоминой недели” в белорусском Полесье также бывали поминки “вроде тризн языческих”, после чего “живые немногим отличались от мертвых” [663. С.61,62]. До середины XX в. у украинцев Закарпатья устраивались в день смерти человека “ігри при мерці” [201. С.247; 657. С.243], в том числе состязания силачей [519. С.12]. Ранее они бытовали в Подолье [278. С.42] и у “русин” Бессарабии [390. С.118]. В Вятке в конце XVIII – начале XIX в. “в четвертую по Пасхе субботу” отправлялась панихида “на том самом месте, где происходило побоище (имеется в виду легендарная битва вятчан с устюжанами в 1394 г. – Б.Г.), и где похоронены убитые притом люди... После отправления сей панихиды... также обыкновенные притом были и кулачные бои” [86. С.31-32]. В Ливнах вплоть до начала XIX в. бытовал обычай разжигать костер и устраивать хороводы, борьбу, кулачные бои на месте, где по

преданию похоронены ливенские воины, павшие в битве [406. С.17], в станице Раздорской (2-й Донской округ) на Масленицу служили “панихиду за упокой прародителей”, после чего одна часть станицы выходила против другой “на кулачки” [281. С.729]. В д. Заречье Городокского у., по сообщению “Витебских губ. вед.”, в первый день Масленицы “существует обычай поминать деда”, после чего крестьяне “пробуют силу своих кулаков” [265]. Вспомним также большое число сообщений о состязаниях кулачных бойцов рядом с кладбищами и о боях на “катушках” – горках, холмах, возвышенностях. Приведенные этнографические сведения вместе с историческими и археологическими материалами дают полное основание считать традиционные рукопашные состязания составной частью древнего культа предков восточных славян и, в частности, важным элементом их погребального обряда – тризны.

*ав) Рудименты состязаний борцов и кулачных бойцов
в составе свадебного обряда*

Имеются материалы, позволяющие говорить о связи традиционных рукопашных состязаний со свадебным обрядом славян. Рассмотрим сообщение И.М.Снегирева о вьюнинах – дне Пасхальной или Фоминой недели, когда поздравляли молодых супругов, обвенчавшихся в прошедшем году. В Семеновском у. Нижегородской губ. на вьюнины “обойдя с песнями молодых в своей и окрестных деревнях, к вечеру все партии собираются в какое-нибудь село, где... веселятся по-своему, то есть играют с девками в хороводах, борются и дерутся на кулачках” [555. С.214]. По данным Л.А.Тульцевой, тоже отметившей обычай таких состязаний, в центральной России вьюнишники отмечались более или менее однотипно [605. С.132]. Полагают, что вьюнины – весенний обычай, сочетающий календарную обрядность с элементами свадебной (вьюнины были как бы завершением бракосочетания), представляют пережиток древнего обряда перехода новобрачной в род мужа, позднее ставшего обрядом приема новых членов сельскую общину, перехода в новую семейно-возрастную группу [560. С.134,136,141]. В этой связи привлекает внимание точка зрения ряда этнографов, согласно которой состязания двух партий на народных праздниках имеют своим истоком институт дуально-родовой организации древних общин [62. С.118,119; 206. С.148; 583. С.47; 593. С.83].

В связи со сказанным уместно вспомнить, что соперничество, состязания двух партий – жениха и невесты – характерны для свадебных обрядов многих народов и среди распространенных форм такого противоборства в XIX – начале XX в. – кулачный бой и борьба

[112. С.149-150; 234. С.160-161; 244. С.422; 351. С.166; 378. С.150; 575. С.254; 623]. В то же время нередко в состязаниях на свадьбах бойцы и борцы не разделяются на партии, выясняют личное первенство [14. С.13; 81. С.66; 126. С.32-33; 203. С.84-85; 620. С.49]. Большая часть имеющихся у нас материалов о борьбе и боях на свадьбах у восточных славян сообщает о личном характере состязаний. Так, поединки борцов устраивались в середине XIX в. на свадьбах донских казаков [242. С.41]. По свидетельству Ф.В.Берхгольца, в Москве на праздновании свадьбы в доме купца хозяин “заставлял работников своей полотняной фабрики... драться на кулачки”. “Эта игра, – отметил он, – одна из любимейших у русских, которые в ней необыкновенно искусны” [46. С.228]. Состязания борцов на свадьбе у русских Среднего Поволжья красочно описаны А.М.Горьким [135. С.123]. “У белорусов Витебской губернии, – сообщает В.А.Мошков, – на свадьбе борются и играют в перетяжки” [378. С.150]. Вместе с тем есть свидетельства и о противоборствах партий. В Троицком у. у оренбургских казаков в первый день свадьбы “происходит, для потехи гостей, рукопашный спор между поезжанами и родственниками невесты” [557. С.5]. “В Малороссии”, по данным Н.Ф.Сумцова, партия жениха “в примерной драке” сходится с защитниками двора невесты [581. С.15]. Есть конкретное сообщение о таких “бійках”, “побоевищах” на Черниговщине [321. С.116]. В начале XX в. у донских казаков на вечеринках перед свадьбой в невестинной станице партия жениха нередко вступала в бой с партией местной молодежи “из мести за отбитую любушку, а то и просто из удали” [320. С.21-22].

Привлекают внимание и былинные сюжеты о сватовстве, где встречаются сцены схваток борцов и кулачных бойцов, представляющих партии жениха и невесты. Так, в былине “Дунай сватает невесту князю Владимиру” Дунай соревнуется в борьбе с “королем ляховиньским”, ловким приемом побеждает его и тот отдает “Опраксею-королевицну” в жены князю Владимиру [171. С.137]. Подобные описания нередки [74. С.305; 77. С.84]. Одна былина прямо указывает, что борцы состязаются именно на свадьбе:

“Говорит Владимир стольно-киевской...

Говорит Васильюшку Окуличу:

“Молодой Васильюшка Окулович

Не угодно ль со борцами поборотися,

А во время этой нашей свадебки...”

(“Ставер Гоудинович и Василиса Микулична” [77. С.242]).

Напомним, что в разных вариантах (в том числе украинских и белорусских) песни о Кострюке, лежащее в основе сюжета состязание в борьбе (реже – в кулачном бою) между ним и двумя братьями про-

исходит на свадебном пиру, а борцы фактически представляют стороны жениха и невесты [48. С.154-155; 558. С.64.67; 611. С.43]. Б.Н.Путилов считает характерным для песни то, что “художественная фантазия, столь щедро разлившаяся в описании борьбы, не противоречит бытовой правде, напротив – песня изображает русскую народную борьбу предельно конкретно и точно” [467. С.154].

Состязания борцов на свадьбах устраивались и у других славянских народов. Так, “между болгарите на сватби... за спечелване на невести и определяне на войводе са се провеждали състезания на “суха” борба” [431. С.125; 432. С.94].

“Без нази сватба не става,

Се ходим вино да пием

И борба да се борите...” [431. С.127].

– распевали борцы перед схваткой. Такой же “не по-малко интересень обичай” бытовал у болгар в Бессарабии, где борьба шла за приз “отъ родителите на младоженца” [588. С.260].

В связи со свадебными состязаниями вызывает интерес значительное число сообщений о сочетании соревнований борцов и бойцов на народных праздниках у русских и украинцев с хороводами, танцами и пением девушек. Так, из воспоминаний маршала Б.М.Шапошникова узнаем, что в Красноуфимске “весной, обычно за неделю до праздника Троицы: на одной из площадей города... девушки водили хоровод, а молодые парни образовывали круг и боролись” [642. С.45-46]. В станице Кавказской Кубанской обл. “в прежнее время, – сообщает О.М.Дикарев, – парни производили кулачный бой... в присутствии девиц, устраивавших при этом общий хоровод”. Притом “бой идет во все время пения хоровода” [163. С.15,51]. В сообщении из Моложского у. говорится, что “в двенадцатые праздники” парни “особенно стараются показать свою ловкость... они борются... тут же хороводы девок” [459. С.163,164]. В Тюмени в начале XIX в. в Семик “происходит борьба, поют песни” [21]. У украинцев слободы Попасной Богучарского у. на Рождественских святках и Пасхе “танцуют молодьож по парі... А парубки навкулачки грають... Або боряться: хто подужа, то самий сильніший” [161. С.191]. Такие свидетельства нередки [101. С.273; 195. С.157; 309. С.185,186; 326. С.714; 348. С.293; 367. С.14; 418. С.781-782; 586. С.381; 639. С.87]. То же описано П.И.Мельниковым в романе “На горах”. “Подростки” сходятся в кулачном бою, “а хороводы идут своим чередом”. “Возрастные парни из хоровода поглядывают, крепко ль их сторона держится, не пора ль им выходить на подмогу, на выручку. Един по единому покидают они круг девичий, выходят на бой ради своей молодецкой потехи”. При этом старики, наблюдающие за боем, кричат молодежи: “Дерись, де-

рись ребятушки. Плохо станете драться, невест не дадим” [355. С.569]. М.О. Дикарев видит в сочетании таких состязаний с хороводами пережиток “закона боя” – ситуации в раннем человеческом обществе, когда спор из-за женщин решался борьбой претендентов в схватке на смерть. Пение и музыка хоровода здесь, по его мнению, “употребляются как любовный призыв” [163. С.17,51]. Нам эта точка зрения представляется упрощенной. Известно, что физическая сила, ловкость и т.п. качества издавна были в крестьянском быту важнейшим критерием оценки достоинств мужчины. Сила, здоровье, ловкость необходимы как в трудовой и военной деятельности, так и для создания семьи, ее защиты, успешного выполнения функции продолжения рода. Как отмечал М.В.Довнар-Запольский, “человек, признанный зрелым и способным быть мужем, должен однако фактически доказать свою возмужалость тем или иным способом... от вновь призванного члена требуется именно сила и военная сноровка, способность быть воином, умеющим защищать свою будущую семью и добыть ей пропитание” [173. С.114]. В приведенных выше свидетельствах виден, на наш взгляд, пережиток какого-то древнего обычая, праздника, где происходило знакомство, общение полов, оценка и предварительный выбор партнера для будущей семейной жизни, а также доказательство молодыми мужчинами своего права на создание семьи.

Ряд сообщений прямо указывает на большой интерес, проявляемый женщинами к состязаниям мужчин. Так, в с. Брутове Владимирского у. на боях женщины “подстрекают бойцов, смеясь над поверженными, и похваливая победителей. Бойко дерется – хорош парень, складывается мнение” [121. С.3]. В Сольвычегодском у. победителю состязаний в борьбе “красивейшие девки” надевают на голову “венки из цветов” [692. Л.24]. В Белоруссии бои привлекают многих женщин “полюбоваться на своих молодцов” [486]. В Тюмени “среди зрителей много бывает детей, а в особенности женщин, с большим интересом следящих за разными перипетиями боя” [94]. В селах Воронежского у. среди зрителей присутствуют “главным образом женщины... девушки разряжены по праздничному” [616. №5. С.16]. В Орловском у. “женщины... зорко следят за ходом битвы и ободряют криком своих утомившихся мужей” [703. Л.3]. В древности реальная и непосредственная связь между силой, выносливостью, смелостью и т.п. качествами мужчин, которые вырабатывались и отчетливо проявлялись в традиционных рукопашных состязаниях, и будущим благополучием новой семьи, общины в целом, была совершенно очевидна. Это же, по-видимому, в значительной мере явилось и реальной основой отмеченного В.Н.Харузиной ритуально-магического смысла таких состязаний, входящих в свадебный обряд, “обыкновенно строго продуманный

и имеющий определенную в своей совокупности цель: содействовать благополучию молодых, деторождаемости, хозяйственному благополучию” [623. С.336].

Представляется, что впоследствии предполагаемый нами обычай выродился в известные “вечорки”, на которых обычно шло общение и знакомство парней и девушек, их взаимный выбор – по существу первый этап свадебного обряда. Вызывают интерес в этом плане сообщения о бытовании во многих местах у русских и украинцев обычая устраивать на “вечорках” именно состязания в борьбе [693. Л.9; 33. С.36; 161. С.191; 342. С.177-179; 686. Л.12]. Состязание борцов на “вэчурке” у белорусов составляет основу сюжета рассказа З.Бядули “Буслы” [78]. Бой “раз за раз” на “вечерке” у забайкальских казаков описан В.И.Балябиным в романе “Забайкальцы” [42. С.19]. О состязаниях борцов на “вечерах” говорится в “Поучении митрополита Даниила” (первая половина XVI в.): “Аще нарекутся пирове или вечера, или гусли, или свирели, или песни... и стекутся на злый той путь и борются на злем том собрании, не якоже христианом подобает, но якоже поганым” [цит. по 36. С.342].

Возможно в связи с предполагаемым обычаем стоят описания в русских былинах, песнях, сказках предбрачного испытания жениха в физической силе, соревнования претендентов на невесту в борьбе, “кулачках”. Так, в былине “Михайло Потык” красавица предлагает претендентам на ее руку:

“Ай же вы сорок царей, сорок царевичев,
Сорок королей, сорок королевичей!
Бросайте-тко друг друга:
Кто может бросить всех до единого,
За того я и замуж пойду” [414. С.375].

Сходный сюжет есть в хороводной игровой песне из Калужской губ. Здесь “неженатые” добрые молодцы “разбрались”

“За одну душу, красну девушку,
Выходила к ним, говорила им;
Уж вы молодцы разудалые,
Вы не ссорьтесь, разойдитесь...
Вы померяйтесь, похватайтесь,
Одному кому-нибудь я вам достануся” [648. С.70].

Обычай состязаться за невесту имел место, по данным Дж.Фрэзера и М.В.Довнар-Запольского, у многих народов [173. С.114; 619. С.181].

По-видимому, в глубокой древности кулачные бои и борьба входили в свадебный обряд славян и первоначально устраивались строго между представителями партий жениха и невесты, генетически отра-

жая дуальную организацию родового общества. Состязания эти были формой, в которую выливался конфликт двух родов из-за невесты, но конфликт не антагонистический, заканчивающийся обязательным согласием сторон, Пролитие крови на таких играх имело и ритуально-магический смысл – способствовало, в соответствии с синкретическими представлениями древних, как деторождаемости, благополучию общины, так и аграрному плодородию. “Вместе с обеспечением семейного благополучия, – отмечает В.Я.Пропп, – совершение брака, как это ни странно для современного мышления, считалось нужным в целях воздействовать на плодородие земли” [462. С.53-54]. Позднее, с разрушением дуально-родовой организации, состязания постепенно могли принимать личный характер. В них претенденты подвергались испытаниям в силе, ловкости, решительности и т.п., то есть доказывали свое право на создание семьи. Такие испытания, по мнению Е.Г.Кагарова, входя в свадебный обряд, знаменовали акт перехода мужчины в члены новой общности и родственны обряду инициаций [232. С.193]. Постепенно смешался и ритуально-магический смысл состязаний. Аграрно-магическая сторона их заметно оттесняется второй идеей – весеннего игрища, сватовства, выдачи девушек замуж, деторождаемости, благополучия.

С последней идеей связано, как представляется, и неоднократные отмеченные этнографами “игровое соперничество и борьба полов”, присутствующие, по данным С.А.Токарева, “почти на всех народных праздниках, во всех памятных днях сельскохозяйственного года” [592. С.98]. У восточных славян такое противоборство фиксируется, хотя и нечасто, в форме традиционных рукопашных состязаний. Так, по сообщению из станицы Павловской Кубанской обл., там на Рождество парни устраивали соревнования в борьбе между собой, а “як коли, то й з дівчатами. Раз таким робом як почали хлопці боротися з дівчатами, вишукалась така дівчина, шо який парубок надійде до неї, то вона його “так і брякне об лід”. Та насилу вже знайшовся такий, шо як ударив її через голову об лід” [277. С.6]. В конце 40-х г. XX в., – извещает наш информатор В.В.Манцеров (с. Новокрасное Сапожковского р. Рязанской обл.), – одна из девушек его села, обладающая незаурядной физической силой, выходила состязаться с местными борцами на праздниках и многих из них укладывала на лопатки [756]. Д.А.Жуков в документальной биографии И.М.Поддубного приводит фрагмент интервью с сестрой выдающегося народного борца 80-летней Е.М.Поддубной: “Ох, молода бедова я была... У нас в селе часто боролись. Подставишь ногу ось так, и через себя кинешь. Любого мужика брошу” [188. С.16]. Описания состязаний в борьбе или кулачном бою между мужчиной и женщиной нередки в былинах. Так, в

былине “Дунай” изображена борьба “в охабоцьку” Дуная с Настасьей, и когда определился его перевес, Настасья говорит:

“Не губи, не казни ты Дунаюшко,

А возьми лучше за себя супружницей” [76. С.133].

Описания таких состязаний между парнем и девушкой нередки и в весенних хороводных игровых песнях, широко известных в разных местах России [648. №366-371; 553. С.76] и повествующих о том, как проезжий молодец заявляет девушке, что она будет его женой и предлагает:

“Пойди, выйди, девушка,
Выйди за ворота,
Со мной, с молодцем,
Со мной поборотися,
- Не хвались, молодец,
Своею красотой,
Силою большою.
Вот я тебя, молодец,
Сейчас обезчещу
При всем при миру,
При всем при народе,
При большом корогаде
Как девушка молодца поборола:
Пуховую шляпушку
Долой сшибала
Смур кавтанчик на ем заваяля” [648. №365].

Интересно также сообщение о свадебном обряде в с. Сергиевском Новоторжокского у. При венчании священник расстилает “около налож платок, называемый подножками”, после чего “начинается между женихом и невестой борьба ногами, которая нередко продолжается более минуты... кто кому наступит на ногу, тот будет повелителем над другим” [722. Л.29-30].

Состязания в борьбе между полами неоднократно описаны классиками восточнославянских литератур. Так, персонаж повести С.В.Васильченко задает девушке вопрос: “А чи правда, Марто, що ти в своєму сели всіх парубків борола?” [82. С.83]. Героиня Н.Г.Гарина-Михайловского Акулина во время передышки на жатве “схватилась с каким-то парнем, и пошла у них возня. Акулина только кричит: охота свалить парня, и шепчет она, стиснув зубы: “Врешь, одолею”. И хохот же, когда брякнется о землю парень, а Акулина сверху” [109. С.314].

---

* “Корогод” – хоровод (155. С.561). Вспомним также отмеченные нами хороводы, сопровождавшие состязания борцов и кулачных бойцов.

Приведем и отрывок из “Поднятой целины” М.А.Шолохова: “Однажды на мельнице в Тубянском Марина взялась бороться с одним здоровым на вид казаком, и, к вящему удовольствию присутствовавших, повалила его да еще и окончательно прибила, прямо-таки уничтожила острым словом” [652. С.226]. Опираясь на приведенные материалы, допускаем возможность существования в древности у славян обычая ритуальной борьбы жениха и невесты. По крайней мере такой обычай отмечен у некоторых народов [323. С.18; 451. С.195]. Магический смысл этой борьбы лежит, по-видимому, в представлении о контакте полов как источнике всего живого и, следовательно, находится в общем русле свадебных ритуалов – содействовать деторождаемости, плодородию, процветанию семьи.

Подведем итоги этого раздела. Мы зафиксировали широкое бытование традиционных кулачных боев и борьбы на зимних и весенне-летних календарных праздниках восточных славян и реликты магических представлений о воздействии ритуального пролития крови в таких состязаниях на аграрное плодородие, деторождаемость и хозяйственное благополучие, а также установили связь этих народных игр с остатками культа предков, выявили их рудименты в составе поминальных, похоронных и свадебных обрядов. Бытование одного и того же этнографического явления при всем разнообразии в обстоятельствах, сроках, деталях и т.п. предполагает, по мнению В.Я.Проппа, общую основу, на которой оно возникает и функционирует [461. С.292]. Рассмотренные в этом разделе разноплановые свидетельства и различные на первый взгляд точки зрения на этнографическую трактовку обычая рукопашных состязаний дают основание, как представляется, заключить, что в нашем случае такую общую основу составляют идеи магического воздействия ритуальной борьбы на плодородие, деторождаемость, жизнеспособность, хозяйственное благополучие, а также возможность реального воплощения этих идей прежде всего сильной, смелой, решительной частью мужского населения. Через традиционные состязания в борьбе и кулачном бою прослеживается, следовательно, зримая связь между календарной и семейной (поминальной, свадебной) обрядностью восточных славян. Это хорошо увязывается с концепцией К.В.Чистова, согласно которой для архаичного состояния аграрной и брачной обрядностей славян характерны синкретизм и гармония аграрной и брачной магии, их взаимозаменяемость и взаимопроникновение [635. С.15]. Со временем жизненно важное в далеком прошлом ритуально-магическое содержание состязаний постепенно отмирает, сохраняются лишь его следы, функционирование же этих народных игр остается только в сферах реального обеспечения жизнедеятельности.

б) Функционирование в древних механизмах социализации

ба) Рукопашные состязания в составе древних инициаций

В эпоху родовой общины важное место в сферах воспитания и социализации принадлежало возрастным инициациям [226. С.288; 227. С.223] – трудным испытаниям, знаменующим переход из одной возрастной категории в другую. Учитывая древность обычая состязаний в борьбе и боях, присущее им максимальное напряжение физических и морально-волевых сил человека логично предположить использование этих игр в качестве элемента древних инициаций. В этом плане привлекает внимание ряд сообщений о состязаниях между младшими и старшими по возрасту мужчинами. В Тюменском у. на Петровское яичное заговение “в разгар веселья... обязательно борются мужики с холостыми парнями” [131. С.10]. В Никольском у. “сами мужики борьбу затевают очень редко. Обыкновенно парни начинают подтрунивать над мужиками, желая их вызвать на борьбу”. Лишь после того, как младший долго и настоятельно повторял вызов, старший соглашался состязаться [691. Л.23-24]. В Винницком у., согласно сообщению А.Г.Мазура, такой вызов на борьбу должны были поддерживать окружающие, причем парень, вызвавший мужчину, предварительно должен быть признан сильнейшим среди молодежи [330. С.26,28-29]. По воспоминаниям поэта В.Д.Федорова, в с. Марьевке на Алтае на праздниках его дед до 70 лет обычно проверял силу молодых парней, вызывая их состязаться в борьбе [615. С.7-8]. В случае победы младших они признавались обществом как взрослые мужчины. Такие состязания младших со старшими описаны и в художественной литературе. Кулачный бой “стенка на стенку” на Масленице между холостыми и женатыми казаками упомянут М.А.Шолоховым в “Тихом Доне” [654. С.200]. Н.В.Гоголь красочно изобразил кулачный бой между Тарасом Бульбой и Остапом [123. С.31-32]. Сюда же относится описание боя “раз за раз” старого Челяка с Ванюшкой в романе С.Г.Скитальца “Кандалы” [522. С.181] и поединок в борьбе отца и сына Буслов в рассказе З.Бядули [78]. В таких состязаниях младших со старшими, по мнению М.М.Громыко, “присутствовало и представление о возможности магической передачи... свойств зрелости через соприкосновение” [146. С.77]. Отметим здесь существовавшее в Мунтении народное поверье, что состязание в борьбе в крещенский вечер юноши-иордэнатора (ему покровительствует св. Ион) со взрослым мужчиной придает последнему силы [503. С.297].

У черногорцев, по данным Е.Н.Водовозовой, еще в середине XIX в. борьба и кулачный бой входили в комплекс испытаний при посвящении в юнаки [95. С.112]. У словаков Моравии состязания в борьбе определяли, достоин ли один из соперников называться взрослым парнем. Характерен при этом вызов на борьбу: “А парень ли ты?” [58. С.329]. В Тверском у., согласно сообщению Н.Лебедева, “обычай при вступлении в возмужалость” включают состязания, на которых “возмужалые парни... стараются показать, особенно перед хороводом девок, чудеса храбрости и силы” [309. С.186]. Известно, что подобные мужские состязания входят в состав обычая инициаций у многих народов, стоящих на низких ступенях общественного развития [43. С.57-59; 156. С.182; 176. С.22; 451. С.126,148]. Принимая во внимание существование четкого возрастного деления в изучаемых играх, можно, на наш взгляд, трактовать приведенные выше материалы как пережиток древнего обычая инициаций у восточных славян.

бб) *Черты древних мужских союзов в структуре состязаний*

Еще С.А.Токарев обратил внимание на то, что в традиционных состязаниях мужских коллективов прослеживаются “реликты мужских организаций” [591. С.196,197]. Ряд типичных черт кулачных боев у русских – общинный характер демонстрации силы и удали, объединение мужчин на военизированной основе, возрастная иерархия и определенная роль каждой возрастной группы в игре, строгие правила поведения бойцов, символичность битвы, широкое бытование “кулачек” – дают основание, как убедительно показано Т.А.Бернштам, видеть в их организации трансформированный реликт мужских союзов [54. С.93-96]. Такие же черты, как мы выяснили, присущи кулачным боям у украинцев и белорусов, а также другим народным видам спортивной борьбы. Мужские союзы индоевропейских народов, по данным исследователей, “в большей мере были ориентированы на функции военной дружины” и обычно тесно связаны с культом предков [226. С.417-420]. Напомним в этой связи о рассмотренных ранее военно-прикладной роли и месте традиционных рукопашных состязаний в составе культа предков и погребальном обряде древних славян.

Одна из основных функций мужских союзов состоит в социализации мужской молодежи и здесь их связь с обрядностью инициаций представляется исследователям очевидной даже когда эти союзы выступают как реликтовое явление [226. С.238]. В этом плане интересны и такие характерные черты состязаний, как повышение по старшинству роли каждой возрастной группы в ходе игры, поступательный переход бойцов, борцов в следующее возрастное подразделение при достижении определенного возраста и если состязающийся не показал

себя трусом, проявил мужские качества. Полагаем, что все сказанное здесь дает веские основания видеть в организации таких состязаний черты древних мужских союзов у восточных славян.

в) Функция инструмента обычного права

Известно, что в XIII-XVI в. одним из средств судебного доказательства на Руси было поле – поединок бойцов, пережиток обычного права. Если истцом выступали женщина, малолетний, старик, увечный, монах, священник, немощный, то бойца для судебного поединка можно было нанять [579. Ст.52]. По свидетельству Г.Штадена, “на Москве было много бойцов, которые за деньги бились за каждого” [655. С.84]. Такие поединки велись и без оружия, посредством приемов борьбы и кулачного боя. Так, Р.Ченслер приводит слова одного истца: “Я могу доказать свою правоту своим телом и руками или телом моего бойца” [23. С.63]. Поле, по сообщению А.Олеария, могло вестись “врукопашную”, “руками и мышцами” [413. С.83-84]. На бытование судебных поединков без оружия указывают и исследователи [306. С.328-329; 314. С.64; 398. С.128].

Реликты обычая решать спорные вопросы поединком борцов или кулачных бойцов сохранялись в крестьянском быту и в XIX в. Одним из характерных в ряду свидетельств об этом является сообщение конца XIX в. из Череповецкого у. о споре крестьян деревень Аннино и Хмелины из-за спорного мохового болота с островками, поросшими хорошим лесом. Из-за болота у крестьян нередко были “драки”, что “надоело обеим сторонам”. Наконец аннинцы послали соперникам вызов: “Выберите из своей деревни лучшего борца и пусть он потягается с нашим. Чей борец одолеет, тех и будет мох”. На поединке “хмелинский борец... повалил своего противника” и тем решил спор в пользу односельчан [28. С.132-133]. По другому характерному свидетельству, в соседнем с лермонтовскими Тарханами с. Среднеречье крестьяне поспорили из-за очереди на мельнице. Назревала ссора, которая “легко могла перейти в драку”. Мельник, “привыкший к подобным ситуациям”, предложил каждой артели выставить по бойцу и решить спор кулачным боем “раз за раз”. Кто победит, “та партия и насыпает зерно первой” [617. С.246-247]. Подобных сообщений немного, такой обычай не был в XIX – начале XX в. широко известен и встречался лишь как пережиток.

3. Оценка возможностей использования на практике народных видов спортивной борьбы в современных условиях

На фоне общего оживления интереса к народной культуре изучение, мобилизация и рациональное использование ее достижений представляет актуальную задачу [210. С.213].

Не нуждается, очевидно, в доказательстве, что с отмиранием традиционного уклада кулачный бой как средство воспитания, развлечения и т.п. изжил себя. В историческом плане отметим, опираясь на авторитетное свидетельство К.В.Градополова, что лучшие бойцы-“стеночники” в 1920-х г. успешно выступали в состязаниях боксеров самого высокого уровня и внесли вклад в становление советской школы бокса [139. С.60-61,67].

Что касается борьбы, то, по нашему мнению, возможности этого традиционного вида состязаний далеко не исчерпаны. В отличие от кулачного боя в ней нет ударов и других действий, опасных для здоровья человека. Ценность борьбы как средства воспитания признавалась классиками педагогической науки – Я.А.Коменским, И.Г.Песталоцци, К.Д.Ушинским, П.Ф.Лесгафтом и другими [228. С.44,45,49,104,116; 296. С.121,156,183].

В ряде регионов СССР – Казахстане [40], Узбекистане [298], Татари [340], Грузии [104], Бурятии [419], Киргизии [374], Хакасии [345], Якутии [194], Армении [774], Таджикистане [594], Туркмении [524], Молдавии [491] и некоторых других эта народная игра сегодня успешно применяется для целей воспитания и физической подготовки молодежи.

Успешно используются традиционные виды борьбы и в некоторых других странах – Болгарии [80. С.465], Монголии [410], Японии [670], Англии [682. р.34-38], Швейцарии (германо-швейцарцы [504; 678. р.198-205]), Испании [675. р.80-87], Македонии [672. р.228-235], у кельтских народов [67].

Везде состязания приурочиваются к народным праздникам, например, к праздникам урожая, собирают много зрителей.

Еще до революции в Оршанском четырехклассном городском училище приемы белорусских народных видов борьбы изучались на уроках гимнастики [728. Л.1-5]. В настоящее время широко распространена борьба “на поясах” в Донецкой обл. Украины, где имеется сеть кружков и состязания приурочиваются к традиционным праздникам [125]. Есть попытки развития народных русских видов борьбы Клубом энтузиастов борьбы в Москве [221], Клубом друзей народной игры (г. Одинцово) и в Рязани, где состязания устраиваются на празд-

нике “День города”. Эти, хотя и небольшие опыты, а также отмеченные выше обстоятельства убеждают в возможности и целесообразности использования традиционных видов борьбы в качестве элемента народных праздников и для физической подготовки молодежи, ее воспитания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель настоящей работы состояла в комплексном, всестороннем исследовании древнего народного обычая состязаний в борьбе и кулачном бою у русских, украинцев, белорусов – известного на протяжении длительного исторического периода и, в то же время, малоизученного явления традиционной культуры.

Один из основных и неисследованных до этого вопросов – насколько широко бытовали такие состязания и каково их географическое распространение в XIX – начале XX в. Рассмотрение этой проблемы на базе массового этнографического материала посредством его количественного анализа, табулирования и картографирования позволило аргументировано показать, что традиционные кулачные бои и борьба были в это время широко известны у восточных славян. В частности установлено, что вопреки устоявшейся точке зрения кулачные бои бытовали и на территории Правобережной Украины по границу с польскими уездами. Впервые предпринятое изучение динамики этого этнографического явления обнаружило, что в течение XIX – начала XX в. под воздействием социально-экономических факторов обычай традиционных рукопашных состязаний постепенно утрачивал свой социальный статус. Это, однако, выразилось лишь в виде тенденции, причем в отношении состязаний в борьбе она проявилась очень слабо. Здесь же установлено, что в последней трети XIX в. в крупных городах и промышленных центрах сложились условия – концентрация больших масс рабочих – вчерашних крестьян при сохранявшемся в большой мере традиционном укладе – способствовавшие широкому бытованию исследуемых игр на рабочих окраинах, в результате чего отмеченная тенденция утрачивала там, как правило, свою силу.

Привлечение массового этнографического материала к изучению вопроса о традиционных сроках проведения состязаний и их приурочивании к народным праздникам позволило впервые установить, что наряду с широко известным бытованием боев на зимних календарных праздниках и Масленице, они часто устраивались на праздниках весенне-летнего цикла, в воскресные дни и в период Великого поста. В целом же бои могли проходить в воскресные и праздничные дни в течение всего николевско-петровского полугодия. Также впервые удалось выяснить традиционное приурочивание состязаний в борьбе – в основном к Масленице и весенне-летним праздникам. Существенно новым явилось составление карты-схемы традиционного приурочивания состязаний, что позволило обнаружить имевшие место в этом плане многочисленные местные особенности, региональные и этнические различия. Результат изучения этого вопроса – гипотеза о возмож-

ности существования в древности у славян дохристианского цикла праздников, охватывавших зимний и весенне-летний периоды и сопровождавшихся борьбой и кулачными боями, которые, составляя устойчивый компонент этой праздничной структуры, имели и какое-то общее назначение.

Выяснив, что изучаемые состязания в XIX – начале XX в. широко бытовали у восточных славян, мы предприняли комплексное всестороннее исследование содержания традиционных боев и борьбы, которое позволило составить возможно полное представление об этих народных играх. Здесь впервые осуществлено комплексное рассмотрение правил отдельных видов состязаний. Установлено, что основное назначение их состояло в регламентации соревнований (начало игры, основные этапы ее, определение победителя), создании условий для честной борьбы, предотвращении травм, увечий, воспитании гуманного отношения к сопернику, что нарушение правил, отразивших традиционные морально-этические нормы, осуждалось и преследовалось обществом.

Выявлено, что среди различных видов традиционных мужских состязаний выделяется по широте бытования, по числу участников (нередко более тысячи человек с каждой стороны): по сложности структуры кулачный бой «стенка на стенку». Противоборство в нем четко разделено на три этапа – «зачин», основная часть, финал игры; реализация каждого этапа и переходов от одного этапа к другому имели много вариантов. Довольно сложно построение самой «стенки». Исследование структуры боя «стенками» обнаружило, наряду с отмеченными Н.П.Новоселовым (поединок перед боем, тактика наступления клином, членение «стенки» на три части по фронту и порядок ее построения, выделение резервов, выдающаяся роль «силачей»); еще ряд особенностей, связанных с древнерусским военным делом: боевые кличи, бытование в игре военной терминологии, богатство тактических приемов (вместе с ударом клином наступление на одном или обоих флангах, сочетания этих тактических приемов), правило «биться лицом к лицу, грудь с грудью», ключевая роль командира «стенки» («атамана», «вожака»), военный совет перед состязаниями, где планировались стратегические и тактические задачи предстоящей игры, звуковая система управления «стеною».

Изучение арсенала способов борьбы и кулачного боя, их общих и локальных названий, типологизация приемов позволяют утверждать, что в совокупности они составляют богатство и многообразие средств рукопашного противоборства.

Бытование разных форм организации состязаний, многообразие тактических действий, существование определенных методов подго-

товки борцов и бойцов к соревнованиям (включая архаичные заговоры на победу и сопровождавшие их ритуальные действия) и выявление (на разных уровнях – деревня, село, фабрика и т.д.) сильнейших из них. наличие призов и закладов для победителей, института профессиональных атлетов, рекрутировавшихся из простонародья, наряду с отмеченным уже, свидетельствуют о богатстве содержания традиционных рукопашных состязаний восточных славян и высоком уровне их развития.

Анализ признаков, служивших основанием для разделения состязающихся на партии, показал, что определяющим здесь были территориальные, профессиональные, сословные и этнические мотивы, которые нередко переплетались, выступая в виде территориальных и профессиональных, сословных и профессиональных, территориальных и этнических и т.п. Ряд факторов позволяет усматривать глубокие корни такого деления в дуально-родовой организации древних славянских общин.

Сравнительное рассмотрение традиционных правил и содержания исследуемых состязаний позволило впервые осуществить типологизацию народных видов спортивной борьбы. В пределах имеющегося этнографического материала выявлено два типа и целый ряд видов, разновидностей и большое число локальных вариантов таких игр. В частности, у русских обнаружено бытование четырех видов борьбы и столько же видов кулачного боя, в том числе двенадцать разновидностей этих состязаний. У украинцев нам известно два вида боя и три вида борьбы. Один вид борьбы («на пояски») имел разновидность. У белорусов бытовало два вида кулачного боя и три вида борьбы, притом в составе последней – четыре разновидности. Выявленное многообразие обусловлено, на наш взгляд, особенностями исторического развития восточнославянской этнической общности на огромной территории в условиях постоянной военной опасности при длительном сохранении пережитков феодальной замкнутости. Типологизация, привлечение массового этнографического материала и также впервые предпринятое картографирование отдельных типов и видов борьбы и кулачного боя позволили наметить ареалы их бытования.

Сравнение содержания отдельных типов и видов традиционных рукопашных состязаний у русских, украинцев и белорусов показало, что различия здесь имеют частный характер, находятся на уровне локальных особенностей и, следовательно, в этом плане налицо примат общего над особенным, в основе чего лежит общность исторических судеб восточнославянских народов и их традиционных культур.

Сопоставление традиционных видов спортивной борьбы восточных славян с аналогичными мужскими состязаниями ряда народов

Европы и Азии выявило несомненную близость большинства их к подобным элементам традиционной культуры европейских народов.

Рассмотрение состава участников состязаний показало, что в XIX – XX в. борьба и кулачные бои бытовали в основном среди непривилегированных сословий и, следовательно, они несомненно являлись подлинно народными играми. Отмечено, однако, участие в них отдельных представителей дворянства. Выяснено, что участниками таких состязаний были и некоторые выдающиеся представители восточных славян.

Установлено также, что обычай традиционных состязаний в борьбе и кулачном бою широко бытовал не только в основном этническом ядре русских, украинцев, белорусов, но и в различных этнографических группах этих народов.

Ряд архаичных элементов в содержании состязаний, выявленных в ходе исследования, – возрастное деление, обычай поединка, выбор поля боя вблизи кладбищ и на возвышенностях, заговоры на победу в противоборстве и сопровождавшие их ритуально-магические действия и другие – указывает на то, что корни этих народных игр уходят в глубокую древность.

Изучение социальных функций традиционных рукопашных состязаний в XIX – XX в. обнаружило, что одним из важнейших и наиболее устойчивых на протяжении столетий следует признать их военно-прикладное назначение. Ранее неоднократно отмечалось большое значение кулачных боев и борьбы для военного дела. Н.П.Новоселовым исследован ряд военно-прикладных сторон боя «стенка на стенку». Мы существенно расширили изучение этого вопроса. В частности, здесь обнаружены новые военные параллели, углублен в рассматриваемом плане историко-этнографический анализ состязаний. Выявлено военно-прикладное значение других видов кулачного боя и борьбы. Приемы противоборства с древности успешно применялись в рукопашном бою, предварительная же тренировка оттачивала эти приемы и одновременно вырабатывала ряд необходимых воину качеств и навыков. Притом бойцы усваивали начала тактики и военной дисциплины. Все это при широком распространении изучаемых состязаний явилось, как представляется, фактором, оказавшим большое влияние на формирование известной традиции рукопашного удара русской пехоты.

Важная и устойчивая сфера функционирования изучаемого элемента народной культуры – использование в числе средств традиционного воспитания в мужчине необходимых в повседневной жизнедеятельности физических, волевых, моральных качеств и, следовательно, выполнение им функции социализации. Создавая модель пол-

ного проявления указанных качеств, максимального напряжения всех сил, состязания объективно выполняли функцию контроля уровня их развития и эффективности в целом этого элемента традиционной культуры как инструмента воспитания. Субъективно борьба и бои воспринимались современниками как досужее, праздничное развлечение мужчин и были массовым, любимым народным зрелищем. Они оказывали на людей сильное и разностороннее эмоциональное воздействие, одна из сторон которого состояла в отвлечении от повседневного тяжелого быта, в коренном переключении эмоционального настроения бойцов, борцов, зрителей и, следовательно, в компенсации физической и эмоциональной усталости, восстановлении сил. Являясь компонентом традиционной праздничной структуры, такие состязания были средством общения, сплочения коллектива, «мира», общины. В целом эти народные игры имели ярко выраженный полифункциональный характер.

Обнаружение ряда архаичных элементов в структуре традиционных рукопашных состязаний послужило основанием для историко-этнографического исследования их древних функциональных реликтов, сохранявшихся в той или иной мере в XIX – начале XX в. Одна из наиболее интересных здесь – ритуально-магическая, обрядовая функция. Выявление тесной связи остатков магических представлений восточных славян о воздействии пролития крови, ударов в ритуальной борьбе, устраивавшейся именно в николюско-петровские календарные сроки, на аграрное плодородие, жизнеспособность и хозяйственное благополучие в целом со следами бытования этих игр в составе обрядов поминовения умерших предков и в свадебных обычаях, где пролитие крови должно было магически обеспечить благополучие предков – покровителей общины в одном случае, а в другом – деторождаемость и жизнеспособность новой семьи, позволили увидеть в этих магических идеях и в возможности их реального воплощения прежде всего сильными, смелыми, здоровыми мужчинами основу раннего бытования таких состязаний и проследить связь между календарной и семейной обрядностями восточных славян.

Выявлены и рудименты присутствия традиционных рукопашных состязаний в составе древних инициаций мужской молодежи, а в организации участников игры явно видны черты древних союзов мужчин, что указывает на употребление этого элемента народной культуры в архаичных механизмах социализации. В качестве реликта удерживалось и использование приемов рукопашного противоборства как инструмента обычного права.

Оценка современных возможностей таких состязаний показала, что второй тип противоборства – борьбу – допустимо и целесообразно

использовать сегодня на практике как компонент народных праздников, а также для воспитания и физической подготовки молодежи.

Результаты исследования позволяют наметить основные этапы эволюции обычая состязаний в народных видах кулачного боя и борьбы от зарождения этого явления в глубокой древности до времени его отмирания. Полагают, что древнейшие корни состязательных игр находятся в биологическом прошлом человека [127. С.143]. Элементы борьбы без оружия как осознанная деятельность людей возникли, по-видимому, еще в первобытной древности. Ключевую роль здесь играл труд, в особенности один его вид – охота, предъявлявшая высокие требования к развитию физической силы и ряда двигательных навыков – бега, прыжков, лазания, захватов, ударных действий, подъема тяжестей и т.п. Наряду с этим первобытный человек нередко должен был защищать свою жизнь, используя прежде всего естественное средство – свои руки и ноги. Осмысливание опыта успешной охоты и защиты от нападений позволило человеку установить непосредственную связь между предварительной тренировкой, подготовкой к этой практической деятельности и результатами последней. Такое осмысливание положило начало процессу постепенного отделения различных движений от утилитарной производственной основы и превращение их в отвлеченные действия – игру, состязания, инструмент подготовки к жизнедеятельности. Элементарные захваты, приемы, удары, являясь средством подготовки к труду, вместе с тем успешно применялись в ходе «древней войны племени против племени», составлявшей в первобытном обществе побочную ветвь трудовой деятельности, направленную на охрану и удержание объективных условий существования. Уже в глубокой древности рукопашные состязания служили традиционным средством воспитания, социализации, физической подготовки, контроля ее уровня.

С прогрессом общества, развитием земледелия обострилась борьба за лучшие земли. Постепенно в системе воспитания, подготовки к жизнедеятельности состязательные игры, вырабатывавшие навыки и качества, необходимые в боевых условиях, стали занимать все большее место. В течение веков человек искал и на практике находил рациональные приемы рукопашного противоборства, которые обеспечивали победу с наименьшим риском и затратой сил. Такие приемы накапливались, совершенствовались и, вместе с трудовыми навыками, передавались из поколения в поколение, постепенно складываясь в систему.

Трудности повседневной борьбы за существование, зависимость человека от природы обусловили то, что в глубокой древности параллельно с чисто практическим назначением, состязаниям придавался

магический смысл, в основе которого лежали идеи ритуального пролития крови и ударов с целью обеспечить плодородие, деторождаемость, жизнеспособность.

В эпоху разложения родового строя роль военных предприятий в жизни общества возрастает, «война и организация для войны становятся... регулярными функциями народной жизни» [6. С.164]. Мужчины всех возрастов проводили совместные военные тренировки, одним из основных компонентов которых были традиционные рукопашные состязания, и на этой базе объединялись, по-видимому в рамках мужских союзов. Сложившаяся уже в значительной мере к этому времени система способов противоборства без оружия и состязаний имела, как нам представляется, нерасчлененное содержание и была, вероятно, похожа на бой «сцепляка-свалка» (напомним замечание Маврикия о войнах-славянах VI-VII в., которые «строю не знают» [328. С.182] с включением сюда индивидуальных приемов борьбы и кулачного боя. Отдифференцированная от трудовых и боевых условий, такая система утверждается как ведущее средство военно-физической подготовки и воспитания мужской молодежи, выполняя одновременно другие общественные функции. Постепенно возникла объективная необходимость в разделении состязаний на две ветви – кулачный бой и борьбу. Рост числа приемов, их усложнение привели к тому, что эффективное использование на практике потребовало специальной тренировки в каждом из способов рукопашного противоборства. Отделившись от боя, борьба была, как представляется, первоначально похожа на борьбу «не в схватку», где практически не ограничивались захваты тела и одежды противника.

Постепенно традиционные мужские состязания все более обособлялись от породившей их утилитарной целесообразности. Все более расширялась сфера функционирования этих игр. Вместе с преимущественно военно-физической и трудовой подготовкой они постепенно стали все шире использоваться для целей воспитания, развлечения, а также выполняли функции социализации, коммуникативную, обычного права и другие. Параллельно бытовало обрядово-ритуальное функционирование обычая таких состязаний. В рамках упомянутых магических воззрений они были неотъемлемым компонентом зимней и весенне-летней календарной обрядности, поминальной тризны и, по-видимому, занимали определенное место в свадебном обряде. Такая полифункциональность, удовлетворение целому ряду общественных потребностей несомненно явились основной причиной устойчивого бытования обычая состязаний в борьбе и кулачных боях в течение длительного времени.

С расширением сферы функционирования изменялся и характер традиционных рукопашных состязаний. Постепенно два типа их расчленились на отдельные виды. В раннеклассовом обществе, по-видимому, потребность в военной тренировке, приближенной к регулярной, вызвала необходимость формирования на базе коллективного боя типа «сцепляки-свалки» игры «стенка на стенку», которая соответствовала новой структуре, уровню и организации военных формирований: Бой «один на один» возник; очевидно, одновременно с первичной формой массового боя в целях индивидуальной тренировки. Большое сходство основной части традиционных видов борьбы и кулачного боя у русских, украинцев и белорусов свидетельствует о том, что дифференциация их произошла достаточно рано, когда три восточнославянских народа еще составляли единую древнерусскую общность. Обращая внимание на то, что ворот как элемент одежды у русских появился довольно поздно, и на то, что борьба «за вороток» неизвестна украинцам и белорусам, можно заключить, что этот вид борьбы сформировался позднее остальных. Борьба «на поясах», как представляется, была заимствована восточными славянами у тюркских народов в ходе взаимных контактов в XVI-XIX в. В процессе длительного расселения восточных славян на огромной территории постепенно сложились разновидности, локальные варианты состязаний и особенности в приурочивании их к традиционным праздникам. Эволюция же содержания изучаемых игр следовала в русле постепенного ограничения в их составе наиболее вредных и опасных для здоровья людей приемов.

С развитием классового общества такие состязания стали массовым зрелищем и, оказывая мощное эмоциональное воздействие на участников и зрителей, выполняли компенсаторную роль.

В ходе длительной эволюции удельный вес функционирования исследуемого явления в тех или иных сферах не оставался неизменным. Наиболее устойчиво использовалось оно в областях воспитания, социализации, военно-прикладной, контроля уровня подготовки, развлечения, зрелищно-эмоциональной, коммуникативной, компенсаторной. В XIX – начале XX в. функционирование состязаний в этих сферах сохранялось в значительной степени. Лишь военно-прикладная роль их еще в XVIII в. определенно уменьшилась ввиду господства огнестрельного оружия, но все же оставалась значительной. Употребление же таких состязаний в качестве традиционного мужского развлечения субъективно воспринималось современниками в это время как основное. Использование приемов рукопашного противоборства без оружия в судебных поединках постепенно прекратилось после изъятия из судебных в конце XVI в. статей о поле. В XIX в. сохра-

нялись только фрагментарные остатки этого явления. Функционирование традиционных мужских состязаний в качестве средства испытания молодежи при переходе в группу взрослых также носило в это время характер пережитка. Что касается ритуально-магической, обрядовой функции, то с прогрессом общества жизненная значимость этой стороны обычая рукопашных состязаний постепенно уменьшалась, магические представления забывались и в XIX – начале XX в. сохранялись лишь их рудименты.

В целом несмотря на длительную борьбу церкви и государства против таких «игрищ еллинского беснования»; на официальный запрет кулачных боев в 1832 г. и суровый, подчас жестокий характер их, эти состязания длительное время устойчиво функционировали в традиционном жизненном укладе восточных славян.

Пока игра удовлетворяла общественным потребностям, она охватывала большие массы людей. С разрушением традиционного уклада место народных средств обеспечения жизнедеятельности постепенно занимают научные методы воспитания и подготовки. В частности, распространение современных видов физических упражнений и спорта, развитие профессиональной системы военно-физической подготовки привели к постепенной утрате былого значения кулачных боев, они естественным образом отмерли и сегодня могут встретиться лишь как пережиток. Традиционные виды борьбы сохранялись, по нашим данным, значительно дольше, кое-где они бытуют и сегодня.

Длительность бытования обычая таких состязаний, темпы и степень его отмирания в различных регионах были неодинаковы. Это зависело от быстроты утрачивания традиционного уклада, этнической однородности, культурно-исторической среды, социально-бытовых условий. Бои быстрее отмирали в городах и к концу 1920-х г. они там почти исчезли. В деревнях и селах такие состязания бытовали во многих местах до начала 1940-х г., а кое-где сохранялись и позднее. Последние известия о них датируются началом 1970-х г. Отмирание кулачных боев шло разными путями. Один из них – постепенная, с утратой общины и традиционных морально-этических норм, трансформация боев в обиходные драки. Другой путь – поступательный распад коллективных видов боя при сохранении индивидуальных состязаний и лишь затем отмирание последних. И, наконец, третий путь – постепенное вымывание из состава бойцов взрослых мужчин, затем молодежи и далее превращение состязаний в детские забавы. Все эти формы нередко пере плетались и отражали одно – постепенное снижение социального статуса игры в обществе и затем полную деградацию ее.

Можно считать установленным, что древний народный обычай состязаний в борьбе и кулачных боях представляет собой сложное эт-

нокультурное явление, которое было в XIX – начале XX в. широко распространенным, устойчивым элементом традиционно-бытовой культуры русских, украинцев, белорусов.

Главный итог настоящей работы – комплексное, всестороннее исследование одного из массовых в недалеком прошлом, но малоизученного до настоящего времени компонента народной культуры восточных славян, достижение здесь существенно новых результатов и тем самым восполнение имевшегося пробела. Вместе с тем работа вносит определенный вклад в изучение генезиса, развития, распространения и функционирования народных обычаев в целом, их связей и соотношений. В частности, внесена лепта в решение задачи картографирования элементов народной культуры. Существенно дополнены также в одном из ракурсов знания о взаимосвязи календарной и семейной обрядностей восточных славян. Выявлено еще одно звено, связывающее народные культуры русских, украинцев, белорусов и показывающее общность их исторических судеб. Результаты работы могут быть в известной мере обобщены и использованы при исследовании проблемы традиционных состязательных игр в целом. Все это, как представляется, имеет определенное значение для этнографической науки.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАМО – Государственный архив Могилевской области.
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
Губ. (обл.) вед. – Губернские (областные) ведомости.
ЕИКМ – Ейский историко–краеведческий музей.
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения.
ЖС – Живая старина.
ИРГО – Императорское Русское Географическое общество.
ИОЛЕАЭ – Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете.
К. – Київ, Киев.
КООСЗЕ – Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы.
КС – Киевская старина.
Мн. – Мінск, Минск, Менск.
ОРЯС – Отделение русского языка и словесности Академии наук.
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.
РИАМЗ – Рязанский историко–архитектурный музей–заповедник.
РС – Русская старина.
РЭМ – Российский этнографический музей.
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СЭ – Советская этнография.
ЭО – Этнографическое обозрение.
ЭС – Этнографический сборник, издаваемый ИРГО.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Произведения классиков марксизма-ленинизма

1. Маркс К. Капитал. Т.1 // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т.23.
2. Маркс К. Тетради по истории эпикурейской стоической, скептической философии // К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956.
3. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т.22.
4. Энгельс Ф. Марка. Там же. Т.19.
5. Энгельс Ф. Может ли Европа разоружиться? Там же. Т.22.
6. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Там же. Т.21.
7. Энгельс Ф. Сражение. Там же. Т.14.
8. Ленин В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т.29.

2. Опубликованные источники и литература

9. Абаза К.К. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории и стародавнего казацкого быта. СПб., 1899.
10. Абсалямов Г.Ш. Национальные виды спорта в РСФСР. М., 1967.
11. Авдеева Е.А. Записки о старом и новом русском быте. СПб., 1842.
12. Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.
13. Айналов Д., Редин Е. Киево-Софийский собор. Исследование древней мозаической и фресковой живописи. СПб., 1889.
14. Акимов В.Н. Свадебные обычаи ахалцихских армян. М., 1889.
15. Аксаков С.Т. Воспоминания // Собр.соч. Т.2. М., 1956. С.5-399.
16. Аксаков С.Т. Семейная хроника. Там же. Т.1. М., 1955. С.73-280.
17. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т.1. СПб., 1841.
18. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т.4. СПб., 1842.
19. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т.3. СПб., 1836.
20. Alignis. Велижские «Олимпийские игры» // Витебские губ. вед. 1902. №48. С.2.

21. А.М. Письма путешественника по Сибири // Северная Пчела. СПб., 1827. №24. С.4.
22. Алтухов И.П., Таймазов В.А. Прошлое, настоящее, будущее... // Знакомьтесь, бокс. Л., 1986. С.9-60.
23. Английские путешественники в Московском государстве в XVII веке. Л., 1937.
24. Андреев А. Кулачные бои в Саратове // Саратовские губ. вед. 1860. №12. С.104-105.
25. Андреев-Кривич С.А. Тарханская пора. Пенза, 1981.
26. Анимелле Н. Быт белорусских крестьян // ЭС. Вып.2. СПб., 1854. С.111-269.
27. Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977.
28. Антипов В. Решение спора о межах // ЖС. Вып.1. СПб., 1906. С.129-133.
29. Антоновский. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч.4. СПб., 1799.
30. А.П. Ледовое побоище // Витебские губ. вед. 1901. №34. С.2-3.
31. Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М., 1982.
32. А.Р. Стенка на стенку // Русский спорт. М., 1913. №4. С.4-6; №7. С.5-6.
33. Архангельский А. Село Давшино Ярославской губернии Пошехонского уезда // ЭС. Вып.2. СПб., 1854. С.1-80.
34. Архангельский областной словарь. Под ред. О.Г.Герцовой. Вып.2. М., 1982.
35. Атлетический вечер // Петербургский листок. 1898. №70. С.3.
36. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1. М., 1865.
37. Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч.1. СПб., 1861.
38. Ацаркин А.Н. Жизнь и борьба рабочей молодежи в России (1901 - октябрь 1917 г.). М., 1965.
39. Багалея Д.И. История города Харькова за 250 лет его существования. Т.2. Харьков, 1912.
40. Байдосов К.Р. Казахская национальная борьба. Алма-Ата, 1987.
41. Балагур Ф. Удалой московский кулачный боец Потап Бутылкин. Его похождения по кулачным боям, стенкам и на сцене. М., 1914.
42. Балябин В.И. Забайкальцы. Кн. 1-2. Иркутск, 1986.

43. Баратов Н. За звание чемпиона // Вокруг света. М., 1975. №12. С.55-59.
44. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.
45. Беринда П. Лексикон словенороський Памви Беринди. К., 1961.
46. Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Ф.В.Берхгольца. Ч.2. СПб., 1722.
47. Беларуска-рускі слоўнік. Пад. рэд. К.К.Крапівы. М., 1962.
48. Беларускі эпас. Пад рэд. П.Ф.Глебкі, І. В.Гутарава. Мн., 1959.
49. Белинский В.Г. Литературные мечтания // Собр.соч. Т.1. М., 1986. С.47-127.
50. Белозерский Е. Из прошлого. Рассказ старожила // Витебские губ. вед. 1900. №279. С.2-3.
51. Белотелов Н.Г. Спорт в старом Воронеже // Геркулес. Пг., 1915. №5. С.5-9.
52. Белоусов И.А. Ушедшая Москва // Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX в. М., 1964. С.298-369.
53. Беляев И.В. Борцы в Древней Руси // Русская беседа. Т.2. М., 1856. С.57-71.
54. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
55. Бессонов П.А. Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. Т.1. М., 1871.
56. Блок А.А. Матери. 21 февраля 1911 г. // Собр. соч. Т.8. М. Л., 1963. С.331-332.
57. Блок А.А. Предисловие к поэме «Возмездие» // Собр. соч. Т.3. М.;Л., 1960. С.295-300.
58. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
59. Богатырев П.И. Московская старина // Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX в. М., 1964. С.76-153.
60. Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. Т.1. СПб., 1901.
61. Бокс // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. Т.2. Мн., 1970. С.366.
62. Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья. Вторая половина XIX - начало XX в. Новосибирск, 1978.

63. Боричевский И. Кулачный бой // Геркулес. СПб., 1914. №13. С.6-7.
64. Борђевић Т.Р. Српске народне игре // Српски етнографски зборник. Кн. 9. Београд, 1907. С.1-88.
65. Борьба // Новый энциклопедический словарь. Издатель Ф.А. Брокгауз и И.Е.Ефрон. Т.7. СПб., б/г. С.664.
66. Борьба в трактире // Петербургский листок. 1898. №46. С.3.
67. Борьба по-кельтски // Советский спорт. М., 1974. №35. С.4.
68. Броневский В. Описание донской земли, нравов и обычаев жителей. Ч.3. СПб., 1834.
69. Бромлей Ю.В. Очерк теории этноса. М., 1983.
70. Бромлей Ю.В. Этнография - наука о народах // Этнографы рассказывают. М., 1978. С.3-13.
71. Бурцев А.Е. Заговоры и заклинания русского народа. / Полн. собр. этнографических трудов. Т.8. СПб., 1911.
72. Бусыгин Е.П., Зорин Н.В., Михайличенко Е.В. Общественный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья. Историко-этнографическое исследование. Середина XIX - начало XX в. Казань, 1973.
73. Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорного железного рудника о старой и новой жизни. Свердловск, 1960.
74. Былины Пудожского края / Подготовка текстов, статья и примечания Г.Н.Париловой, А.Д.Соймонова. Петрозаводск, 1941.
75. Былины. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В.Я.Проппа и Б.Н.Путилова. Т.1. М.;Л., 1958.
76. Былины Севера. Т.1. Мезень и Печера. Записи, вступительная статья и комментарий А.М. Астаховой. М.;Л., 1938.
77. Былины Севера. Т.2. Прионежье, Пинега, Поморье. Записи, вступительная статья и комментарий А.М.Астаховой. М.;Л., 1951.
78. Бядуля З. Буслы // Лучынка. Кн. 3. Мн., 1913. С.25-28.
79. Вайнштейн С.И. Актуальные вопросы исследования традиционно-бытовых культур народов СССР // СЭ. 1985. №3. С.51-59.
80. Вакарелски Хр. Етнография на България. София, 1977.
81. Васильев В.Н. Краткий очерк быта карагасов // ЭО. М., 1910. №1-2. С.46-75.
82. Васильченко С.В. Недоросток // Твори. Т.3. К., 1960. С.76-117.
83. Васнецов В.Н. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
84. Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.

85. Вердеревский Е. О народных праздниках и праздничных обыкновениях христианского населения за Кавказом и преимущественно в Тифлисе // Кавказ. Тифлис, 1855. С.1.
86. Вештомов А. История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781 год через 600 лет. Сочиненная А.Вештомовым. Казань, 1907.
87. В защиту атлетики // Спорт. М., 1903. №50,51. С.822.
88. Вилькин Я.Р., Нисловская Л.А. Белоруссия // Игры народов СССР. М., 1985. С.117-127.
89. Вильям Моор. Атлет-борец // Театральные известия. М., 1898. №864. С.3.
90. Висковатов П.А. М.Ю.Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1987.
91. Вишневский А.И., Соколов А.А. Игры и развлечения в деревне. М.;Л., 1930.
92. В. Кулачные бои в Витебске // Витебские губ. вед. 1905. №8. С.3.
93. Внутренние известия. Бийск («войнишки») // Пермские губ. вед. 1897. №60. С.3.
94. Внутренние известия. Тюмень // Тульские губ. вед. 1897. №16. С.4.
95. Водовозова Е.Н. Жизнь европейских народов. Т.1. СПб., 1875.
96. Возрастные классы // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С.579.
97. Волков И.А. Ситцевое царство. Очерки и рассказы. Т.2. Иваново-Вознесенск, 1926.
98. Волков Н.П. Русская масленица и исторические данные о ней. Владикавказ, 1897.
99. Волошин М.А. Суриков. Материалы для биографии // Аполлон. Пг., 1916. №6-7. С.40-63.
100. Восточное обозрение // ЭО. Кн. 63. М., 1905. С.194.
101. Востриков П.А. Станица Наурская Терской области // СМОМПК. Вып.33. Отдел 2. Тифлис, 1904. С.102-309.
102. Всероссийский чемпионат // Петербургский листок. 1898. №104. С.3.
103. Вс. Заметка // Витебские губ. вед. 1911. №59. С.3.
104. Встретились богатыри // Правда. 1983. 25.09. С.8.
105. Вяземский П.А. Литературная исповедь // Стихотворения. Л., 1986. С.331.
106. Гагиев С.Г. Осетинские национальные игры. Орджоникидзе, 1980.

107. Галицько-руські народні приповідки. Зібрав, упорядкував і пояснив Іван Франко // Етнографічний збірник. Т.10. Львів, 1901. С.1-200.
108. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т.1. Харьков, 1916.
109. Гарин-Михайловский Н.Г. Деревенские панорамы // Собр. соч. Т.3. М., 1957. С.304-449.
110. Гваньини А. Замечания иностранца XVI века о военных походах русских // Отечественные записки. Ч.25. СПб., 1826. №69. С.92-100.
111. Гейфельдер О. Детские игры // Учитель. Т.1. СПб., 1861. С.987-995.
112. Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ и прочих достопамятностей. Ч.2. СПб., 1776.
113. Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908.
114. Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого. Автобиографические воспоминания. Ч.1. М., 1886.
115. Гиляровский В.А. Мои скитания. Люди театра. Мн., 1987.
116. Глаголев Н.Г. Записки русского путешественника. Ч.1. СПб., 1845.
117. Гладков Ф.В. Вольница. М., 1971.
118. Гладков Ф.В. Мятежная юность // Собр. соч. Т.5. М., 1983.
119. Гладков Ф.В. Повесть о детстве. М., 1980.
120. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1986.
121. Г.М. О кулачных боях // Старый владимирец. 1917. №20. С.3.
122. Гоголь Н.В. Вий // Соч. Пг., 1919. Стб.331-364.
123. Гоголь Н.В. Тарас Бульба // Собр. соч. Т.2. М., 1952. С.31-152.
124. Голицынский А.П. Очерки фабричной жизни // Русские очерки. Т.2. М., 1956. С.34-73.
125. Гончарук О. «Куриш» - боротьба донецька // Спортивна газета. 1976. 27.03. С.2.
126. Гордлевский В.А. Османская свадьба // ЭО. М., 1914. №3-4. С.1-60.
127. Гориневский В.В. Культура тела. М., 1927.
128. Городская хроника // Северный край. Ярославль, 1903. №233. С.4.
129. Городская хроника // Северный край. Ярославль, 1903. №239. С.3.
130. Городские известия. Поречье // Смоленский вестник. 1890. №12. С.3.

131. Городцов П.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып.26. Тобольск, 1916. С.1-65.
132. Горький М. Беседы о ремесле // О литературе. М., 1953. С.465-521.
133. Горький М. Ванька Мазин // Полн. собр. соч. Т.3. М., 1969. С.511-524.
134. Горький М. В людях. Там же. Т.15. 1972. С.211-530.
135. Горький М. Дело Артамоновых. Там же. Т.18. 1973. С.93-370.
136. Горький М. Жизнь Матвея Кожемякина. Там же. Т.10. 1971. С.123-630.
137. Горький М. Мои университеты. Там же. Т.16. 1972. С.7-137.
138. Горький М. Товарищи. Там же. Т.2. 1969. С.93-107.
139. Градополов К.В. Воспоминания боксера. М., 1972.
140. Грандильевский А. Родина М.В.Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сборник ОРЯС. Т.83. СПб., 1907. №5. С.1-304.
141. Греков Б.Д. Иностранцы о славяно-русском войске VI – XVII в. // Исторический журнал. М., 1941. №9. С.103-109.
142. Гричашвили И. Кулачный бой // На рубеже Востока. Тифлис, 1928. №2. С.109-114.
143. Гроздова И.Н. Народы Британских островов // КООСЗЕ. Весенние праздники. Конец XIX – начало XX в. М., 1977. С.88-109.
144. Гроздова И.Н. Народы Британских островов // КООСЗЕ. Летне-осенние праздники. Конец XIX – начало XX в. М., 1978. С.70-94.
145. Гроздова И.Н., Токарев С.А. Заключение // КООСЗЕ. Весенние праздники. Конец XIX - начало XX в. М., 1977. С.337-345.
146. Громыко М.М. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVII - XIX в. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства. Новосибирск, 1975. С.71-109.
147. Гуслицы. Великопостное развлечение («стенки») // Богородская речь. М., 1912. №7. С.3-4.
148. Гуслицы. «Культурные» развлечения. Там же. №14. С.4.
149. Давыдов В.Н. Рассказ о прошлом. Л.; М., 1962.
150. Далин. Кулачная чахотка // Биржевые ведомости. М., 1896. №69. С.3.
151. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.
152. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М., 1981.
153. Даль В.И. Толковый словарь... Т.2. М., 1981.
154. Даль В.И. Толковый словарь... Т.3. М., 1982.

155. Даль В.И. Толковый словарь... Т.4. М., 1982.
156. Дамм Г. Канака - люди южных морей. Под ред. С.А.Токарева. М., 1964.
157. Даркевич В.П. Народная культура средневековья. Светская и праздничная жизнь в искусстве IX - XVII в. М., 1988.
158. Два слова о кулачных боях // Витебские губ. вед. Неофициальная часть. 1898. №34. С.3.
159. Дейнека А.А. Картины с солнцем. Воспоминания // Советская Россия. М., 1987. №281. С.3-4.
160. Джарылгасинова Р.Ш. Корейцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985. С.79-116.
161. Дикарев М.О. Збірки сільської молодіжи на Україні // Матеріали до української етнології. Т.18. Львів, 1918. С.170-275.
162. Дикарев М.О. Народний календар Валуйського повіту (Борисівської волости) у Вороніжчині // Матеріали до українсько-руської етнології. Т.6. Львів, 1905. С.114-204.
163. Дикарев М.А. О царских загадках // ЭО. Кн. 31. М., 1896. №4. С.1-64.
164. Дикарев М.А. Рождественские святки. Отрывки из малорусского народного календаря // Кубанские обл. вед. 1895. №1. С.2-3.
165. Дмитриев. Спорт - моя жизнь // Геркулес. Пг., 1916. №6-7. С.11-13.
166. Дмитриев Ю.А. Русский цирк. М., 1953.
167. Дмитриев Ю.А. Цирк в России. От истоков до 1917 года. М., 1977.
168. Дмитрюков. Нравы, обычаи и образ жизни в Суджанском уезде Курской губернии // Московский телеграф. 1831. №10. С.255-271.
169. Дневник приключений. Борьба // Петербургский листок. 1898. №44. С.3.
170. Добровольский С.П. Олов'яні солдатики. К., 1961.
171. Добрыня Никитич и Алеша Попович. Издание подготовили Ю.И.Смирнов и В.Г.Смолицкий. М., 1974.
172. Довженко О.П. Тарас Бульба // Твори. Т.1. К., 1958. С.215-276.
173. Довнар-Запольский М.В. Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках // Исследования и статьи. Т.1. К., 1909. С.61-146.
174. Долгорукий П.И. Дневник князя П.И.Долгорукого // Звенья. Т.9. М., 1951. С.5-154.

175. Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. Издание подготовили Е.П.Евгеньева и Б.Н.Путилов. М., 1977.
176. Дридзо А. Мальчик становится мужчиной // Вокруг света. М., 1971. №8. С.16-22.
177. Дубровский А. Масляница. М., 1870.
178. Дьячков Г. Анадырский край. Рукопись жителя села Маркова Г. Дьячкова. Владивосток, 1893.
179. Евгеньева Е.П. Словарь устарелых, диалектных и других малопонятных слов // Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. М., 1977. С.470-484.
180. Егоров Я. Среди крестьян. Рассказы и очерки. СПб., 1899.
181. Елпатьевский К. Сборник бытовых статей по русской истории. Вып.1. СПб., 1881.
182. Елпатьевский С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984.
183. Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч.1. М., 1877.
184. Жабко М. Из далекого прошлого. Воспоминания старого рабочего. М.;Л., 1930.
185. Жаков К.Ф. Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере. СПб., 1906.
186. Жижков А.Г. Слобода Ново-Айдар. Старобельский уезд // Харьковский сборник. Вып.9. Харьков, 1895. С.429-442.
187. Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Т.1. Харьков, 1898.
188. Жуков Д.А. Иван Поддубный. Документальная биография. М., 1975.
189. Забелин И.Е. История города Москвы. Ч.1. М., 1902.
190. Забелин И.Е. Московская летопись. Заметки о старинной маслянице // Москвитянин. Ч.2. Март. Кн. 1. М., 1850. №5. С.35-44.
191. Заблоцкий А.П. Воспоминания об Англии // Отечественные записки. Т.42. Отдел 8. СПб., 1849. №2. С.193-215.
192. Заболоцкий Н.А. Ранние годы // Собр. соч. Т.1. М., 1983. С.494-510.
193. Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
194. Завершилась юбилейная спартакиада Якутии // Советский спорт. М., 1986. №115. С.2.
195. Завойко Г.К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // ЭО. Кн. 103-104. М., 1914. №3-4. С.81-178.
196. Заглада Н. Побут селянської дитини. Т.1. К., 1929.

197. Заикин И.М. В воздухе и на арене. Воспоминания. Куйбышев, 1963.
198. Залыгин С.П. Соленая Падь. М., 1981.
199. Записки о Южной Руси. Издал П.Кулиш. Т.1: СПб., 1856.
200. Захаренко. Кулачные бои в Витебске // Витебский голос. 1907. №351. С.3.
201. Здоровега Н.І. Народні звичаї та обряди // Бойківщина. Історико-етнографічне дослідження. К., 1983. С.232-247.
202. Зеленин Д.К. Древнерусский языческий культ «заложных покойников» // Известия Академии наук. Пг., 1917. С.399-414.
203. Зеленин Д.К. О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда // ЭО. Кн. 78. М., 1909. С.78-87.
204. Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Вып.1. Пг., 1916.
205. Зобнин Ф. Из года в год. Описание круговорота крестьянской жизни в селе Усть-Ницынском Тюменского округа // ЖС. Вып.1. СПб., 1894. С.37-64.
206. Золотарев А.М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.
207. Золотарев В.А., Межевич М.Н., Скородумов Д.Е. Во славу отечества Российского. Развитие военной мысли и военного искусства в России во второй половине XVIII века. М., 1984.
208. Иванов Вс.В. Похождения факира // Собр. соч. Т.4. М., 1975.
209. Иванов П.В. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии. Харьков, 1907.
210. Иванова Ю.В., Серов С.Я., Токарев С.А. Заключение // КО-ОСЗЕ. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С.202-213.
211. Иващенко П.С. Религиозный культ южно-русского народа в его пословицах // Записки Юго-Западного отдела ИРГО за 1874 г. Т.2. К., 1875. С.71-108.
212. Игры народов СССР. Сборник материалов, составленный В.Н. Всеволодским-Гернгросс, В.С.Ковалевой, Е.И.Степановой. М.; Л., 1931.
213. Из истории широкой масленицы // Петербургский листок. 1898. №42. С.5.
214. Измайлов А.Е. Кулачные бойцы // Собр. соч. Т.1. СПб., 1849. С.168-169.
215. Из печати // Тульские губ. вед. 1897. №289. С.3.
216. Из рязанской старины // Рязанский вестник. 1912. №17. С.3.
217. Из уездов. Золотоноша // Полтавские губ. вед. 1898. №16. С.3.
218. Илья Муромец. Издание подготовила А.М.Астахова. М.;Л., 1958.

219. Инсарский В.А. Половодье. Картины провинциальной жизни прежнего времени. СПб., 1875.
220. Иркутский областной словарь. Вып. 1. Иркутск, 1973.
221. Исаев И. По древнему обычаю. Праздник забытых национальных видов спорта // Советская Россия. М., 1988. №177. С.4.
222. Исторические очерки города Орла. Сост. П.Пясецкий. Орел, 1874.
223. Исторические песни. Л., 1956.
224. История военного искусства. М., 1984.
225. История города Ярославля. Сост. К.Д.Головщиков. Ярославль, 1889.
226. История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988.
227. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
228. История физической культуры. М., 1975.
229. Кавалева Е. 3 лексіі вёсак Абідавічы і Журавічы // Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы. Мн., 1960. С.83-92.
230. Кагаров Е.Г. Классификация и происхождение земледельческих обрядов // ИОАИЭ. Т.34. Вып.3-4. Казань, 1929. С.189-196.
231. Кагаров Е.Г. Религия древних славян. М., 1918.
232. Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т.8. Л., 1929. С.152-195.
233. Казанские татары // Народы России. Этнографические очерки. Т.2. СПб., 1880. С.3-26.
234. Кайгородов А.М. Свадьба в тайге // СЭ. 1970. №3. С.153-161.
235. Каменский В. Об изучении и экспозиции предреволюционного быта рабочих. Из материалов по командировке в Петрозаводск и Кончезерск летом 1929 г. Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Л., 1932.
236. Канатчиков С.И. Из истории моего бытия. М.;Л., 1930.
237. Карпов В.Н. Воспоминания // Карпов В.Н. Воспоминания. Шипов Н.Н. История моей жизни. М.;Л., 1933. С.3-365.
238. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.1. М., 1903.
239. Каронин-Петропавловский Н.Е. Борская колония // Русские повести XIX в. Т.2. М., 1957. С.146-236.
240. Карпюк А.Н. Вершалінскі рай. Аповесць. Мн., 1974.
241. Карский Е.Ф. Белорусы. Т.3. М., 1916.
242. Картины из народной жизни донских казаков. М., 1871.
243. Каспяровіч М.І. Віцебскі краёвы слоўнік. Віцебск, 1927.

244. Катанов Н.Ф. О свадебных обрядах татар Восточного Туркестана // ИОАИЭ. Т.12. Вып.5. Казань, 1895. С.409-434.
245. Квитка-Основьяненко Г.Ф. Пан Халыевский. М., 1971.
246. Кистер М. Борьба. Все восемь лучших способов всего света с их законами, правилами, обычаями, сноровками, секретными приемами (триками) и с разоблачением мошенничеств. Пг., 1916.
247. Кобищанов Ю.М. На заре цивилизации. Африка в древнейшем мире. М., 1981.
248. Кокорев И.Т. Соборное воскресенье // Русский очерк. 40-50-е г. XIX в. М., 1986. С.466-473.
249. Кокс У. По России и Польше в исходе XVIII века. Путевые впечатления англичанина // РС. Т.132. СПб., 1907. №10. С.175-202.
250. Колева Т.А. О некоторых вопросах развития обычаев (на болгарском материале) // СЭ. 1969. №1. С.68-78.
251. Коломенский Ф. Кулачные бои «в одиночку» в середине XIX столетия // Геркулес. Пг., 1916. №1. С.10; №2-3. С.11.
252. Коломейцева Л. Слобода Бахмутовка. Старобельский уезд // Харьковский сборник. Вып.9. Харьков, 1895. С.413-428.
253. Коломийченко Ф. Сільські забави в Чернігівщині // Матеріали до української етнології. Т.18. Львів, 1918. С.123-141.
254. Комар. Отголоски // Витебский голос. 1913. №7. С.3.
255. Комаровский Е.Ф. Записки графа Е.Ф.Комаровского. СПб., 1914.
256. Комелова Г. Сцены русской народной жизни конца XVIII - начала XX веков. По гравюрам из собрания Государственного Эрмитажа. Л., 1961.
257. Кондратьева Т.Н. Метаморфозы собственного имени. Опыт словаря. Казань, 1983.
258. Копаневич И.К. Как проводится масленица в Псковской губернии. Псков, 1903.
259. Коринфский А.А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц. М., 1901.
260. Коробова Е.А. Слобода Райгородка. Старобельский уезд // Харьковский сборник. Вып.9. Харьков, 1895. С.382-398.
261. Коробова Е.А. Слобода Шулика. Старобельский уезд. Там же. Вып.8. 1894. С.49-62.
262. Коропчевский Д.В. Прежде и теперь. Очерки домашней жизни в старое и новое время. СПб., 1901.
263. Корреспонденции // Архангельск. 1908. №94. С.3.
264. Корреспонденции. Витебск // Витебские губ. вед. 1905. №6. С.3.
265. Корреспонденции. Там же. 1904. №35. С.2.

266. Корреспонденции // Екатеринославские губ. вед. Неофициальная часть. 1889. №14. С.86-87.
267. Корреспонденции. Кобелякский уезд Полтавской губернии // Харьковские губ. вед. 1888. №337. С.2.
268. Корреспонденции. Село Гришино. Бахмутский уезд // Екатеринославские губ. вед. 1890. №7. С.3.
269. Костомаров Н.И. Етнографічні писання. К., 1930.
270. Костомаров Н.И. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI-XVII столетии. М., 1887.
271. Костомаров Н.И. Славянская мифология. К., 1847.
272. Костров Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876.
273. Котляревский А.А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.
274. Котляревський І.П. Енеїда // Повне зібрання творів. Т.1. К., 1952. С.63-295.
275. Кочин Н.И. Юность. М., 1981.
276. Кравченко К.С. Георгий Иванович Мотовилов (1894-1963 г.). М., 1969.
277. Крамаренко М. Різдвяні св'ятки в станиці Павлівській Єйського oddілу, на Чорноморії // Етнографічний збірник. Т.1. Львів, 1895. С.1-24.
278. Красильников Ф.С. Малороссия и малоруссы. М., 1904.
279. Красин Д. Красная горка // Орловские губ. вед. Неофициальная часть. 1865. №15. С.1-2.
280. Красьянські Г. Музейнія помнікі старадаўных віцебскіх рамесьніцкіх організацыяў // Віцебщина. Віцебск, 1925. С.40-48.
281. Краткое описание станиц Области войска Донского // Донские епархиальные ведомости. 1890. №20. С.791-795.
282. Крачковский Ю. Очерки быта западно-русского крестьянина // Виленский сборник. Вильна, 1869. С.160-209.
283. Криничная Н.А. Предания об Иване Лобанове. К проблеме становления фольклорного образа // Культура Русского Севера. Л., 1988. С.122-127.
284. Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX - начало XX в. М., 1971.
285. Крылов А. Масляница // Донские обл. вед. 1876. №8. С.2.
286. Крылов А. Святки. Там же. №14. С.2.
287. Кувеньова О.Ф. Громадський побут українського селянства. Історико-етнографічний нарис. К., 1966.

288. Кудрявцев В.В. Обзор этнографических данных, помещенных в «Нижегородском сборнике» // Труды этнографического отдела ИОЛЕАЭ. Кн. 4. М., 1877. С.77-96.
289. Кузнецов А. Деревня Козловка // Оренбургские губ. вед. 1897. №5. С.4.
290. Кузнецов Е. Цирк. Происхождение, развитие, перспективы. М., 1971.
291. Кузнецов Н.А. Мастеровщина. Из моей жизни. Л., 1927.
292. Кулачки - остаток варварства // Комсомолец. Воронеж, 1925. №28. С.6.
293. Кулачный бой в Воронежском уезде // Волгарь. Нижний Новгород, 1895. №82. С.3.
294. Кулачный бой // Петербургская газета. 1908. №249. С.4.
295. Кулинкович К.А. Предыстория // Физическая культура и спорт в Белоруссии. Страницы летописи. Мн., 1988. С.4-17.
296. Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. М., 1982.
297. Куприн А.И. В цирке // Собр. соч. Т.3. М., 1971. С.147-173.
298. Куреш собирает друзей // Советский спорт. М., 1987. 30.10. С.2.
299. Курочкін О.В. Новорічні свята українців. Традиції і сучасність. К., 1978.
300. Кушнер (Кнышев) П.И. О русском историко-этнографическом атласе // Институт этнографии. Краткие сообщения. Вып.22. М., 1955. С.3-11.
301. Кушевский И.А. Николай Негорев, или благополучный россиянин. М., 1984.
302. Лазаревский А.М. Чернигов 80 лет тому назад // КС. Т.22.1888. №8. С.55-62.
303. Ларин Б.А. О записях иностранцев как источнике по истории русского языка // Труды Юбилейной научной сессии Ленинградского университета. Секция филологических наук. Л., 1946. С.71-85.
304. Латышева Г.П., Рабинович М.Г. Москва и Московский край в прошлом. М., 1973.
305. Лебедев А.А. К истории кулачных боев на Руси // РС. Т.155. СПб., 1913. №7. С.103-123.
306. Лебедев А.А. К истории кулачных боев на Руси. Там же. №8. С.323-340.
307. Лебедев И.В. Атлетика и борьба в Петербурге // Геркулес. СПб., 1913. №6. С.7-9.
308. Лебедев И.В. Из старой записной книжки // Геркулес. СПб., 1914. №1. С.26-28.

309. Лебедев Н. Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда // ЭС. Вып. I. СПб., 1853. С.174-235.
310. Лебедева В.Е. Кустодиев. Время. Жизнь. Творчество. М., 1984.
311. Лев Диакон. История. М., 1988.
312. Левин Ф.М. Из глубин памяти. Воспоминания. М., 1984.
313. Левицкий П. Прошлое Переяславского духовного училища // КС. Т.24. 1889. №2. С.424-444.
314. Леонтьев А.К. Нравы и обычаи // Очерки русской культуры XVI века. Ч.2. М., 1977. С.33-75.
315. Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. Ч.2. СПб., 1772.
316. Лермонтов М.Ю. Бородино // Собр. соч. Т.1. Л., 1979. С.369-371.
317. Лермонтов М.Ю. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова. Там же. Т.2, С.333-346.
318. Лесков Н.С. Грабеж // Собр. соч. Т.8. М., 1958. С.112-150.
319. Липинский. Троицкая станица // Кубанский сборник. Т.1. Екатеринодар, 1883. С.690-732.
320. Листопадов А.М. Старинная казачья свадьба на Дону. Обряды и словесные тексты. Ростов-на-Дону, 1947.
321. Литвинова-Бартош П. Весільні обряди і звичаї у с. Землянці, в. Чернігівщині // Матеріали до українсько-руської етнології. Т.3. Львів, 1900. С.70-173.
322. Литовские национальные виды спорта, физические упражнения и игры // Энциклопедический справочник по физической культуре и спорту. Т.2. М., 1962. С.84-85.
323. Лобачева Н.П. Свадебный обряд хорезмских узбеков // Институт этнографии. Краткие сообщения. Вып.34. М., 1960. С.39-48.
324. Ломоносов М.В. Замечания на первый том «Истории России при Петре Великом» Вольтера // Избранная проза. М., 1980. С.333-335.
325. Любимиков М.К. На заре: Воспоминания. Киров, 1957.
326. Ляцкий Е.А. Поездка на Печору // Вестник Европы. Кн. 2. СПб., 1904. С.683-727.
327. Ляшко Н.Н. Никола из Лебедина // Повести. М., 1978. С.245-511.
328. Маврикий. Тактика и стратегия. СПб., 1903.
329. Мазур А.Г. Борьба вчера и сегодня. М., 1981.
330. Мазур А.Г. Жизнь борца. Воспоминания. М., 1972.
331. Майков Л.Н. Великорусские заклинания // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т.2. СПб., 1869. С.417-580.

332. Макаров М.Н. Опыт русского простонародного словотолковника. М., 1847.
333. Макаров М.Н. Русские предания. М., 1838.
334. Максимов С.В. Год на севере. Архангельск, 1984.
335. Максимов С.В. Из очерков народного быта. Крестьянские календарные праздники // Литературные путешествия. М., 1986. С.244-371.
336. Максимов С.В. Крылатые слова // Собр. соч. Т.15. СПб., 1909.
337. Малявин В.В. Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. М., 1985. С. 11-78.
338. Мамин-Сибиряк Д.Н. Отрезанный ломоть. Воспоминания // Повести, рассказы, очерки. М., 1983. С.344-429.
339. Мамин-Сибиряк Д.Н. Три конца. Уральская летопись // Собр. соч. Т.7. М., 1958. С.7-350.
340. Манасыпов Ф. Батыры растут на селе // Известия. 1978. 04.04. С.6.
341. Мариуполь // Русский спорт. М., 1908. №4. С.53-54.
342. Маркевич А. Меры против вечерниц и кулачных боев в Малороссии // КС. Т.10. 1884. №9. С.177-180.
343. Маркевич М. Борці на арені цирку // Старт. К., 1969. №12. С.14.
344. Маркевич Н. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиан. Извлечено из нынешнего народного быта и составлено Н. Маркевичем. К., 1860.
345. Мартынов А. Возвращение к истокам // Советский спорт. М., 1978. 01.07. С.2.
346. Масляничные обычаи в старину // Правительственный вестник. СПб., 1894. №45. Л. 3.
347. Маслова Г.С. Медыньские «карелы» (Отчет о рекогносцировочной поездке) // Институт этнографии. Краткие сообщения. Вып.2. М.-Л., 1947. С.53-58.
348. Материалы для истории и этнографии. Вытегорские Кондужи // Олонецкие губ. вед. 1874. №23. С.293.
349. Материалы для истории и этнографии. Вытегорские Кондужи. Там же. №26. С.329.
350. Материалы и исследования, собранные П.П.Чубинским. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Т.3. СПб., 1872.
351. Мафедзев С.Х. Обряды и обрядовые игры адыгов в XIX - начале XX в. Нальчик, 1979.
352. Махов Н. Жизнь минувшая. Воспоминания. Иваново, 1939.

353. Машкин А.С. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // ЭС. Вып.5. СПб., 1862. С.1-119.
354. Маяковский В.В. Нужен массу поднимающий спортсмен // Физкультура и спорт. М., 1987. №11. С.32.
355. Мельников А.П. Этнографический очерк Нижегородского края. Нижний Новгород, 1899.
356. Мельников П.И. (Андрей Печерский). На горах. Кн. 1. М., 1956.
357. Местная хроника // Витебский голос. 1906. №17. С.3; №284. С.3.
358. Местная хроника // Северный край. Ярославль, 1904. №38. С.3.
359. Местные известия // Витебские губ. вед. 1900. №3. С.2; №21. С.1; №25. С.1-2; №27. С.2; №54. С.2; №266. С.2.
360. Местные известия. Там же. 1901. №18. С.2; №58. С.2; №263. С.3.
361. Местные известия. Там же. 1902. №262. С.2.
362. Местные известия. Там же. 1904. №7. С.4; №24. С.3; №300. С.2.
363. Местные известия. Там же. 1905. №2. С.3; №5. С.3; №42. С.3; №48. С.2.
364. Миллер В.Ф. Русская масленица и западноевропейский карнавал. М., 1884.
365. Миллер В.Ф. К песням об Иване Грозном // ЭО. М., 1904. №4. С.38-50.
366. Миллер О.Ф. Хрестоматия к опыту исторического обозрения русской словесности. Ч.1. СПб., 1863.
367. Милорадович В. Снетинская старина // КС. Т.59. 1897. №10. С.6-26.
368. М.И.П. Былые уличные чудачки и оригиналы // Новое время. СПб., 1897. №7818. С.2.
369. Мирный П. Лихий попутав // Твори. Т.1. К., 1954. С.71-95.
370. Мирный П. Хіба ревуть воли, як ясла повні? Роман з народного життя // Твори. Т.2. К., 1954. С.29-302.
371. Михайлов Г. Страницы истории // Столетие. К юбилею завода «Красный выборжец». Л., 1957. С.5-54.
372. Мишин М.Т. Тюменская организация РСДРП в 1905-1907 г. Воспоминания // Каторга и ссылка. М., 1934. №4. С.33-64.
373. Можаровский А. Сергачская Ачка в этнографических рамках // Нижегородские губ. вед. Неофициальная часть. 1893. №45. С.1-2.
374. Молодость древних игр // Советский спорт. М., 1985. 16.11. С.2.

375. Молотилов А. Говор русского старожилого населения северной Барабы (Каинского уезда Томской губ.). Материалы для сибирской диалектологии. Томск, 1913.
376. Морошкин. Отдых и развлечения в станицах // Кубанские обл. вед. 1895. №32. С.1-2.
377. Мошинский И.Н. (Юз. Конарский). На Темернике. М., 1929.
378. Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // ЭО. Кн. 48. 1901. №1. С.98-160.
379. Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы // ЭО. Кн. 54. М., 1902. №3.. С.1-67.
380. Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края // ИОАИЭ. Т.12. Вып.1. Казань, 1895. С.1-67.
381. М. Сабан. Татарский праздник // Календарь муз на 1826 год, изданный А.Измайловым и П.Яковлевым. СПб., 1826. С.37-39.
382. Муров Г.Т. По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. Т.1. М., 1901.
383. Мухаркин Д. Жизнь у огня. Автобиография // Урал. Свердловск, 1967. №11. С.4-45.
384. Мы. Ну и комсомолец // Комсомолец. Воронеж, 1925. №7. С.6.
385. Назимов М.Л. В провинции и в Москве с 1812 по 1826 год. Из воспоминаний старожила // Русский вестник. Т.124. М., 1876. №7. С.74-161.
386. Н.В. Кулачные бои // Тульские губ. вед. 1897. №49. С.3.
387. Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошутовского улуса. СПб., 1852.
388. Н.Е.В. Приход села Ачки Сергачского уезда Нижегородской епархии // Нижегородские губ. вед. Неофициальная часть. 1893. №30. С.2-3.
389. Немчинов Е.И. Воспоминания старого рабочего // Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX в. М., 1964. С.391-400.
390. Несторовский П.А. Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. Варшава, 1905.
391. Никитин И.С. Дневник семинариста. М., 1976.
392. Никифоров А.И. Фольклор киевского периода // История русской литературы. Т.1. М.-Л., 1941. С.216-256.
393. Никифоровский Н.Я. Очерки Витебской Белоруссии // ЭО. Кн. 34. М., 1897. №3. С.21-66.

394. Никифоровский Н.Я. Полупословицы и полупоговорки, употребляемые в Витебской Белоруссии // Записки Северо-Западного отдела ИРГО. Кн. 1. Вильна, 1910. С.197-207.
395. Никифоровский Н.Я. Полупословицы и полупоговорки... Там же. Кн. 2. 1911. С.142-154.
396. Никифоровский Н.Я. Полупословицы и полупоговорки... Там же. Кн. 4. 1913. С.205-210.
397. Никифоровский Н.Я. Полупословицы и полупоговорки... Там же. Кн. 3. 1914. С.203-208.
398. Никифоровский Н.Я. Странички из недавней старины города Витебска. Витебск, 1899.
399. Николаев М.С. Непокоренная песня // На баррикадах Москвы. Сборник воспоминаний, документов и материалов. М., 1975. С.185-192.
400. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.
401. Новгородская четвертая летопись. Полное собрание русских летописей. Т.4. Ч.1. Вып.1. Л., 1925.
402. Новгородские былины. Издание подготовили Ю.И.Смолицкий, В.Г.Смолицкая. М., 1978.
403. Новоселов А.Е. Легкая жизнь. Из хроники прииртышского села // Беловодье. Повести, рассказы, очерки. Иркутск, 1981. С.171-185.
404. Новоселов А.Е. У старообрядцев Алтая. Там же. С.381-406.
405. Новоселов Н.П. Физическая культура в период первой русской революции. 1905-1907 г. // Очерки по истории физической культуры. Вып.5. М., 1950. С.23-76.
406. Новоселов Н.П., Сеницын С.Д., Харабуга Г.Д. История физической культуры народов СССР. Ч.1. М., 1953.
407. Новохатский М. Спорт дает не только мускульную силу... К столетию со дня рождения Г.И.Котовского // Советский спорт. М., 1981. 25.06. С.3.
408. Новые книги. Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.Сахаровым. Ч.1. СПб., 1836 // Северная Пчела. СПб., 1837. №37. С.145-148.
409. Носович П.И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
410. Ням-Осор Л. Халх бохийн барилдаан. Улаанбаатар, 1964.
411. Объявление // Петербургский листок. 1898. №107. С.1.
412. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч.2. Л., 1970.
413. Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636, 1639 годах. М., 1870.

414. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т.1. М.-Л., 1949.
415. Онежские былины, ... Т.2. 1950.
416. О.П. Кулачные бои в Томске // Томские губ. вед. 1858. №27. С.214-220.
417. О праздновании масленицы в старое время // Тобольские губ. вед. Часть неофициальная. 1895. №13. С.213-215.
418. Орловская старина. Из записок тамошнего старожила // Северное обозрение. Т.2. СПб., 1849. С.774-785.
419. Орсов В. Бурятский «Сухарбан» // Советская Россия. 1987. 01.06. С.4.
420. Осьминина Р. Родом неизвестный, душой знаменитый // Наука и жизнь. М., 1982. №6. С.43-51.
421. Отношение князя Воронцова к князю Чернышову. 22 марта 1851 г. №375 // Акты, собранные Археографической Кавказской комиссией. Т.10. Тифлис, 1885. С.825-827.
422. Охтянин. Кулачные бои // Петербургский листок. 1898. №19. С.3.
423. Павлов А. Незданный памятник русского церковного права XII века // ЖМНП. Ч.271. СПб., 1890. С.275-300.
424. Павлов И.Н. Жизнь русского гравера. Воспоминания. М., 1963.
425. Панин-Коломенкин Н.А. Странички из прошлого. Воспоминания спортсмена. Ч.1. М., 1951.
426. Пашуто В.Т. Феодальная раздробленность на Руси // История СССР. Т.1. М., 1964. С.135-158.
427. Пермская старина // Пермские губ. вед. 1896. №243. С.1.
428. Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.И. История первобытного общества. М., 1982.
429. Петров-Водкин К.С. Хлыновск // Он же. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. Л., 1982. С.41-256.
430. Петров Д.И. (Бирюк). Сказание о казаках. М., 1973.
431. Петров Р. Юнашка слава. София, 1973.
432. Петров Р., Николов Н. Исторически корени на борбата в България // Вопросы на физическата култура. София, 1958. №2. С.92-99.
433. Петровић А. Српске народне игре из Скопске Црна Горе // Српски етнографски зборник. Кн. 9. Београд, 1907. С.227-235.
434. Піддубний М.М. Богатир з Красенівки. Спогади про Івана Піддубного. Черкаси, 1961.
435. Плеханов Г.В. Письма без адреса // Избранные философские произведения. Т.5. М., 1958. С.281-393.

436. П-льв. Кулачный бой в Казани // Казанский биржевой листок. 1875. №17. С.2-3.
437. Повесть временных лет / Подготовка текста Д.С.Лихачева. Ч.1. М.-Л., 1950.
438. По губернии. Письма из Орехова-Зуева // Владимирская газета. 1903. №24. С.3.
439. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1888.
440. Покровская Л.В. Земледельческая обрядность // КООСЗЕ. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С.67-89.
441. Покровский Д.А. Кулачные бои // Ушедшая Москва. Воспоминания современников о Москве второй половины XIX в. М., 1964. С.154-162.
442. Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М., 1887.
443. Покровский Е.А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно в России. СПб., 1884.
444. Полилов-Северцев Г.Т. Наши деды - купцы. Бытовые картины начала XIX столетия. СПб., 1907.
445. ПСЗРИ. Т. VI. СПб., 1830. №4099.
446. ПСЗРИ. Т. VII. СПб., 1830. №4939.
447. ПСЗРИ. Т. XIV. Ч.4. СПб., 1832. Ст.180.
448. Помяловский Н.Г. Махилы // Соч. М., 1949. С.355-367.
449. Помяловский Н.Г. Очерки бурсы. Там же. С.213-354.
450. Помяловский Н.Г. Поречане. Там же. С.405-434.
451. Пономарев Н.И. Возникновение и первоначальное развитие физического воспитания. М., 1971.
452. Попов И.В. Воспоминания. М., 1971.
453. Попова А.М. Семейские (забайкальские старообрядцы). Верхнеудинск, 1928.
454. По России. Село Павлово (Нижегородская губ. Горбатовский у.) // Вятская газета. 1901. №1-2. С.24.
455. Поріцький А.Я. Побут сільсько-господарських робітників України в період капіталізму. К., 1964.
456. Потехин А.А. Река Керженец // Русские очерки. Т.1. М., 1956. С.443-468.
457. По улицам и переулкам. Раненый в кулачном бою // Московский листок. 1883. №180. С.2.
458. По улицам и переулкам (Кулачный рыцарь). Там же. №38. С.2.
459. Преображенский А. Приход Станиловский на Сити Ярославской губернии Моложского уезда // ЭС. Вып.1. СПб., 1853. С.125-173.

460. Прокопий из Кессари. Война с готами. М., 1950.
461. Пропп В.Я. Исторические основы некоторых русских религиозных празднеств // Ежегодник музея истории религии и атеизма. Вып.5. М.-Л., 1961. С.272-296.
462. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). Л., 1963.
463. Псковская первая летопись. Окончание списка Оболенского // Псковские летописи. Издал А.Н.Насонов. Вып.1. М.-Л., 1941. С.113-140.
464. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып.1. Л., 1967.
465. Псковский областной словарь... Вып.2. 1973.
466. Путеводитель по экспозиции «Русские» (вторая половина XIX в. - начало XX в.). Государственный музей этнографии народов СССР. Л., 1961.
467. Путилов Б.Н. Русский историко-песенный фольклор XIII-XVI в. М.-Л., 1960.
468. Пушкин А.С. Гаврилада // Полн. собр. соч. Т.4. Л., 1977. С.106-119.
469. Пушкин А.С. Дубровский. Там же. Т.6. 1978. С.142-209.
470. Пушкин А.С. История Пугачева. Там же. Т.8. С.107-248.
471. Пушкин А.С. История села Горюхина. Там же. Т.6. С.116-131.
472. Пыляев М.И. Старая Москва. СПб., 1891.
473. Пыляев М.И. Старый Петербург. СПб., 1887.
474. Рабинович М.Г. Боевые кличи - «ураны» // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С.299-307.
475. Рабинович М.Г. Историко-этнографический атлас «Русские». Принципы и методы составления // История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963. С.445-460.
476. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978.
477. Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 году. Сборник I. М., 1930.
478. Рабочий Петр Алексеев. Из воспоминаний // Былое. М., 1922. №19. С.80-118.
479. Разин Е.А. История военного искусства. Т.2. М., 1957.
480. Разин Н.С. Полвека назад. Воспоминания борца. М., 1963.
481. Расторгуев П.А. Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и история белорусских говоров. Л., 1927.
482. Ридингер Н.А. Из материалов для истории и статистики города Ельца // Русский архив. М., 1866. №3. С.346-368.

483. Решетов А.П. Обсуждение статей М.Н.Шмелевой и С.П.Вайнштейна по проблемам полевых исследований // СЭ. 1985. №6. С.56-60.
484. Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. 5. СПб., 1881.
485. Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т.2. Ч.1. СПб., 1897.
486. Ро-ин С.По нашему краю // Северо-Западный край. Мн., 1905. №646. С.3.
487. Російсько-український словник. Т.1. К., 1969; Т.3.
488. Рославлев Б. Борьба в Петрограде в 90-х годах // Геркулес. Пг., 1915. №5. С.16-18.
489. Рудометов И.И. Каргопольский край. Сборник этнографических очерков. Каргополь, 1919.
490. Румянцев Н. Масленица // Атеист. М., 1930. №49. С.66-107.
491. Руснак П.К. Трынта. Кишинев, 1987.
492. Русская скульптура. Избранные произведения. Л.;М., 1966.
493. Русские // Народы европейской части СССР. Т.1. М., 1964. С.119-571.
494. Русские народные картинки XVII-XVIII в. Гравюра на дереве. Каталог выставки. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1970.
495. Русские народные пословицы и поговорки. Сост. А.М.Жигулев. Устинов, 1986.
496. Русские народные сказки Сибири о богатырях. Новосибирск, 1979.
497. Ручкин С.С. В старину живали деды веселей своих внучат // Геркулес. Пг., 1916. №4-5. С.3-4.
498. Рыбаков Б.А. Военное дело // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т.1. М.;Л., 1948. С.397-416.
499. Рыбаков Б.А. Прикладное искусство и скульптура. Там же. Т.2. 1951. С.396-464.
500. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
501. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
502. Рябых Н. Село Новогеоргиевское (Терновка) Ставропольской губернии и уезда // СМОМПК. Вып.23. Отдел 2. Тифлис, 1897. С.1-55.
503. Салманович М.Я. Румыны // КООСЗЕ. Зимние праздники. XIX начало XX в. М., 1973. С.284-298.
504. Саломахин Ю. Когда затрубят герольды // Советский спорт. М., 1970. №214. С.4.
505. Сахаров А.Н. Церковь в период феодализма // Христианство и Русь. М., 1988. С.47-67.

506. Святки и станичные нравы // Донские обл. вед. 1874. №17. С.2.
507. Святский Д.О. Исторический очерк городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орел, 1908.
508. Северные предания. Беломорско-Обонежский регион. Л., 1978.
509. Селиванов В.В. Предания и воспоминания // Собр. соч. Т.1. Владимир, 1901. С.1-332.
510. Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958.
511. Семевский М.И. Великие Луки и Великолуцкий уезд. Заметки Михаила Семевского. СПб., 1857.
512. Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. Л., 1982.
513. Семенова-Тан-Шанская О.П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т.39. СПб., 1914. С.1-13.
514. Семилуцкий А. Село Покойное Ставропольской губернии Новогригорьевского уезда // СМОМПК. Вып.23. Отдел 2. Тифлис, 1897. С.253-356.
515. Сененко С. Из Тюмени // Тобольские губ. вед. 1863. №47. С.413.
516. Сергеевич В. Завод - кузница революции. Рабочие о старом и новом житье-бытье. М., 1929.
517. Сержпутовский А.К. Сказки и рассказы белорусов-поleshуков. Материалы к изучению творчества белорусов и их говора. СПб., 1911.
518. Симаков Г.Н. Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX - начале XX в. Л., 1984.
519. Симоненко И.Ф. Этнографический отряд Закарпатской комплексной экспедиции // Институт этнографии. Краткие сообщения. Вып.4. М.;Л., 1948. С.5-12.
520. Симченко Ю.Б. Люди высоких широт. М., 1972.
521. Сказания и повести о Куликовской битве. Издание подготовили Л.А. Дмитриев, О.П. Лихачева. Л., 1982.
522. Скиталец С.Г. Кандалы. Исторический сказ. М., 1956.
523. Скоробогатов К.В. Жизнь и сцена. Воспоминания. Л., 1970.
524. Слесарев Г. Богатыри готовят кушаки // Советский спорт. М., 1973.15.09. С.3.
525. Словарь брянских говоров. Вып.1. Л., 1976.
526. Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан. Сост. Ф.Пискунов. К., 1882.

527. Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. К.-Л. Саранск, 1982.
528. Словарь русских донских говоров. Т.2. Ростов-на-Дону, 1976.
529. Словарь русских донских говоров. Т.3. Ростов-на-Дону, 1976.
530. Словарь русских народных говоров. Вып.3. Л., 1968.
531. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби / Под ред. В.В. Палагиной. Ч.1. Томск, 1975.
532. Словарь русского языка. Т.1. М., 1981.
533. Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. Т.1. СПб., 1892.
534. Словарь русского языка XI-XVII в. Вып.1. М., 1975.
535. Словарь смоленских говоров. Вып.1. Смоленск, 1974.
536. Словарь современного русского литературного языка. Т.1. М.-Л., 1950; Т.5. 1956; Т.14. 1963.
537. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина». Редактировал с добавлением собственных материалов Б.Д.Гринченко. Т.4. К., 1909.
538. Словник української мови. Упорядкував з додатком власного матеріалу Б. Д.Грінченко. Т.1. К., 1927.
539. Словник української мови. Упорядкував ... Б.Д.Грінченко. Т.2. К., 1927.
540. Словник української мови. Упорядкував ... Б.Д.Грінченко. Т.3. К., 1928.
541. Словник української мови. Т.1. К., 1970.; Т.4. 1973; Т.9. 1978.
542. Смесь // Воронежские губ. вед. 1851. №4. С.281.
543. Смесь // Елисаветградский вестник. 1889. №23. С.3.
544. Смесь // Московские ведомости. 1898. №81. С.4.
545. Смесь // Северная Пчела. СПб., 1837. С.449.
546. Смесь. Там же. С.548.
547. Смирнов Д.Н. Картинки нижегородского быта XIX века. Горький, 1948.
548. Смирнов Д.Н. Очерки жизни и быта нижегородцев в XVII-XVIII в. Горький, 1971.
549. Смирнов Ю.И. Словарь областных и старинных слов // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974. С.432-434.
550. Смирнов Ю.И., Смолицкий В.Г. Примечания // Новгородские былины. М., 1978. С.362-446.
551. Смоленский этнографический сборник. Сост. В.Н. Добровольский. Ч.2. СПб., 1893; Ч.3. 1894; Ч.4. 1903.
552. Снегирев В.Л. Московские слободы. М., 1956.
553. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып.1. М., 1837.

554. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники... Вып.2. 1838.
555. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники... Вып.3. 1838.
556. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники... Вып.4. 1838.
557. С.Ник.С-кий. Свадебные обычаи по казачьим селениям Троицкого уезда // Оренбургские губ. вед. 1887. №37. С.4-5.
558. Собрание народных песен П.В.Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Т.1. Л., 1977.
559. Соколов Б.М. Этнографическое изучение Саратовского края // Саратовский этнографический сборник. Вып.1. Саратов, 1922. С.3-28.
560. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX - начало XX в. М., 1979.
561. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 1960.
562. Соловьев С.М. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие. СПб., 1876.
563. Сорокалетов Ф.П. История военной лексики в русском языке XI-XVII в. Л., 1970.
564. Спорт в Екатеринославе // Спорт. М., 1902. №8. С.90.
565. Спорт // Петербургский листок. 1898. №54. С.3.
566. Спорт // Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. Т.3. М., 1963. С.62-65.
567. Срезневский В.И. Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.
568. Срезневский И.И. Исследование о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848.
569. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.1. М., 1958.
570. Срезневский И.И. Материалы для словаря... Т.3. М., 1903.
571. Старостина Г. Потехи ради? // Комсомольская правда. 1978. №158. С.2.
572. Стена // Советская военная энциклопедия. Т.7. М., 1979. С.537.
573. С театра иркутской «войнишки» // Восточное обозрение. Иркутск, 1904. №226. С.2.
574. Степанов Н.П. Народные праздники на святой Руси. СПб., 1900.
575. Стингл М. Последний рай. М., 1975.

576. Сто лет русской фотографии // Литературная газета. М., 1989. №1. С.8.
577. Стрельцов Е.Г. Из 25-летней практики сельского учителя. Воспоминания, очерки и заметки. Ч.1. СПб., 1875.
578. Струмилин С.Г. Из пережитого. М., 1957.
579. Судебник 1497 г. // Памятники русского права периода образования Русского централизованного государства XIV-XV вв. Вып.3. М., 1955. С.339-416.
580. Сумцов Н.Ф. Культурные переживания // КС. Т.26. 1889. №9. С.631-652.
581. Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881.
582. Суханов И. Сельская община в долине Ангары // Тобольские губ. вед. 1895. №28. С.486-490.
583. Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976.
584. Таранцов А. В мастерской. Из записок русского ремесленника. М., 1887.
585. Терещенко А.И. Быт русского народа. Ч.4. М., 1848.; Ч.5.
586. Тибрин И.Н. Описание Ягодинской волости Княгининского уезда // Нижегородский сборник. Т.2. Нижний Новгород, 1869. С.369-384.
587. Тимковский И.Ф. В семинарии // Русский быт по воспоминаниям современников. Ч.2. Вып.3. М., 1923. С.59-62.
588. Титоров И. Българите въ Бессарабия. София. 1905.
589. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.
590. Токарев С.А. История изучения календарных обычаев и поверий // КООСЗЕ. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С.8-23.
591. Токарев С.А. Община и семья. Там же. С.194-201.
592. Токарев С.А. Эротические обычаи. Там же. - С.98-104.
593. Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958.
594. Токарев С.Полвоны должны стать мастерами // Советский спорт. М., 1959. 17.03. С.4.
595. Толль Ф. Настольный календарь для справок по всем отраслям знаний. Т.2. СПб., 1864.
596. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
597. Толстой Л.Н. Дневники 1847-1894 г. // Собр. соч. Т.21. М., 1985.
598. Толстой Л.Н. Рубка леса. Там же. Т.2. М., 1979. С.51-86.

599. Толстой Н.С. Заволжские очерки, практические взгляды. М., 1857.
600. Толубеев Н.И. Записки Н.И. Толубеева (1780-1809 г.). СПб., 1889.
601. Топографо-статистическое и этнографическое описание города Котельнича // ЭС. Вып.5. СПб., 1862. С.1-119.
602. Торопов Н.И. Физическая культура в период позднего средневековья // Очерки по истории физической культуры. Вып.5. М., 1950. С.151-204.
603. Точка. Кое о чем // Витебские губ. вед. 1905. №11. С.3.
604. Тузов В.В. Поденщина, или ежедневные издания. СПб., 1769.
605. Тульцева Л.А. Вьюнишники // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы. Л., 1978. С.122-137.
606. Тургенев И.С. Одино дворец Овсяников // Полн. собр. соч. Т.3. М., 1979. С.58-74.
607. Тучков М.С. Военный словарь. Ч.1. М., 1818.
608. Уездная жизнь. Касимов // Рязанская жизнь. 1912. №187. С.3.
609. Узбекские национальные виды спорта, физические упражнения и игры // Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. Т.3. М., 1963. С.190-193.
610. Украинско-русский словарь. Т.3. К., 1961.
611. Українські народні думи та історичні пісні. М., б/г.
612. Українські приказки, прислів'я та таке інше. Спорудив М. Номис. СПб., 1864.
613. Українці. Історико-етнографічна монографія. Т.1. К., 1959.
614. Украинцы // Народы европейской части СССР. Т.1. М., 1964. С.572-779.
615. Федоров В.Д. О себе и близких // Собр. соч. Т.1. М., 1975. С.5-58.
616. Фомин Г.И. Кулачные бои в Воронежской губернии // Известия Воронежского краеведческого общества. 1926. №3. С.14-18; №5. С.13-17; №6. С.11-15.
617. Фролов П.А. Лермонтовские Тарханы. Саратов, 1987.
618. Фромантен Э. Доминик. Пер. с французского А.Косс. Л., 1977.
619. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М., 1980.
620. Хангалов М. Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания у бурят Унгинского инородческого ведомства Балаганского округа // ЭО. М., 1898. №1. С.38-75.
621. Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып.1. М., 1885.

622. Харузин Н.Н. К вопросу о борьбе Московского правительства с народными языческими обрядами и суевериями // ЭО. М., 1897. №1. С.143-151.
623. Харузина В.Н. Рецензия на книгу: Д.К.Зеленин. Очерки русской мифологии. В. 1. Пг., 1916 // ЖС. Вып.4. Пг., 1916. С.331-336.
624. Холщевников С.А. Первая смена // Вестник Европы. Т.4. М., 1909. С.192-228.
625. Хроника // Елисаветградский вестник. 1889. №93. С.2.
626. Цейтлин Г. Народные игры в Поморье // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. №13. С.7-21.
627. Цирк в Одессе // Антракт. СПб., 1864. 25.10. С.3.
628. Чапыгин А.П. Жизнь моя // Собр. соч. Т.2. М., 1968. С.265-542.
629. Черепяхин Г.В. Годы борьбы. Воспоминания старого большевика. М., 1956.
630. Черканинский И.А. Енисейские старины и исторические песни. Этнографические материалы и наблюдения по реке Чуне // ЭО. Кн. 105-106. М., 1915. №1-2. С.81-112.
631. Чернев И. Семейщина. Летопись родного села. Улан-Удэ, 1987.
632. Чесноков Б.М. Русская народная борьба // Теория и практика физической культуры. М., 1955. №11. С.842-847.
633. Чесноков Б.М. Спорт в старой Москве // Страницы московского спорта. М., 1969. С.17-31.
634. Чириков Е.И. Путевой журнал 1849-1852 г. Кн. 5. СПб., 1875.
635. Чистов К.В. Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов Русского Севера // Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974. С.9-18.
636. Чистов К.В. Обрядовая поэзия // Краткая литературная энциклопедия. Т.5. М., 1968.
637. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI-XIX веков. Очерки по истории народных верований. М., 1957.
638. Чкалов В.П. Высоко над землей. Рассказы летчика. М.;Л., 1939.
639. Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. СПб., 1899.
640. Чурсин Г.Ф. Праздник выхода плуга у горских народов Дагестана // Известия Кавказского историко-археологического института. Т.5. Тифлис, 1927. С.43-60.
641. Шаляпин Ф.И. Повести о жизни. Пермь, 1978.
642. Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982.

643. Шашков С.С. Из путевых воспоминаний // Сибирская живая старина. Вып.7. Иркутск, 1928. С.117-121.
644. Швецов С.Д. В старом Ростове. Ростов-на-Дону. 1971.
645. Шебуев Н. Борьба // Театральная газета. М., 1905. №31. С.2.
646. Шевченко Т.Г. Титарівна // Повне зібрання творів. Т.2. К., 1939. С.75-80.
645. Шейковский К. Опыт южнорусского словаря. Т.1. Вып.1. К., 1861.
648. Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказаниях, легендах и т.п. Т.1. Вып.2. СПб., 1900.
649. Шептаев Л.С. Русское скоморошество в XVII веке // Ученые записки Уральского государственного университета. Вып.6. Свердловск, 1949. С.47-68.
650. Шинкарев П.М. Слобода Бело-Куракино. Старобельский уезд // Харьковский сборник. Вып.9. Харьков, 1895. С.239-342.
651. Шишков В.Я. Тайга // Собр. соч. Т.1. М., 1974. С.206-368.
652. Шолохов М.А. Поднятая целина // Собр. соч. Т.6. М., 1962.
653. Шолохов М.А. Поднятая целина. Там же. Т.7.
655. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Л., 1925.
656. Штольц А. Новейшая свободная борьба. СПб., б/г.
657. Шухевич В. Гуцульщина. Ч.3. Львів, 1902.
658. Щедровский И.С. (1815-1870). Борцы. Л., 1959.
659. Щукин Н.С. Народные увеселения в Иркутской губернии // Записки ИРГО по отделению этнографии. Т.2., СПб., 1869. С.382-398.
660. Элашвили В.И. Народная система физического воспитания в Грузии // Институт этнографии. Краткие сообщения. Вып.31. М., 1959. С.76-85.
661. Элашвили В.И. Традиции грузинской народной физической культуры и современность. Тбилиси, 1973.
662. Эльконин Д.Б. Психология игры. М., 1978.
663. Эремич И. Очерки белорусского Полесья. Вильна, 1868.
664. Этнографія Беларусі. Мн., 1980.
665. Этнография. Учебник для исторических специальностей вузов. Под ред. Ю.В.Бромлея и Г.Е.Маркова. М., 1982.
666. Ю.А.Т-м-в. Как народилась борьба в Петербурге // Геркулес. СПб., 1914. №1. С.5-6.
667. Ядринцев Н.М. Из воспоминаний о Томской гимназии // Старая Сибирь в воспоминаниях современников. Иркутск, 1939. С.78-86.
668. Ядринцев Н.М. Из литературных и студенческих воспоминаний Сибиряка. Там же. С.92-103.

669. Янковський Ю.И. Земля батьків // Твори. Т.1. К., 1958. С.263-354.
670. Японская борьба сумо. М., 1965.
671. Aslan R. Okulurda ve Kulüplerde serbest güres. Ankara, 1977.
672. Ercegan M. La lutte en Yougoslavie // L'Histoire de la Federation Internationale de Lutte Amateur. Paris, 1962. P.228-235.
673. Kent G. Pictorial History of Wrestling. Middlesex, 1968.
674. Lehmusto H. Painin historia. Helsingissa, 1939.
675. La lutte en Espagne // L'Histoire... P.80-87.
676. Minkowski H. Das Ringer im Grüblein. Stuttgart, 1963.
677. Olivova V. Lidé a hry. Historická geneze sportu. Praha, 1979.
678. Rudin F. A perçu historique de la lutte en Suisse // L'Histoire... P.198-205.
679. Steponaitis V. Lietuviv liaudies žaidimai ir pramogos. Vilnius, 1956.
680. Strömläk P., Svensson S. La lutte en Suede // L'Histoire... P. 190-197.
681. Vieth. Encyklopädie der Leibens üben. Erster Teil. Berlin, 1794.
682. Wishart A. La lutte en Angleterre // L'Histoire... P.34-38.

3. Неопубликованные источники

а) Архив РЭМ:

683. Ф.1. Оп.2. Д.593. Смирнов В.И. Народные заговоры, приметы, записанные в Костромской губернии. 1899-1925 г.
684. Ф.2. Оп.2. Д.20. Описание игр, забав и пищи населения Западной Белоруссии, собранные А.К. Сержпутовским. 1920 г.
685. Ф.7. Оп.1. Д.18. Богоявленская слобода Мстера (Вязниковский у.). 1898 г.
686. Там же. Д.104. Рождественский А. Фетиньинская волость. Вельский у. Вологодская губ. 1898 г.
687. Там же. Д.120. Аристархов А. Вологодский у. 1899 г.
688. Там же. Д.127. Городецкий П. Село Спасское Вологодского у. 1898 г.
689. Там же. Д.154. Соколов В. Норовская и Попадьинская волости Вологодского у. 1899 г.
690. Там же. Д.291. Ивонинский И. Байдаровская волость. Никольский у. Вологодская губ. 1899 г.
691. Там же. Д.295. Крупнов П. Лапшинская волость. Никольский у. Вологодская губ. 1899 г.

692. Там же. Д.336. Кириллов Н. Чахульский приход. Сольвычегодский у. Вологодская губ. 1899 г.
693. Там же. Д.397. Антоновский П. Яренский у. Вологодская губ. 1899 г.
694. Там же. Д.399. Село Устьвым. Яренский у. Вологодская губ. 1898 г.
695. Там же. Д.401. Ардатовский у. Симбирская губ. 1898 г.
696. Там же. Д.467. Иванов Т. Село Три-Озера. Спасский у. Казанская губ. 1899 г.
697. Там же. Д.551. Григорьев И. Село Вассы, деревни Сосено, Ямна. Мешовский у. Калужская губ. 1900 г.
698. Там же. Д.634. Куликовский Г. Московская губ. 1898 г.
699. Там же. Д.700. Белозерский у. Новгородская губ. 1898 г.
700. Там же. Д.805. Антипов В. Череповецкий у. Новгородская губ. 1899 г.
701. Там же. Д.911. Костин Ф. Болховский у. Орловская губ. 1898 г.
702. Там же. Д.1088. Костин Ф. Орловский у. Орловская губ. 1898 г.
703. Там же. Д.1109. Костин Ф. Орловский у. 1899 г.
704. Там же. Д.1276. О жизни и быте крестьян. Орловская губ. 1865 г.
705. Там же. Д.1341. Архангельский Н. Село Авгор. Краснослободский у. Пензенская губ. 1899 г.
706. Там же. Д.1342. Альферьевский П. Краснослободский у. Пензенская губ. 1899 г.
707. Там же. Д.1365. Софоклов Ф. Наровчатский у. Пензенская губ. 1899 г.
708. Там же. Д.1397. Рачинин В. Село Старомихайловка. Саранский у. Пензенская губ. 1899 г.
709. Там же. Д.1486. Миронов С.Хвалынский у. Саратовская губ. 1898 г.
710. Там же. Д.1498. Миронов С.Хвалынский у. 1899 г.
711. Там же. Д.1499. Миронов С.Хвалынский у. 1899 г.
712. Там же. Д.1665. Добровольский Е. Смоленский у. 1898 г.
713. Там же. Д.1815. Фомин А.А. Село Пречистое. Кашарская волость. Ростовская волость. Ростовский у. Ярославская губ. 1900 г.
714. Там же. Д.1860. Ярославская губ. б/г.
715. Там же. Д.1896. Боголюбов И. Село Селищи. Краснослободский у. Пензенская губ. 1898 г.

б) Архив Русского Географического общества:

716. Разряд 14. Оп.1. Ед.хр.18. Михайлов С. Масленица в городе Козмодемьянске. 1860 г.

717. Разряд 19. Оп.1. Ед.хр.12. Рождественский П. Сведения о нравах, обычаях, поверьях и преданиях, имеющихя у курских горожан средних классов и у простого сельского народа Курского уезда. 1848 г.

718. Разряд 23. Оп.1. Ед.хр.88. Яворский М. Этнографические сведения о селе Красном Арзамасского уезда Нижегородской губернии. 1850 г.

719. Там же. Ед.хр.110. Покровский В. Панорама сельской жизни престолюдинов Сергачского уезда села Ачки Нижегородской губернии. 1859 г.

720. Там же. Ед.хр.122. Разумов А. Этнографические сведения о некоторых селах Сергачского уезда Нижегородской губернии. 1849 г.

721. Разряд 33. Оп.1. Ед.хр.6. Зелятров И. Этнографические сведения о селе Серкине Михайловского уезда Рязанской губернии. 1850 г.

722. Разряд 41. Оп.1. Ед.хр.6. Обычаи крестьян Тверской губернии. Б/г.

723. Разряд 48. Оп.1. Ед.хр.85. Савченко И. Народная легенда о борцах на Руси. Не позднее 1871 г.

724. Разряд 61. Оп.1. Ед.хр.23. Абрамов Н.А. Географо-статистическое описание Ялотуровского округа. Середина XIX в.

725. Там же. Ед.хр.33. Бузолин О.В. Картина Тюмени, изображающая этот город в религиозном и политическо-нравственном отношениях. 1852 г.

в) ГАРФ:

726. Ф.7576. Оп.28. Ед.хр.4. Программа физической подготовки войск Украины и Крыма. 1922 г. Л. 105-108.

727. Там же. Филитис Н.С. Гимнастика естественных движений. 1923 г. Л. 116-152.

г) Архивы краеведческих музеев и областные:

728. ГАМО. Ф.325. Оп.1. Д.322. Материалы Оршанского четырехклассного городского училища за 1901-1902 учебный год.

728. ГАНО. Ф.105. Оп.1. Д.8. Лука Руднев. «Доношение в Чаусскую судную избу». 1737 г. 29 мая.

730. Архив РИАМЗ. Ф.3. Д.510. Попцов-Копцов А.П. Народные гулянья в городе Пронске. 1926 г.

731. Там же. Д.519. Шавыкин И.А. По реке Оке в Зарайском уезде. 1924 г.

732. Там же. Д.613. Попцов-Копцов А.П. Очерки и рассказы из быта чиновников Пронска. 1931 г.

733. Там же. Д.781. Шавыкин И.А. Столпянские кулачные бои. 1932 г.

734. Там же. Д.878. Этнографические материалы Рязанского края. 1900-1926 г.

735. Архив ЕИКМ. Д.43. Поддубный И.М. Автобиография. 1946 г.

д) Архив автора. Список информаторов:

736. Александров А.П. 1916 г.р. Архангельск. №7-А.

737. Афанасьев П.В. 1945 г.р. С.Кайдалово. Карымский р. Читинская обл. №1-3.

738. Белов А.К. 1951 г.р. Москва. №14-М.

739. Блохин Б.Е. 1943 г.р. С.Лесное-Ялтуново. Шацкий р. Рязанская обл. №25-Т.

740. Буланкин В.П. 1950 г.р. Пос. Солотча. Советский р. Рязанская обл. №41-Р.

741. Возмитель К.Д. 1902-1984 г. Витебск. №5-Вит.

742. Гвоздев А.С. 1937 г.р. С.Барановка. Милославский р. Рязанская обл. №12-Р.

743. Гладышев И.В. 1928 г.р. Д. Большое Гридино. Егорьевский р. Московская обл. №19-Р.

744. Говорков В.И. 1938 г.р. Д. Чаруши. Касимовский р. Рязанская обл. №16-Р.

745. Григорьев В.М. 1938 г.р. Одинцово. Московская обл. №7-М.

746. Зайцев А.Е. 1927 г.р. Ростов-Ярославский. №7-Я.

747. Зайченко А.А. 1913-1993. С.Слобода. Николаевский р. Волгоградская обл. №5-Ц.

748. Зобов Н.Е. 1936 г.р. Д. Иншино. Егорьевский р. Московская обл. №11-М.

749. К.В.С. (фамилия и инициалы не названы по желанию информатора). 1913 г.р. С.Семеново. Таловский р. Воронежская обл. №3-В.

750. Карасев А.В. 1938 г.р. С.Поднаволоки. Милославский р. Рязанская обл. №9-Р.

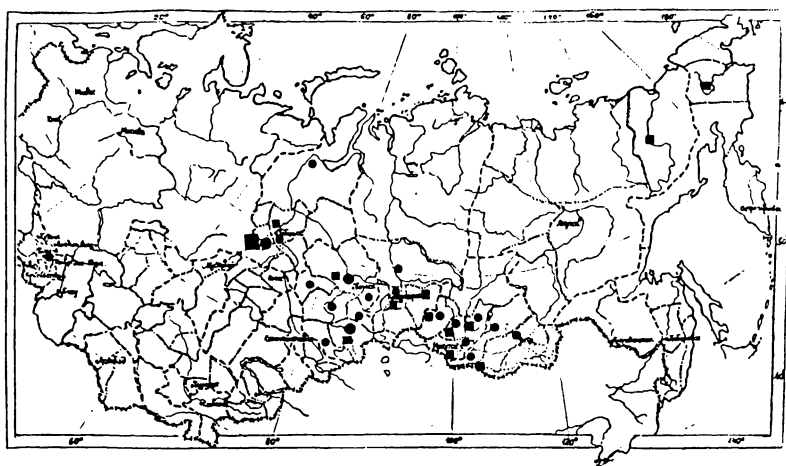

751. Козлов П.Г. 1917 г.р. С.Красное. Сапожковский р. Рязанская обл. №30-Р.
752. Колесникова О.Т. 1913 г.р. С.Елшанка. Бузулукский р. Оренбургская обл.
753. Колупаев И.Г. 1930 г.р. С.Ямбирно. Шацкий р. Рязанская обл. №17-Г.
754. Корбут А.И. 1911-1983 г. Могилев. №2-Мог.
755. Мамонтов А.П. 1914 г.р. Томск. №4-Том.
756. Манцеров В.В. 1935 г.р. С.Новокрасное. Сапожковский р. Рязанская обл. №18-Р.
757. Махорин И.В. 1915 г.р. Краснодар. №3-Куб.
758. Мишин Е.Ф. 1889-1980 г. Рязань. №2-Р.
759. Морозов Е.А. 1926 г.р. С.Сосновка. Сосновский р. Тамбовская обл. №4-Т.
760. Никифоров С.С. 1921 г.р. С.Паники. Сараевский р. Рязанская обл. №40-Т.
761. Пашенко М.Н. 1926 г.р. Хут. Донской. Киквидзевский р. Волгоградская обл. №11-Д.
762. Потокин П.Н. 1902-1988 г. Воронеж. №11-В.
763. Рассихин А.Д. 1914-1985 г. Г. Лебедянь. Тамбовская обл. №28-Т.
764. Семшов А.И. 1940 г.р. С. Черная Слобода. Шацкий р. Рязанская обл. №21-Т.
765. Соколдинский В.С. 1903-1981 г. Минск. 1-Мн.
766. Сурков А.Н. 1903-1981 г. С.Трехмизайловка. Бузулукский р. Оренбургская обл. №2-Сам.
767. Торопов И.В. 1909-1986 г. Днепропетровск. №3-Е.
768. Усов В.А. 1938 г.р. С.Вышгород. Рязанский р. Рязанская обл. №32-Р.
769. Фролов В.П. 1923-1994. Рязань. №39-Р.
770. Холин Н.Н. 1934 г.р. Д. Большое Уварово. Озерский р. Московская обл. №9-М.
771. Цибизов Д.Т. 1894-1994. С.Плахино. Захаровский р. Рязанская обл. №25-Р.
772. Чуфилов И.И. 1895-1984 г. Г. Кадом. Рязанская обл. №1-Т.

е) Авторефераты и диссертации:

773. Новоселов Н.П. Военные игры русского народа и их отношение к эпохе военной демократии. М., 1948.

774. Туманян Г.С. Армянская спортивная борьба. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 1956.

Условные обозначения:

Кулачные бои

Борьба

Количество сообщений:

- от 1 до 9.

- от 10 до 20.

- свыше 20.

Рис. 1. Географическое распространение обычая традиционных состязаний в борьбе и кулачном бою у восточных славян в середине XIII в.

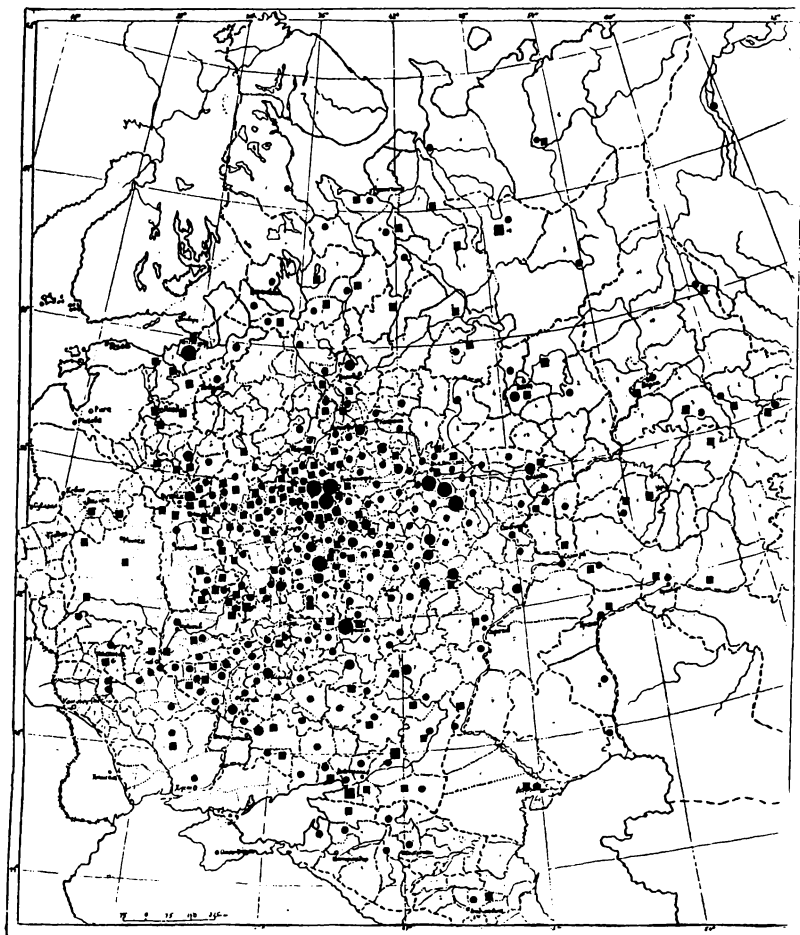
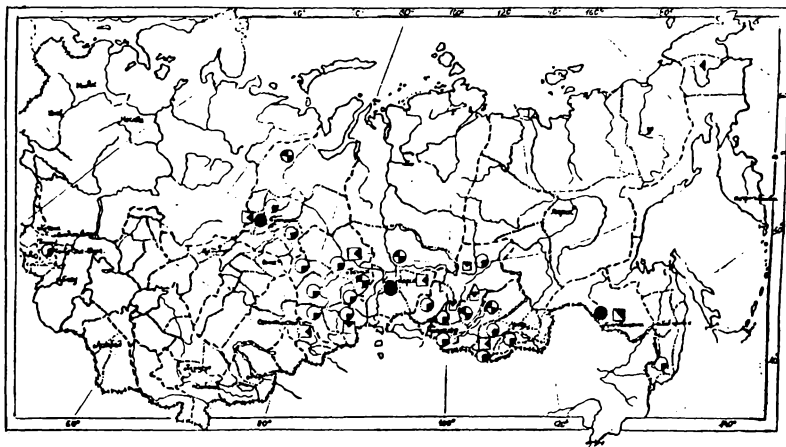

Рис. 1. (продолжение).

Условные обозначения:

1. Зимние календарные праздники.

- - преобладающее
  - ◐ - бытующие наряду с преобладающим
  - ◑ - встречаются редко
- От Николая до зимнего до Рождества и Крещенных святых.

- - преобладающее
  - ◐ - бытующие наряду с преобладающим
  - ◑ - встречаются редко
- Рождественские святые и Крещенные.

- - преобладающее
  - ◐ - бытующие наряду с преобладающим
  - ◑ - встречаются редко
- Сретенье.

- - преобладающее
  - ◐ - бытующие наряду с преобладающим
  - ◑ - встречаются редко
- Масленица

2. Весенне-летний календарный период.

- - преобладающее
  - ◐ - бытующие наряду с преобладающим
  - ◑ - встречается редко
- Великий пост

- - преобладающее
  - ◐ - бытующие наряду с преобладающим
  - ◑ - встречается редко
- Пасхальные праздники

- - преобладающее
  - ◐ - бытующие наряду с преобладающим
  - ◑ - встречается редко
- Семичко-тришкыко-петровский цикл праздников

3. Летне-осенний календарный период.

- - преобладающее
  - ◐ - бытующие наряду с преобладающим
  - ◑ - встречается редко
- После Петрова дня и до Михайлова дня (с 3000 до 10 1100)

Комбинированные условные обозначения:

- - от Николая до зимнего до Масленицы включительно.
- ◐ - от Рождественских святых до Масленицы включительно
- - Рождественские святые и Масленица

- ◐ - от Пасхальных праздников до после-петровского периода включительно.
- ◐ - от Великого поста до Семичко-тришкыко-петровских праздников включительно
- ◐ - от Пасхальных до Семичко-тришкыко-петровских праздников включительно
- ◐ - от Великого тришкыко-петровских праздников до послепетровского периода
- ◐ - Пасхальные праздники и после Петрова до

Рис. 2. Традиционное приурочивание обычаев сестязаний в народных видах борьбы и кучацкого боя у восточных славян в XIX - начале XX вв.

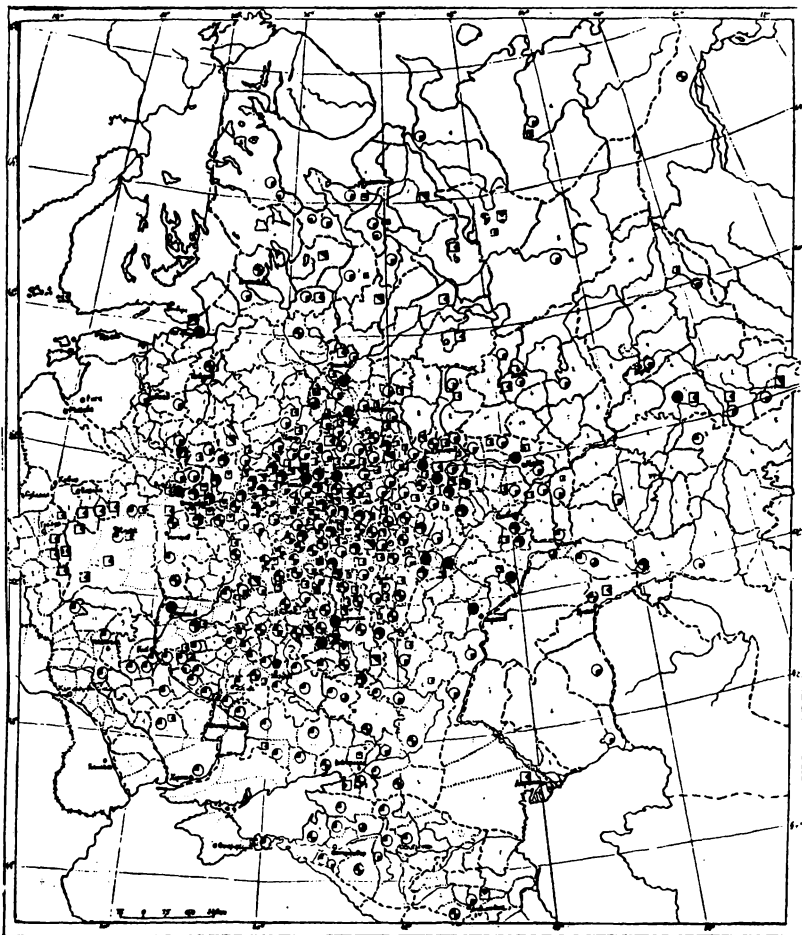

Рис. 2 (продолжение).

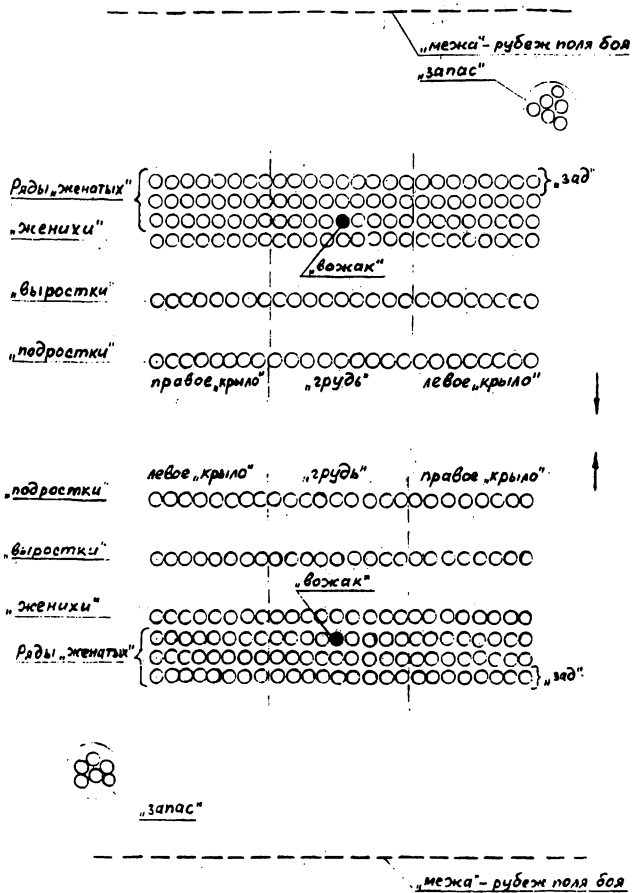

Рис.3. Построение бойцов в кулачном бою «стенка на стенку» при участии четырех возрастных групп, каждая из которых составляла свою «стенку»

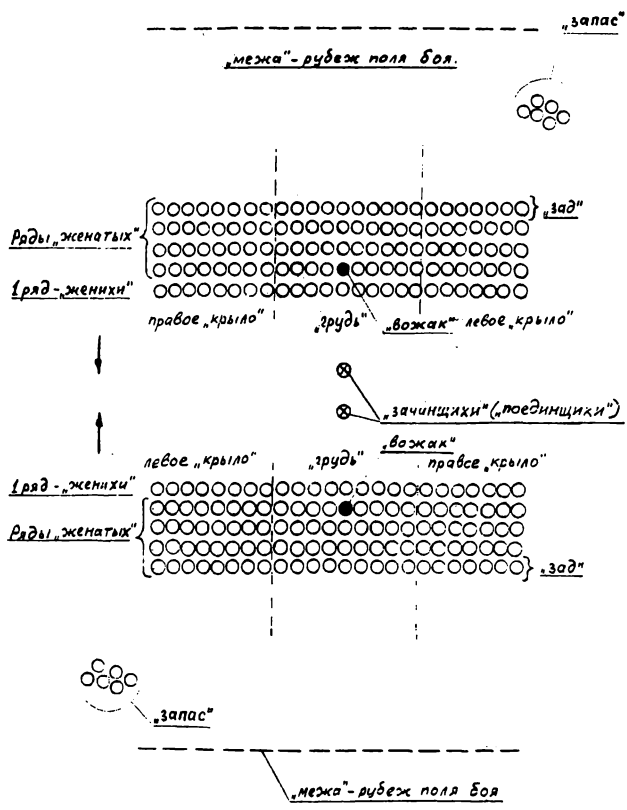

Рис. 4. Построение бойцов в кулачном бою «стенка на стенку» при участии двух возрастных групп с поединком сильнейших бойцов двух сторон

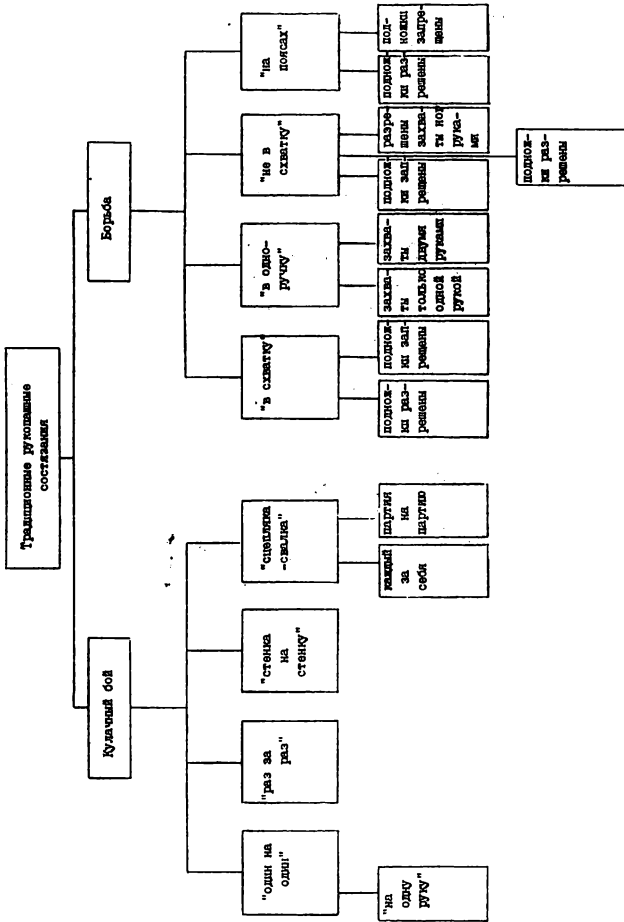

Рис. 5. Типология традиционных рукопашных состязаний у русских.

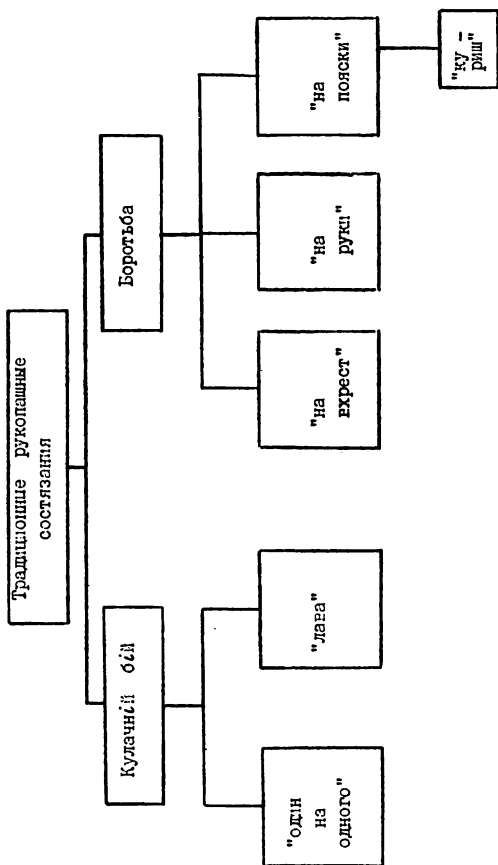

Рис. 6. Типология традиционных рукопашных состязаний у украинцев.

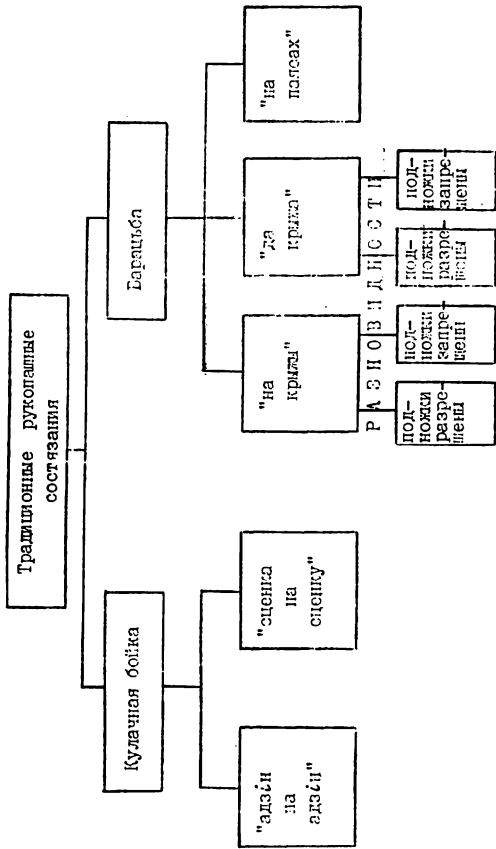
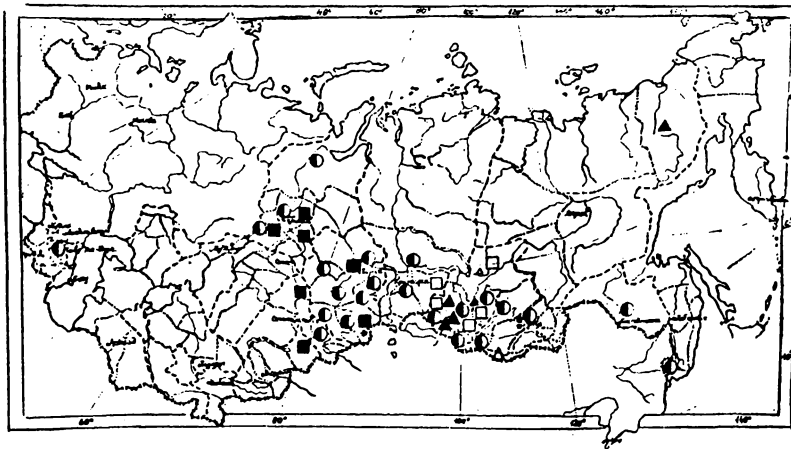

Рис.7. Типологія традицыйных руколяшных состязанняў у Беларусі.

Условные обозначения:

Кулачный бой

„стена на стену“ „один на один“ „с тремя руками“ „из за раз“
 „лаба“ „один на один“
 „стена на стену“ „один на один“

●	○	-	-	- преобладают
●	○	◆	◆	- встречаются между преобладающими
●	○	◆	●	- встречаются редко

Барьба

„в свистку“ „не в свистку“ „на одну руку“ „на посыле“
 „на ёжест“ „на руки“ „на посыле“
 „на крыльях“ „да крыжа“ „на посыле“

□	△	▲	■	- преобладают
□	△	▲	■	- встречаются между преобладающими
□	△	▲	■	- встречаются редко

Комбинированные условные обозначения:

●	□	▲
- Кулачный бой „стена на стену“ и „один на один“	- Барьба „на посыле“ и „в свистку“	- Барьба „на одну руку“ и „не в свистку“

Рис. 8 Географическое распространение отдельных видов барьбы и кулачного боя у восточных славян во второй половине XVII - начале XIX вв.

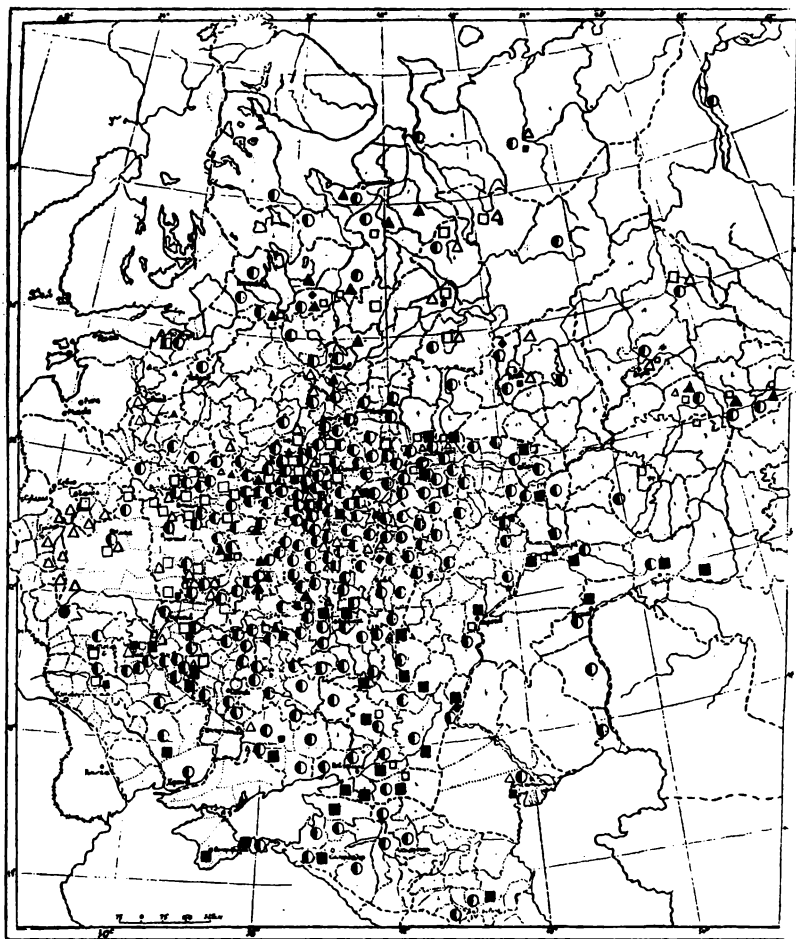

Рис. 8. (продолжение).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Географическое распространение обычаев состязаний в народных видах спортивной борьбы в XIX – начале XX в.	13
Глава II. Традиционные сроки проведения состязаний	28
Глава III. Характеристика и типология народных видов спортивной борьбы	32
1. Традиционные правила, организация и ход состязаний.....	32
а) Кулачный бой.....	32
б) Приемы кулачного боя.....	46
в) Борьба.....	48
г) Приемы борьбы.....	55
д) Одежда играющих.....	58
е) Подготовка к состязаниям.....	59
ж) Заговоры на победу в борьбе и кулачных боях.....	60
з) Противоборствующие стороны и деление на партии.....	61
и) Места для состязаний.....	63
к) Сильнейшие бойцы и борцы.....	65
л) Призы и заклады.....	66
2. Типология народных видов спортивной борьбы.....	69
3. Ареалы выявленных типов и видов традиционных рукопашных состязаний.....	71
4. Состав участников соревнований.....	73
5. Общее и особенное в содержании народных видов спортивной борьбы у русских, украинцев, белорусов.....	75
Глава IV. Социальные функции традиционных кулачных боев и борьбы	78
1. Социальные функции XIX – начала XX в.....	78
а) Военно-прикладная функция.....	78
б) Функция воспитания и социализации.....	83
в) Функция контроля уровня подготовки.....	85
г) Функция развлечения.....	86
д) Зрелищно-эмоциональная функция.....	88
е) Компенсаторная функция.....	90
ж) Коммуникативная функция.....	92
2. Реликты архаичного функционирования состязаний.....	93
а) Ритуально-магическая, обрядовая функция.....	93
аа) Пережитки магических представлений о воздействии рукопашного противоборства на аграрное плодородие.....	93

аб) Связь обычная состязаний в борьбе и кулачном бою с культом предков и поминальным обрядом	96
ав) Рудименты состязаний борцов и кулачных бойцов в составе свадебного обряда	98
б) Функционирование в древних механизмах социализации ...	106
ба) Рукопашные состязания в составе древних инициаций	106
бб) Черты древних мужских союзов в структуре состязаний	107
в) Функция инструмента обычного права	108
3. Оценка возможностей использования на практике народных видов спортивной борьбы в современных условиях	109
Заключение	111
Список сокращений	121
Библиография	122
Приложение	158
Содержание	169

Научное издание

Б.В. ГОРБУНОВ

**Традиционные рукопашные состязания в народной
культуре восточных славян XIX - начала XX в.
*Историко-этнографическое исследование***

Подписано в печать 22.05.97. Формат 60/84 1/16

Объем 11,42 п.л. Тираж 200 экз. Зак. N 56

Цена договорная

Типография РАН

Российская
Академия
Наук

Институт
Этнологии
и Антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Координационно-
методический центр прикладной
этнографии
